И 92

Итоги и перспективы.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

Вл. Громана, Поля Луи, П. Маслова, Л—га,
В. Меча, Ахмета Ца—ова, Г. Гейликмана,
З. Ленскаго, Н. Гилина, Т. Бѣльскаго, Д—она.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Типографія торговаго дома А. П. Печковскій, П. А. Буланже и К°.
Москва, Пантелеевскій пер., соб. д., № 53.
1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Вл. Громанъ. Содержаніе русской революціи . .	IV—XVI
П. Луи. Всемірное значеніе русской революціи .	1— 15
П. Масловъ. Экономическая дѣйствительность и экономическія перспективы	16— 44
Л—чъ. Моменты контръ-революціи	45— 62
В. Мечъ. Соціальная закономѣрность революціи .	63— 93
Ахметъ Ца—овъ. Революціонное движеніе въ Осетіи	94—114
Г. Гейликманъ. Національный вопросъ и пролетаріатъ	115—139
З. Ленскій. Формы пролетарской борьбы	140—172
Н. Гилинъ. Мѣстное самоуправленіе въ годъ революціи	173—197
Т. Бѣльскій. Критическіе соціалисты и политика блока	198—210
Д—онъ. Съ объединительнаго съѣзда Россійской соціалдемократіи	211—216

Въ настоящемъ сборникѣ помѣщены статьи, освѣщающія съ соціалдемократической точки зрѣнія, какъ характеръ и содержаніе русской революціи, такъ и тѣ тактическіе вопросы, которые выдвигаются передъ россійской соціалдемократіей въ ходѣ событій.

Развиваемые въ сборникѣ взгляды отражаютъ то идейное и тактическое теченіе, которое характеризуетъ т.-н. „меньшинство". Но и въ предѣлахъ единства общаго міровоззрѣнія неизбѣжны оттѣнки, индивидуальная особенности, каковые и констатируются въ статьяхъ отдѣльныхъ авторовъ. Наличность ихъ, несомнѣнно, позволитъ полнѣе и глубже выяснить вопросы, затрагиваемые въ сборникѣ.

Эти соображенія побудили редакцію напечатать статьи П. Луи и В. Меча, представляющія собой два полярныхъ оттѣнка въ пониманіи характера историческаго переворота, переживаемаго нашей страной.

Редакція не раздѣляетъ цѣликомъ взглядовъ ни одного изъ названныхъ товарищей, но полагаетъ, что сравненіе и оцѣнка развитыхъ обоими аргументовъ и сдѣланныхъ выводовъ будутъ способствовать правильному рѣшенію вопросовъ: что такое русская революція и каковы ея вѣроятные результаты.

По мнѣнію нашего французскаго товарища, „русская революція потому именно и сосредоточила на себѣ интересъ всего міра, что она является революціей соціальной". „Ведетъ ее не буржуазія, а пролетаріатъ", который „ведетъ борьбу противъ самодержавія, но также и противъ буржуазіи, противъ собственности на землю и орудія производства". Такъ мыслитъ содержаніе нашей революціи Поль Луи. Онъ вѣритъ „въ полное и окончательное ея торжество понимая подъ нимъ не только учрежденіе конституціи, введеніе всеобщаго избирательнаго права, коренное преобразованіе политическаго режима и уничтоженіе самодержавія но также и побѣду соціалистическихъ идей, завоеванія пролетаріата, новую организацію труда и новое распредѣленіе земель".

Для т. Меча наша революція является однотипной съ буржуазными революціями европейскихъ странъ, смыслъ которыхъ состоитъ въ преобразованіи политической организаціи, зародившейся въ эпоху феодальнаго строя, соотвѣтственно требованіямъ строя буржуазнаго, или, вѣрнѣе, феодально-буржуазнаго, такъ какъ, по мнѣнію товарища, наша революція не уничтожитъ ни феодальныхъ классовъ, ни феодальнаго хозяйства.

Не новое распредѣленіе земель, а частичное дополнительное надѣленіе въ духѣ к-д'ской программы принесетъ съ собой русская революція, оставивъ по крайней мѣрѣ еще на десятокъ лѣтъ неосуществленными многія изъ другихъ нормъ этой программы. О новой организаціи труда товарищъ не поднимаетъ даже вопроса.

Вся глубина различія въ пониманіи обоими авторами содержанія великой русской революціи для насъ теперь ясна. Кто правъ изъ нихъ? Или кто менѣе неправъ? Или наконецъ, они оба одинаково неправы, а истина лежитъ гдѣ-то за предѣлами горизонта того и другого писателя?

Сжатый отвѣтъ на эти вопросы и составитъ тему нижеслѣдующаго изложенія.

Начнемъ съ статьи В. Меча.

Основная теоретическая идея, которая руководитъ авторомъ, заключается въ томъ, что современное общество есть общество сложное: оно представляетъ собою сочетаніе двухъ существенно разнородныхъ типовъ общественнаго, т. е. прежде всего производственнаго строя: общества феодальнаго и общества буржуазнаго. Каждый изъ этихъ общественныхъ типовъ въ свою очередь есть „единство противоположностей“, такъ какъ состоитъ изъ антагонистическихъ классовъ: „баринъ и мужикъ“, „буржуа и пролетарій“. Но несмотря на антагонизмъ классовъ внутри каждаго изъ названныхъ типовъ между ними есть нѣчто общее, противополагающее ихъ классамъ другого общественнаго типа Поэтому необходимо оперировать не только съ классами, но и съ группами классовъ. Это тѣмъ болѣе необходимо при анализѣ *революціи* такъ какъ она вызывается противорѣчіемъ между потребностями важнѣйшихъ соціальныхъ группъ и классовъ и „политической организаціей“, а послѣдняя опредѣляется именно типомъ общества.

Вѣрно ли опредѣлилъ авторъ соціальный характеръ современнаго общества? Отвѣтъ можетъ быть только такимъ: и да, и нѣтъ! Товарищъ оперируетъ съ устойчивыми, неподвижными понятіями: классы феодальные, классы буржуазные и затѣмъ механически смѣшиваетъ ихъ въ одномъ сложномъ обществѣ. Между тѣмъ процессъ преобразованія общества феодальнаго въ буржуазное, преобразуетъ и характеръ классовъ прежняго общества: землевладѣлецъ, крестьянинъ, торговецъ, и ремесленникъ уже не тѣ, какими они были въ феодальную эпоху.

Далѣе, необходимо было рѣшить вопросы: не являются ли противорѣчія интересовъ и стремленій антагонистическихъ классовъ внутри каждаго производственнаго типа настолько глубокими, что нѣкоторыя общія черты культуры тонутъ въ сравненіи съ разъединяющими моментами, а съ другой стороны не происходитъ ли въ процессѣ исторіи нѣкотораго сближенія интересовъ между классами принадлежащими къ разнымъ типамъ, но занимающими аналогичную роль въ каждомъ изъ нихъ, сближенія, конечно, только въ предѣлахъ отношенія одной комбинаціи классовъ къ другой, напр.; не констатируются ли элементы сходства и близости интересовъ между пролетаріатомъ и частью крестьянства въ ихъ отношеніи къ высшимъ классамъ феодальнаго и буржуазнаго общества, и обратно?

Эти вопросы не были прямо поставлены В. Мечемъ. Но нельзя сказать, чтобы онъ не коснулся ихъ. Онъ не могъ не натолкнуться на нихъ, и вотъ какъ онъ ихъ рѣшилъ.

Онъ констатировалъ наличность феодальныхъ буржуа и буржуазныхъ феодаловъ, склонныхъ къ политическому и вѣроятно соціальному, эклектизму, мыслящихъ и поступающихъ *то* какъ феодалы, *то* какъ буржуа. Такимъ образомъ онъ механически соединяетъ и разъединяетъ признаки разныхъ общественныхъ типовъ.

Но впадая при такой конструкціи въ противорѣчіе съ фактами дѣйствительности, онъ вынужденъ былъ чуть не цѣликомъ всю крупную буржуазію отнести въ группу феодально-буржуазную, не замѣтивъ, что такимъ образомъ обезцѣнилъ все свое соціологическое построеніе, основанное на дѣленіи классовъ на группы по общественнымъ типамъ: что же это за буржуазное общество безъ крупныхъ буржуа?

вѣдь они — *главныя* фигуры этой общественной формаціи, наличность крупнаго производства и создаетъ послѣднюю. Если исключить ихъ, то останется лишь средняя и мелкая буржуазія, а также и интеллигенція, но многіе купцы ремесленники—по классификаціи товарища—относятся къ феодальнымъ классамъ, а интеллигенція справедливо характеризуется имъ какъ промежуточный между буржуазіей и пролетаріатомъ слой. Изъ кого-же состоитъ этотъ новый буржуазный міръ?

Дѣло очевидно въ томъ, что реальный „новый міръ", реальная буржуазія не тѣ, которыми они должны быть по схемѣ В. Меча. Реальная крупная буржуазія, приспособившись къ прежнему режиму и приспособивъ его къ себѣ, главнымъ образомъ потому и встала въ оппозицію къ нему, что пролетаріатъ началъ борьбу, направленную непосредственно противъ нея самой, борьбу, съ которой старый режимъ оказался не въ состояніи справиться. Этотъ фактъ сдѣлалъ очевидной необходимость установленія новыхъ политическихъ формъ, способныхъ регулировать перманентную междоусобную войну. Если буржуазія высказывается за всеобщее равное, прямое и тайное избирательное право, за политическую свободу, то потому, что пролетаріатъ, своей борьбой, дѣлаетъ невозможнымъ сохраненіе „порядка", нарушаетъ непрерывность и регулярность процесса производства и обмѣна, эти необходимыя условія жизни буржуазнаго общества. Мы знаемъ, что аргументируя необходимость политическихъ перемѣнъ, гг. фабриканты и заводчики въ своихъ запискахъ прошлаго года особенно настаивали на томъ, что если не предоставить извѣстныхъ правъ „рабочему человѣку" онъ сдѣлаетъ самое производство невозможнымъ. Политическія преобразованія нужны для регулированія соціальной борьбы—таковъ основной мотивъ политиковъ буржуазіи, слѣдовательно, она, эта, борьба, и есть причина политическаго „демократизма буржуазіи", поскольку о немъ можетъ идти рѣчь.

Но о немъ рѣчь идти можетъ.

Товарищъ дѣлаетъ фактическую ошибку, когда говоритъ, что дума 6 августа вполнѣ удовлетворила крупную буржуазію. Нѣтъ, она привѣтствовала ея учрежденіе только какъ шагъ къ установленію парламентскаго режима, и требовала все-

общаго избирательнаго права. Начали эти слои буржуазіи дѣйствительно съ требованій „установленія взаимодѣйствія власти и общества“, но 8 мѣсяцевъ революціи, 8 мѣсяцевъ непрерывнаго роста политической и соціальной активности эксплоатируемыхъ слоевъ, и прежде всего пролетаріата, заставили ее понять, что безъ уступокъ требованіямъ демократіи, „соціальный миръ“ не возстановится.

Но съ другой стороны, когда пролетаріатъ въ процессѣ борьбы прибѣгнулъ къ попыткѣ непосредственнымъ путемъ „революціоннаго захвата“ осуществить одно изъ основныхъ своихъ требованій—8 ч. рабочаго дня, когда его передовые организованные кадры также поставили на очередь дня фактическую ликвидацію стараго режима и захватъ политической власти, та же самая буржуазія, которая говорила о парламентаризмѣ и всеобщемъ голосованіи, бросилась въ объятія правительства, лишь бы послѣднее обуздало и смирило рабочія массы.

Мы дѣлаемъ эти замѣчанія не потому, что хотѣли бы защищать цѣлесообразность тѣхъ актовъ, о которыхъ идетъ рѣчь,—нѣтъ, они были плодомъ неправильнаго пониманія общаго соотношенія силъ и переоцѣнки своихъ,—но для того, чтобы опровергнуть слѣдующую конструкцію пролетарскаго движенія и его отношенія къ движенію буржуазіи.

„Рабочій классъ выступилъ однимъ изъ первыхъ подъ знаменемъ не только классоваго, но и общекультурнаго характера. Онъ выставилъ въ наиболѣе послѣдовательномъ видѣ тѣ политическія требованія, которыя составляли главный смыслъ революціи и раздѣлялись, въ той или иной мѣрѣ, всей культурной буржуазіей, всѣмъ новымъ обществомъ. Правда, въ разгарѣ движенія, увлеченный успѣхомъ и казавшимся могуществомъ, онъ болѣе рѣзко выставилъ и экономическія требованія противъ буржуазіи. Но въ то же время имъ не были оставлены и первоначальные, болѣе широкіе интересы. Отдѣлившись отъ экономическаго врага, онъ продолжалъ идти рядомъ съ нимъ противъ врага политическаго и повелъ трудную непосильную борьбу на два фронта“.

Такая характеристика рѣзко противорѣчащая всѣмъ извѣстнымъ фактамъ, воочію иллюстрируетъ послѣдствія мышленія схемами, перенесенія во внѣ, въ живой реальный міръ, строго дефинированныхъ и мертвыхъ въ своей непод-

вижности понятій. Массы пролетаріата, какъ живое цѣлое, поднялись прежде всего противъ непосредственнаго гнета: экономической эксплоатаціи и политическаго безправія, и лишь въ процессѣ борьбы дошли до общихъ политическихъ требованій, причемъ немалую роль играли въ этомъ обобщеніи стремленій тѣ члены класса, которые уже далеко ушли отъ повседневности, развились до пониманія великихъ конечныхъ цѣлей пролетаріата. Рабочій классъ одновременно выставилъ „болѣе рѣзко“ *и* политическія *и* экономическія требованія противъ „своего естественнаго культурно-политическаго союзника—буржуазіи“. Онъ неустанно и непрерывно ведетъ съ ней борьбу и черезъ эту борьбу доходитъ до формулированія „общекультурныхъ политическихъ требованій“. Пролетаріатъ знаетъ, что одинаково съ нимъ стремясь къ политической власти буржуазія вмѣстѣ съ тѣмъ стремится—и это стремленіе преобладаетъ надъ всѣми другими—не допустить до этой власти пролетаріатъ и готова даже поступиться полнотой осуществленія своей воли къ власти, лишь бы ослабить политическое вліяніе пролетаріата, справедливо опасаясь, что онъ используетъ его въ цѣляхъ ослабленія тяготѣющаго надъ нимъ экономическаго гнета.

Ноябрьскій конфликтъ, о которомъ говоритъ т. Мечъ глубоко характеренъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, который ему придаетъ товарищъ. Пролетаріатъ всегда ведетъ борьбу на два фронта, и притомъ такъ, что борьба эта ведется какъ одно цѣлое, какъ „классовая борьба“, которая, какъ мы давно знаемъ, есть борьба *и* экономическая *и* политическая. Ноябрь 1905 года не исключеніе, а правило, это не эксцессъ—а яркое проявленіе типичныхъ соціально-политическихъ соотношеній. Мощь и рѣзкость соціальнаго антагонизма двухъ классовъ одного и того же строя такъ глубока, что заставляетъ одного изъ нихъ броситься въ объятія „общаго врага“ лишь бы смирить своего „союзника“.

По мнѣнію товарища это обостреніе внутренней классовой борьбы частью парализовало силы новаго общества въ борьбѣ со старымъ режимомъ.

Мы же скажемъ, что поскольку не имѣетъ мѣста неправильная оцѣнка силъ и положенія, постольку—наличность этого антагонизма не только не ослабляетъ политической борьбы со старымъ режимомъ, но о б у с л о в л и в а е т ъ ее. Политическая

демократія можетъ осуществиться лишь тогда, когда глубина соціальныхъ конфликтовъ, вовлекшихъ въ борьбу самыя *массы* классовъ, дойдетъ до такой степени интенсивности, что единственной формой самосохраненія общественнаго цѣлаго явятся свободныя формы полнаго народовластія. Революціи середины XIX вѣка завершились компромиссомъ между старымъ и новымъ именно потому, что соціальная междуклассовая борьба была слаба. Не представляетъ исключенія и Франція 48—52 г., гдѣ Парижъ былъ одинокимъ оазисомъ развитой классовой борьбы.

Само собой разумѣется, что здѣсь указано необходимое, но не достаточное условіе для установленія демократіи. Послѣдняя предполагаетъ опредѣленный строй производственныхъ отношеній, высокую степень соціальной дифференцировки, извѣстный уровень сознательности, активности и организованности, но вѣдь эти признаки одновременно являются и причинами и слѣдствіями развитой классовой борьбы.

Перейдемъ теперь *къ крестьянству*.

Что такое крестьянство? *Отвѣтъ т-ща таковъ*. Одинъ изъ феодальныхъ классовъ, временно поднявшійся за землю и имѣющій успокоиться и вернуться на старое историческое пепелище, покинувъ не только революцію, но и всякую политику,—какъ только по лучитъ клочки земли въ дополнительный надѣлъ.

На чемъ основана эта характеристика? На реальномъ анализѣ конкретной русской деревни, или же на схематической формулѣ, въ которой всему уготовано соотвѣтствующее мѣсто?

Русское крестьянство распадается на рѣзко различные слои: среднюю буржуазію, мелкихъ буржуа—самостоятельныхъ товаропроизводителей, трудовыхъ хозяевъ натуральнаго типа и наконецъ, полухозяевъ—полурабочихъ. Только къ предпослѣдней группѣ и меньшей части послѣдней можно примѣнить терминъ феодальный. Всѣ остальныя группы—категоріи буржуазнаго строя, но связь съ ними и феодальной группой модифицируетъ характеръ послѣдней. Разъ же это такъ, то включеніе крестьянства въ феодальный конгломератъ—не реалистично. Особенно станетъ ясною ошибка автора, если мы вспомнимъ про связь крестьянина съ рабочимъ классомъ. Изъ 16 милліоновъ крестьянскихъ дворовъ врядъ ли меньше половины отпускаетъ въ данный годъ или

отпускало нѣсколько лѣтъ тому назадъ „отхожихъ промышленниковъ“. Ихъ насчитывается до 8 милліоновъ, но не слѣдуетъ забывать, что промышленникъ, пробывши нѣсколько лѣтъ на промыслахъ часто возвращается домой и садится на землю, а въ числѣ 8 милліоновъ фигурируетъ уже другой —недавній, а вѣроятно и будущій, „хліборобъ“.

Такимъ путемъ деревня пріобщается къ тому культурному міру, которымъ живетъ пролетаріатъ: соціальные и политическіе инстинкты, навыки и понятія, свойственныя феодальному строю, получаютъ сильную встряску. То же дѣлаетъ и борьба съ „кулакомъ“, этимъ представителемъ буржуазнаго міра, хотя и носящимъ „чумазое“ обличье.

Т. Мечъ рѣшительно отвергаетъ всякій политическій характеръ крестьянскаго движенія, что можно объяснить только апріорностью его сужденій.

Что бы ни говорили о „внушенности“ крестьянскихъ политическихъ приговоровъ, нельзя отрицать за ними проявленія еще смутной, но все же политической мысли. А зачатки крестьянскаго союза, съѣзды всероссійскіе и областные, уѣздные и губернскіе, сельскіе митинги и выборы въ думу,— развѣ все это не показало, что крестьянскія массы не остались чуждыми политическому мышленію, развѣ все это не говоритъ о пробужденіи политической воли?

Наконецъ, какимъ образомъ можетъ рѣшиться вопросъ о землѣ внѣ пріобщенія крестьянъ къ политикѣ. Правда, нашъ авторъ думаетъ, что онъ рѣшится дополнительнымъ надѣленіемъ. Но удовлетворится ли крестьянинъ такимъ рѣшеніемъ? Ему нужна не только земля вообще, а помѣщичья земля, которую онъ считаетъ своею, считаетъ потому, что и работаетъ надъ ней и заплатилъ за нее безмѣрныя суммы. Получитъ ли онъ ее не ставши силой въ государствѣ? Очевидно, нѣтъ! Мало того развѣ можетъ аграрный вопросъ рѣшиться кѣмъ либо, кромѣ организованной демократіи, кто же еще въ состояніи перераспредѣлить землю? Далѣе, самъ Мечъ признаетъ уже, что борясь за землю крестьянину приходится сталкиваться съ орудіями режима, ну а сталкиваясь съ ними онъ не дойдетъ если уже не дошелъ, до самого режима?

Авторъ пришелъ бы къ инымъ заключеніямъ, если бы подольше остановился на собственной мысли, что деревенскія бабы долго еще будутъ пугать дѣтей именемъ „дурного

министра самодержавія". Эта фигура—не случайная; долгія десятилѣтія безграничнаго гнета и всяческаго издѣвательства убѣдили въ этомъ крестьянскую массу, и послѣдняя всѣмъ своимъ существомъ стремится къ другому режиму.

Въ высокой степени могло бы быть плодотворно и такое пониманіе вліянія революціи на крестьянство: „Земля, полученная при посредствѣ представительства, будетъ напоминать о преимуществѣ демократіи", но эта мысль стоитъ не только одиноко въ рядѣ другихъ, но и мало гармонируетъ съ ними. Тов. употребляетъ слово „демократія", но что оно значитъ въ его устахъ? Всѣ его взгляды не даютъ совершенно основаній полагать, что онъ предвидитъ установленіе политической демократіи. Всѣ его аргументы приводятъ къ тому, что мечтать о демократіи, значитъ тѣшиться иллюзіями; крупная буржуазія носитъ феодальный характеръ, крестьянская революція у него уже въ прошломъ, борьба на два фронта для пролетаріата непосильна. Гдѣ же тогда силы, которыя добьются демократіи? Земля можетъ напоминать о демократіи лишь при условіи если и демократія и полученіе земли крестьяниномъ станутъ *фактами*, и притомъ взаимно обусловленными, ну а тогда отъ выводовъ товарища Мечъ, не останется и слѣда. Идея предстоящаго дополнительнаго надѣленія, будетъ лишь историческимъ документомъ, свидѣтельствующимъ о недооцѣнкѣ силъ революціи и переоцѣнкѣ силъ реакціи. Крестьянинъ не закончилъ еще революціи, а закончитъ онъ ее, совмѣстно съ пролетаріатомъ, полнымъ исключеніемъ изъ списка классовъ, составленнаго товарищемъ Мечемъ, класса частныхъ землевладѣльцевъ, по крайней мѣрѣ, крупныхъ. Имѣются всѣ основанія думать, что русская революція ликвидируетъ феодальный строй діаметрально противоположнымъ способомъ, чѣмъ то сдѣлала Англія. Тамъ исчезло съ лица земли крестьянство, а остались въ неприкосновенности феодалы, сумѣвшіе забрать почти всю землю и приспособиться къ капиталистическому міру. У насъ же исчезнутъ феодалы, крестьяне также получатъ большую долю земель и также приспособятся къ новому буржуазному строю, но уже организованному въ политическую демократію. Наша революція аналогична mutatis mutandis революціи 1789 года, которая сильно задѣла феодаловъ и значительно подняла

крестьянъ, измѣнивъ при этомъ ихъ характеръ. Но происходящая при иныхъ производственныхъ отношеніяхъ, при иномъ соотношеніи классовъ, высшемъ культурномъ уровнѣ, русская революція будетъ болѣе послѣдовательной и рѣшительной въ дѣлѣ ликвидаціи феодальныхъ отношеній.

Порукой въ этомъ—революціонная связь между крестьянствомъ и пролетаріатомъ, и полное и дѣятельное сочувствіе этимъ классамъ со стороны многочисленной интеллигенціи, какъ группы квалифицированнаго, но въ массѣ продажнаго труда, интеллигенціи, заинтересованной непосредственно въ установленіи политической демократіи, а посредственно и въ экономическомъ улучшеніи положенія массъ, такъ какъ уровень жизни и потребностей послѣднихъ опредѣляетъ и спросъ и условія интеллигентнаго труда.

Эти силы, ихъ совмѣстная борьба и сдѣлаетъ то, что русская революція завершится переустройствомъ политическихъ отношеній на основахъ свободной демократіи и, освободивъ общество отъ опоры соціальной и политической реакціи—класса крупныхъ землевладѣльцевъ, вырветъ у буржуазіи рядъ реформъ, въ цѣляхъ физическаго и духовнаго подъема рабочаго класса, заставивъ ее—подъ угрозой невозможности регулярнаго хода производства и обмѣна, примириться съ демократическими формами общежитія.

Т. Мечъ считаетъ такіе выводы продуктомъ субъективнаго мышленія, не учитывающаго реальныхъ силъ и ихъ соотношеній. Онъ напоминаетъ, что въ рукахъ феодальнаго общества и соотвѣтствующаго ему государства находится войско, которое является для него „своей силой“, „это—невѣжественное, соціально неразвитое крестьянство, котораго въ казармахъ не просвѣтили даже и аграрные безпорядки“. Онъ ссылается на октябрьскіе дни погромовъ и на подавленіе декабрьскихъ возстаній. Но почему онъ не упомянулъ объ октябрьскихъ, ноябрьскихъ и декабрьскихъ противоположнаго характера событіяхъ, когда части войсковыхъ гарнизоновъ, а то и всѣ цѣликомъ братались съ народомъ, участвуя на его митингахъ и вмѣстѣ съ нимъ заполняя улицы городовъ, иногда въ полномъ боевомъ вооруженіи? Не говорятъ ли эти факты за то, что въ войскѣ *начался* процессъ соціально-политическаго пробужденія и просвѣтленія, какъ отраженіе того же процесса происходящаго за

стѣнами казармъ въ нѣдрахъ тѣхъ классовъ, изъ которыхъ рекрутируются солдаты? Но конечно, специфическія условія казарменной жизни, задерживаютъ этотъ процессъ, что и было использовано правительствующей реакціей. Но разъ народное движеніе будетъ продолжаться, а мы старались показать, что оно не можетъ не продолжаться, то и войско перестанетъ служить враждебнымъ народу силамъ и частью перейдетъ активно на его сторону. Исторія всѣхъ революцій показываетъ, что вѣрность войскъ обратно пропорціональна силѣ и широтѣ революціоннаго движенія. Громадное значеніе въ дѣлѣ роста политическаго сознанія арміи будутъ играть представительныя учрежденія и ихъ конфликтъ съ старой властью. Они воочію покажутъ и солдату, *кому* его заставляютъ служить и *во имя чего* дѣлаютъ изъ него брато- и отце—убійцу.

Остается остановиться на такомъ аргументѣ товарища.

Онъ ссылается на рѣшающую роль парламентской борьбы, въ которой де большинство—а оно принадлежитъ по его классификаціи феодальнымъ классамъ,—проявитъ свою консервативную и даже реакціонную волю. Мы уже говорили, что „приписываніе“ современнаго крестьянства въ его цѣломъ къ феодальному обществу ошибочно, старались показать также, что и феодальныя его группы не могутъ не быть при данной комбинаціи силъ активными сторонниками демократіи, и, слѣдовательно они станутъ консервативными лишь *послѣ* ея осуществленія. Далѣе рѣшающую роль парламентъ никогда не играетъ, онъ съ одной стороны трибуна, а съ другой—счетчикъ и организаторъ общественныхъ силъ, соотношеніе которыхъ и рѣшаетъ дѣло, диктуя парламенту его поведеніе.

Французская революція 18-го вѣка блестяще иллюстрируетъ роль представительныхъ учрежденій: улица, клубы—вотъ что опредѣляло содержаніе ихъ дѣятельности. Ихъ же функція выражалась въ томъ, что они во-первыхъ помогали улицѣ и клубамъ формулировать свои стремленія и координировать различныя теченія, а во-вторыхъ устанавливали такія учрежденія, принимали такія „мѣры“, которыя удовлетворяли требованіямъ волнующихся общественныхъ классовъ, пропорціонально ихъ силѣ и вліянію. И будущіе русскіе парламенты, подъ какимъ бы названіемъ они ни собирались

будутъ играть ту же роль, причемъ только всенародное и свободно избранное учредительное собраніе, болѣе или менѣе точно отразивъ въ себѣ общее соотношеніе классовъ, сможетъ найти тѣ формы, создать тѣ учрежденія, принять тѣ мѣры, которыя *завершатъ* переживаемую революцію и откроютъ эпоху, подготовительную къ новой соціалистической революціи.

Но быть можетъ правъ Поль Луи, который думаетъ, что наша теперешняя революція *уже* носитъ соціалистическій характеръ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить только отрицательно. Характеръ экономическаго строя Россіи, при которомъ подавляющее большинство населенія занято еще въ мелкомъ и среднемъ товарномъ, и даже мелкомъ натуральномъ производствѣ, строя, въ которомъ на долю крупнаго производства приходится врядъ ли многимъ болѣе половины всего производства страны, не создаетъ объективныхъ, а слѣдовательно и субъективныхъ условій для соціалистическаго переворота. Данныя и соображенія, приведенныя и развитыя въ статьѣ товарища Меча, не опровергая мнѣнія о демократическомъ характерѣ революціи, могутъ служить достаточными аргументами противъ признанія за ней характера революціи соціалистической.

„Русская революція совершенно новый типъ революціи, по своему содержанію она заходитъ гораздо дальше прежнихъ революцій“, говоритъ Роза Люксембургъ, полагая, что „вмѣстѣ съ русской революціей исторія вступаетъ въ эпоху переходную отъ капиталистическаго строя къ соціалистическому“. Типъ этотъ на основаніи всего изложеннаго выше можетъ быть характеризованъ, какъ политическая демократія, сопровождаемая уничтоженіемъ „феодальныхъ господъ“ и серьезными культурными и экономическими завоеваніями пролетаріата, исторгнутыми имъ у „господъ буржуазныхъ“. Созданный великой русской революціей общественной строй будетъ тѣмъ строемъ, въ которомъ пролетаріатъ пріобрѣтетъ необходимыя орудія борьбы за достиженіе своей конечной цѣли: уничтоженія эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, разрушенія общества классоваго и созданія общества соціалистическаго.

Вл. Громанъ.

Всемірное значеніе русской революціи.

Эта статья не имѣла бы за себя никакихъ оправданій, если бы авторъ ея не вѣрилъ въ полное и окончательное торжество русской революціи. При этомъ подъ полнымъ торжествомъ ея онъ понимаетъ не только учрежденіе конституціи,—введеніе всеобщаго избирательнаго права, коренное преобразованіе политическаго режима и уничтоженіе самодержавія, но также и побѣду соціалистическихъ идей, завоеванія пролетаріата, новую организацію труда и новое распредѣленіе земель.

Несомнѣнно, что грандіозная смута современной Россіи можетъ проявить всю силу своей заразительности и своего вліянія на заграницу только въ томъ случаѣ, если она не будетъ задавлена сверху. Продолжительныя неудачи противниковъ стараго самодержавнаго строя, конечно, имѣли бы тяжелыя послѣдствія для самой страны; но и заграницей онѣ были бы не менѣе использованы полусамодержавными правительствами, и господствующими классами въ конституціонныхъ монархіяхъ или въ буржуазныхъ республикахъ. Очевидно—и на этомъ едва ли стоитъ останавливаться подробнѣе,—что русская революція вызоветъ дѣйствительное потрясеніе въ капиталистическомъ мірѣ только, если ей удастся одолѣть стремящіяся задушить ее силы реакціи. Но въ настоящее время такой исходъ, дѣйствительно, представляется единственно допустимымъ.

Послѣ 9-го января консерваторы Западной и Центральной Европы впервые сознали, что русскій народъ пересталъ быть инертной, покорной и безвольной массой. До этого, никто изъ нихъ не думалъ, чтобы самодержавію могла угрожать серьезная опасность, и даже попыткамъ террористовъ не удалось разсѣять ихъ оптимизма. Доказательствомъ этого оптимизма и довѣрія, лучше всякихъ рѣчей и статей, служила та готовность, съ которой открывались кошельки передъ петербургскими министрами: заемъ

—это термометръ солидарности реакціи. Лишь въ моментъ великой октябрьской всеобщей забастовки сторонники русскаго самодержавія во Франціи, въ Германіи и въ другихъ государствахъ почувствовали всю дѣйствительную опасность революціи. Въ январѣ побѣдили преображенцы, усѣявшіе городскія улицы убитыми и ранеными; въ октябрѣ торжество было на сторонѣ толпы, которая парализовала дѣятельность всей страны только тѣмъ, что скрестила руки и устроила себѣ отдыхъ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ растерянность господствовала въ рядахъ имущихъ олигарховъ и котировки на биржахъ отражали съ поразительною точностью возраставшую съ каждымъ днемъ панику. Затѣмъ, усмиреніе Москвы въ декабрѣ снова укрѣпило мнѣніе, что самодержавіе достаточно вооружено, чтобы отсрочить часъ побѣды своихъ враговъ... и курсъ началъ повышаться по всей линіи. — Затѣмъ, снова начались опасенія.

Но не будемъ говорить о биржевыхъ спекуляціяхъ. Подавить русскую революцію невозможно,—въ исторіи нѣтъ примѣра полнаго разгрома цѣлаго возмутившагося класса. Революція кажется ослабѣвающею, тогда какъ въ дѣйствительности она только дѣлаетъ передышку. Въ настоящую минуту она покидаетъ крупные центры, но только для того, чтобы тысячью тайныхъ ходовъ распространиться по лицу всей страны; она еще не является госпожею положенія, но вѣдь госпожею положенія не является также уже и самодержавная власть. Если самодержавіе заставило на время отступить революцію, то вѣдь и она его разстроила, ослабила, расшатала до такой степени, что, лишенное орудій своего господства, оно почти сводится къ одному только торжественному, но пустому ярлыку. Состояніе Россіи характеризуется тѣмъ, что тамъ нѣтъ ни господства самодержавія, ни господства революціи: это состояніе анархіи, изъ котораго возникаетъ новый строй, выработанный сознаніемъ массы городского и сельскаго населенія. Только при скороспѣломъ и упрощенномъ взглядѣ на дѣло, можно сомнѣваться въ исходѣ событій. Россія—не Англія 1640 года и не Франція 1789-го; еще меньше ее можно сравнить съ Англіей 1688-го или Франціей 1830 года. Переворотъ, который пытается совершить ея народъ, совершенно не похожъ ни на одинъ изъ переворотовъ, до сихъ поръ испытанныхъ міромъ. Его отличіе—въ той средѣ, въ которой онъ совершается, въ обширности его арены и, главное, въ грандіозности тѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремится. Если на это не хва-

тить двухъ лѣтъ, то будетъ затрачено большее количество времени. Но было бы ребячествомъ, хоть на мгновеніе усомнится въ мощи переворота и возрожденіи русскаго пролетаріата только потому, что послѣдній не умѣетъ созидать безъ предварительнаго разрушенія.

Міровое значеніе и способность распространенія этой революціи ясны для всякаго. Уже давно приверженцы старыхъ традицій замѣтили, что старый священный союзъ—только иллюзія, потому что Германская имперія подточена соціаль-демократіей, Австро-Венгрія изнурена внутренними кризисами и только русское самодержавіе оставалось еще уздой, сдерживавшей на континентѣ ростъ революціонныхъ идей. Силою обстоятельствъ русское самодержавіе стало какъ-бы гарантіей застоя: рухни оно, сломись его диктатура,—и само собою неизбѣжно послѣдовало бы крушеніе реакціи.

Но это не единственная причина, благодаря которой слѣдуетъ признать за пробужденіемъ русскаго народа міровое значеніе. Значеніе это заключается также въ численной силѣ приведенныхъ въ движеніе массъ и въ той программѣ, которая навязана имъ самою исторіей.

Слѣдуетъ замѣтить, что никогда еще революціонное возбужденіе не охватывало такого количества людей, разсѣянныхъ на такомъ обширномъ пространствѣ. Сто тридцать милліоновъ царскихъ подданныхъ втянуты въ водоворотъ, самое разнообразное населеніе, самые различные районы,—европейскія и азіатскія губерніи—Польша и Туркестанъ, Закавказье и Бессарабія—пришли въ единовременное движеніе. Вліяніе какой-нибудь швейцарской, бельгійской или голландской революціи могло бы, пожалуй, ограничиться предѣлами одного государства, да и то можно съ большимъ основаніемъ усомниться въ возможности такой изолированности въ виду растущей взаимозависимости экономическихъ и политическихъ явленій. Но русская революція ни въ какомъ случаѣ не можетъ остаться замкнутою въ своемъ кругу; потрясеніе, вызванное ею, не можетъ ограничиться какою-нибудь опредѣленною областью, и невозможно, чтобы сила ея напора вся израсходовалась только внутри Россіи, потому что кризисъ въ одной половинѣ Европы неизбѣжно долженъ оказать свое вліяніе на состояніе другой. Народы не раздѣлены другъ отъ друга непроницаемыми перегородками. Даже не будь Польши, этого признаннаго очага международныхъ возмущеній, пламя революціи

ціи естественно перекинулось бы изъ Россіи въ обѣ сосѣднія державы: Берлину и Вѣнѣ,—а также и Пешту—неминуемо пришлось бы въ болѣе или менѣе быстромъ времени испытать отголоски петербургскихъ и московскихъ событій.

Но чтобы оцѣнить всю энергію пропаганды, всю способность распространенія какой-нибудь революціи, мало указать на размѣры того пространства, на которомъ она первоначально происходитъ. Еще болѣе характерною является и рѣшающее значеніе имѣетъ въ этомъ смыслѣ оригинальность идей, во имя которыхъ вспыхиваетъ эта революція.

Русская революція есть первая въ исторіи чисто и исключительно пролетарская революція. Мы не отрицаемъ за іюньскимъ возстаніемъ 1848 года или Парижской коммуной 1871 г. тѣхъ специфическихъ чертъ, которыя имъ обыкновенно приписываются. Но оба эти событія имѣли слишкомъ мало вліянія внѣ столицы Франціи и если парижскіе рабочіе могли быть на протяженіи двадцати трехъ лѣтъ совершенно подавлены въ первый разъ Кавеньякомъ, а во второй Тьеромъ, то это произошло единственно лишь потому, что рабочіе другихъ городовъ колебались примкнуть къ нимъ, а крестьяне вооружились противъ нихъ. Кромѣ того, Іюньское возстаніе продолжалось всего лишь нѣсколько дней, а Коммуна существовала лишь нѣсколько недѣль: достаточное основаніе, чтобы не злоупотреблять терминами и въ данномъ случаѣ говоритъ не о революціи, а о возстаніи.

Въ противоположность этимъ движеніямъ, и силу, и значеніе которыхъ мы конечно признаемъ, русская революція не замкнулась въ предѣлахъ одной столицы, она не погасла по истеченіи какихъ-нибудь пяти или семидесяти дней. Она охватила всю имперію, она развивается въ продолженіи долгихъ мѣсяцевъ, постоянно расширяя поле дѣйствій и неуклонно сохраняя принятый ею съ самаго начала характеръ возстанія рабочаго класса и крестьянъ противъ самодержавія и тѣхъ общественныхъ учрежденій, на которыя послѣднее опирается. Многіе пытались сблизить это великое событіе съ другимъ великимъ событіемъ—съ Великою Французскою революціей 1789 года; нѣсколько по-дѣтски устанавливая параллели, они старались доказать, что русскій народъ, какъ сто шестнадцать лѣтъ тому назадъ французы, взялся за оружіе и пустилъ въ ходъ всѣ средства борьбы—только, чтобы добиться политическаго равенства. Они отодвигали на задній планъ борьбу пролетаріата и наоборотъ выдвигали на первый

дѣятельность «третьяго сословія», средняго класса, промышленной и торговой буржуазіи. Нѣтъ ничего болѣе ложнаго: исторія не повторяется; революція, происходящая въ 1905 году, д лжна неизбѣжнымъ образомъ во всемъ отличаться отъ революцій прошлаго; программой, стремленіями, иниціативой русская революція превзошла всѣ прецеденты, которые для нея пытаются установить. Это движенье не политическое, а соціальное; ведетъ его не буржуазія противъ самодержавія, а пролетаріатъ; безъ сомнѣнія онъ ведетъ борьбу противъ самодержавія, но также и противъ буржуазіи, противъ собственности на землю и орудія производства.

Русская революція потому именно и сосредоточила на себѣ интересъ всего цивилизованнаго міра, что она является революціей соціальной, что она захватила новую среду, подняла новые общественные элементы. Если бы дѣло шло только о томъ, чтобы добиться для Россіи конституціи и подчинить исполнительную власть парламенту, избранному на основѣ всеобщаго или цензового права голосованія, если бы господствующими идеями революціи были бы идеи какого-нибудь Монтескье или Ж. Ж. Руссо, то передъ нами было бы только второе изданіе уже совершившихся въ другомъ мѣстѣ фактовъ. Тогда русская революція была бы лишена всякой оригинальности; и вниманіе читающей публики она привлекала бы только какъ любопытное по своей громадности зрѣлище. Но она привела въ движеніе революціонныя силы, которыхъ значеніе почти еще не было извѣстно. Она борется не только съ самодержавіемъ—имѣющемъ значеніе только мѣстное, но также и съ частною собственностью, съ капитализмомъ, который представляетъ собою явленіе всемірное; она представляетъ угр у экономическому и соціальному строю всѣхъ государствъ. Такимъ образомъ русскіе рабочіе и крестьяне являются выразителями идей рабочихъ и крестьянъ всѣхъ странъ, въ которыя проникло машинное производство и гдѣ существуютъ наемные рабочіе и угнетеніе неимущихъ. Французская революція потрясла весь міръ, давъ санкцію могуществу новаго класса —буржуазіи; русская революція также отзовется во всемъ мірѣ, потому что она тоже должна освободить порабощенный классъ— пролетаріатъ; у пролетаріата она и заимствуетъ свою жизненность, свой глубокій смыслъ и свой объектъ. И это вовсе не случайность, что послѣ 9-го января она отодвинула въ тѣнь средніе слои, которые стушевались, испуганные событіями и обезпокоенные за свою судьбу.

Оригинальная въ своей цѣли, она оригинальна и въ выборѣ средствъ борьбы. Въ то самое время, когда рабочіе Западной и Центральной Европы спорили о возможности проведенія всеобщей забастовки, русская революція уже наносила свои удары мѣстными и всеобщими забастовками. Единственное отмѣченное въ ней до сихъ поръ вооруженное возстаніе, вспыхнувшее въ Москвѣ, было свирѣпо подавлено и затоплено кровью. Это былъ единственный случай, когда движенію пришлось отступить и когда счастье оказалось на сторонѣ контр-революціи. Наоборотъ согласное прекращеніе работъ, насильственное закрытіе фабрикъ, періодическія забастовки дезорганизовали администрацію и пріостановили народную жизнь. Среди всей массы разнообразныхъ эпизодовъ въ развитіи этого кризиса наиболѣе поразительна та могучая неподвижность, которую наложили въ октябрѣ на страну милліоны рабочихъ, чтобы заставить самодержавіе отказаться отъ своихъ самыхъ коренныхъ прерогативовъ. Это явленіе настолько поучительное, что оно не могло пройти незамѣченнымъ. Силою торжествующаго факта оно положило конецъ тѣмъ спорамъ, которые внесли расколъ въ ряды пролетаріата во Франціи, Германіи, Италіи и другихъ странахъ. Система баррикадной борьбы давно уже была признана непригодной или лучше сказать пагубной въ современныхъ большихъ городахъ. Теперь стало ясно, что всеобщая забастовка представляетъ собою естественное и необходимое оружіе пролетаріата въ его борьбѣ за политическія права или экономическія преобразованія. Такъ какъ такой урокъ служитъ въ то же время и примѣромъ, то несомнѣнно, что всеобщая забастовка получитъ признаніе и въ сосѣднихъ съ Россіею странахъ.

Единственное, что сближаетъ русскую революцію съ французской,—это крайнее напряженіе національнаго чувства; но дѣйствуя на другой почвѣ, въ странѣ, лишь недавно объединенной, гдѣ еще живы были традиціи не успѣвшаго отойти въ забвеніе прошлаго, оно привело къ тому, что началось быстрое разложеніе государственной жизни страны. Всѣмъ извѣстно, съ какою жестокостью покойный Плеве,—кровожадный диктаторъ—преслѣдовалъ инородцевъ, т.-е. все, что по языку, стремленіямъ религіи или интересамъ отличается отъ коренного русскаго населенія. Гнетъ самодержавія распространялся не только на отдѣльныхъ лица, оно подвергало преслѣдованію также и цѣлыя коллективности, вѣроисповѣданія, племена. Армяне и евреи, поляки и финляндцы чувствовали на себѣ это иго. Было ясно,что чуть только будетъ

поколеблено самодержавіе, они сейчасъ же потребуютъ свободы. Стоило только первымъ пораженіямъ на Дальнемъ Востокѣ разрушить престижъ самодержавнаго правительства и появиться первымъ признакамъ народнаго возбужденія,—и все, что было неправославнаго и не-русскаго, стало пытаться сбросить ярмо правительственнаго гнета. Государство разлагалось подъ напоромъ рабочаго класса, но также и благодаря центробѣжнымъ стремленіямъ своихъ частей.

Самое продолжительное и самое характерное броженіе шло на окраинахъ; тамъ и арміи пришлось понести наиболѣе чувствительныя неудачи. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго для всякаго, кто знакомъ съ этнографической картой Россіи. Угнетенныя народности и вѣроисповѣданія обитаютъ въ Россіи на окраинахъ, потому ли, что имъ опредѣлила тамъ мѣсто ихъ исторія, какъ напримѣръ армяне или финляндцы, или потому, что административные законы отвели имъ тамъ черту осѣдлости, какъ это случилось съ евреями, большинство которыхъ принуждено жить въ Польшѣ и въ Литвѣ.

Національныя движенія бывали и прежде не разъ въ исторіи Россіи,—всѣмъ памятны упорное сопротивленіе кавказскихъ горцевъ, или борьба финляндцевъ, или послѣдовательныя возстанія въ Польшѣ. Но національное движеніе настоящаго времени существенно отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ. Взять напримѣръ самую стойкую и самую многочисленную—польскую національность. Во главѣ всѣхъ прежнихъ возстаній польскаго народа стояла земельная аристократія, недовольная тѣмъ, что ей былъ закрытъ доступъ къ высшимъ должностямъ страны, замѣщеннымъ креатурами русскаго правительства. Въ настоящее время, наоборотъ, инициатива, опредѣляющая революціонное движеніе, исходитъ отъ рабочаго класса, тогда какъ буржуазія молчитъ, а помѣщики въ ужасѣ бѣгутъ заграницу. Такимъ образомъ всероссійская революція наложила свою печать на всѣ эти національныя революціи, побѣгами отходящія отъ нея, или лучше сказать, являющіяся только проявленіями одной великой революціи. Онѣ растворяются въ ней и при этомъ наполовину сглаживаются ихъ особенности. Протестуя противъ насильственнаго обрусѣнія, которому подвергается ихъ родина, польскіе пролетаріи не забываютъ, что они прежде всего пролетаріи, а затѣмъ уже поляки; они требуютъ главнымъ образомъ экономическаго освобожденія; и возстаютъ они противъ русскаго правительства, а

не противъ народа русскаго, отъ котораго они ждутъ справедливости. Такъ что русская революція уже проявляетъ нѣкоторыя черты международной революціи, такъ какъ она объединяетъ въ общихъ усиліяхъ народности, между которыми до сихъ поръ существовала традиціонная вражда.

Замѣчанія, сдѣланныя нами относительно Польши, примѣнимы также и къ армянскимъ округамъ и къ Прибалтійскимъ губерніямъ. Здѣсь также рабочій классъ руководитъ движеніемъ; и здѣсь онъ также остерегается требовать полной независимости и совершеннаго отдѣленія этихъ областей отъ Россіи и, понимая, что ихъ автономія возможна только при освобожденіи всѣхъ русскихъ подданныхъ отъ самодержавія, онъ согласуетъ свою работу съ дѣятельностью пролетаріата Великороссіи и Малороссіи, Грузіи и Финляндіи. Такимъ образомъ пробужденіе національностей идетъ рука объ руку съ пробужденіемъ пролетаріата, но вездѣ національный вопросъ подчиненъ соціальному. Изъ только что установленныхъ нами отличительныхъ чертъ русской революціи логически вытекаютъ заключенія о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя она можетъ имѣть. Теперь мы постараемся указать эти послѣдствія.

Ослабленіе самодержавія сначала произвело на весь міръ нравственное впечатлѣніе, аналогичное тому, которое произвело въ 1789—1791 г. крушеніе стараго режима во Франціи. Люди всегда склонны считать вѣчнымъ все, что существуетъ, и приписываютъ необыкновенную прочность политическимъ и соціальнымъ учрежденіямъ, къ которымъ они привыкли съ дѣтства. Споконъ вѣка существовало въ Россіи самодержавіе; я хочу сказать, что болѣе двухъ вѣковъ никакія измѣненія не коснулись его строенія. Полагая, что могущество, имѣющее за собою столь продолжительное существованіе, будетъ вѣчнымъ, никто не замѣчалъ тѣхъ трещинъ, которыя понемногу разрушали его и подготовляли его окончательное крушеніе.

Въ глазахъ Европы самодержавную власть окружалъ таинственный ореолъ, который обыкновенно связывается съ тѣмъ, что мало извѣстно. Наслѣдникъ византійскихъ императоровъ, свѣтскій государь и глава церкви, императоръ представлялся какимъ-то земнымъ богомъ. Его обаяніе можно было сравнить только съ былымъ обаяніемъ папскаго Рима, величіе котораго разсѣялось подъ вліяніемъ позитивнаго анализа, бороться съ которымъ католичеству оказалось не подъ силу. Въ глазахъ консерваторовъ всего міра, самодержавіе унаслѣдовало цѣликомъ весь престижъ

и весь блескъ, бывшіе до того привиллегіей Ватикана. Въ смятеніи, видя какъ просвѣщеніе уничтожаетъ вѣру, а критика подкашиваетъ догмы, сторонники старыхъ традицій начали искать оплота, на который бы можно было возложить послѣднія надежды: ихъ выборъ остановился на самодержавіи. Оно одно казалось имъ сильнымъ и несокрушимымъ; вооруженное всѣми прерогативами власти, распоряжаясь душою и тѣломъ своихъ подданныхъ, огражденное двойною стѣной холопства и невѣжества, оно должно было, казалось, стоять внѣ всякихъ случайностей. Самодержавная власть являлась не только властительницей душъ, повелительницей Божьею милостью ста тридцати милліоновъ подданныхъ; она стала покровительницей всѣхъ ретроградовъ, главою контр-революціи, воплощеніемъ власти. Отпрыски старинныхъ дворянскихъ родовъ, основатели денежныхъ династій Франціи и другихъ странъ раболѣпствовали у его ногъ. Она одна могла, въ минуту бури, удержать грозный натискъ варваровъ.

И вотъ варвары торжествуютъ.

Два центра деспотизма: Римъ и Петербургъ, пали одинъ за другимъ. Кумиръ самодержавія, на которомъ европейскій консерватизмъ сосредоточилъ всѣ свои упованія и надежды, низвергнутъ могучими ударами пролетаріата, вчера еще униженно склонявшагося во прахѣ. Пошатнулся послѣдній оплотъ, и скоро онъ исчезнетъ въ бурѣ, послѣдствія которой ясны для всѣхъ. Европейская буржуазія содрогнулась при этомъ неожиданномъ зрѣлищѣ, точно такъ же, какъ нѣкогда привилегированныя сословія при видѣ разрушенія Бастиліи и казни Людовика XVI. Какая зловѣщая драма! Какія зловѣщія чувства!

Эта буржуазія воображала, что новое государство, приспособленное къ современнымъ условіямъ, съ его іерархіей должностей и состояній, съ его національной арміей, сильной бюрократіей, громадными бюджетами и сложной регламентаціей, съ его присвоенною имъ безграничной властью надъ личностью,—застраховано отъ всякихъ дерзкихъ нападеній. Въ побѣдѣ надъ парижскою коммуной она почерпнула безграничное довѣріе къ силѣ государственныхъ учрежденій. И вдругъ оказывается, что самое обширное государство, государство съ наиболѣе развитой системой милитаризма, разсыпается во всѣ стороны, точно куча пепла, развѣваемая вѣтромъ.

И господствующіе классы старой Европы отлично понимаютъ, что подобнаго рода явленіе заразительно, что революція вызываетъ

революцію, что разложеніе одного государства угрожаетъ тѣмъ же и всѣмъ другимъ. Правительства тѣхъ государствъ, которые господствуютъ надъ угнетенными національностями съ помощью силы своихъ гарнизоновъ, боятся, какъ бы примѣръ Польши и Финляндіи не нашелъ себѣ подражанія; и такъ какъ всюду все держится на одинаковой соціальной системѣ, т.-е. на подчиненіи пролетаріата капиталистамъ, то они боятся внезапнаго нападенія со стороны пролетаріата, порывающагося къ освобожденію.

Венгрія первая не замедлила начать энергичную борьбу противъ дуализма, связывающаго ее съ Австріей. Весьма возможно, что идея истинной демократіи также чужда вождямъ коалиціи, избранныхъ на послѣднихъ выборахъ: Тиссѣ, Кошуту, Аппоньи, Банфи, какъ и старымъ либераламъ, господство которыхъ до того времени не прерывалось. Но здѣсь мы хотимъ только констатировать факты, не вдаваясь въ ихъ оцѣнку.

Между русской революціей и національнымъ движеніемъ венгровъ въ 1905 году существуетъ тѣсная связь. Когда въ 1848 г. венгерскій народъ взялся за оружіе, чтобы вырваться изъ подъ опеки Австріи, онъ побѣдилъ солдатъ Франца-Іосифа, но былъ раздавленъ солдатами Николая I-го. Венгрія потерпѣла частичное пораженіе и навсегда сохранила къ Россіи сильное, но вполнѣ законное недоброжелательство. Ей пришлось отступить передъ союзомъ самодержавныхъ монарховъ; и паденіе деспотизма въ Россіи само собою неминуемо должно было вызвать пробужденіе старыхъ стремленій у венгровъ. Это пробужденіе произошло съ большимъ шумомъ. Въ продолженіи уже почти десяти мѣсяцевъ большинство комитатовъ прогоняютъ свое начальство, отказываются платить налоги и ставить рекрутовъ и являются очагами революціоннаго броженія, которое легко можетъ превратиться въ открытую борьбу; предъ этимъ движеніемъ пылкаго, никогда не отрекавшагося отъ своихъ правъ народа, вѣнскій кабинетъ колеблется и ведетъ политику проволочекъ. Онъ отлично понимаетъ, что если въ сосѣднемъ государствѣ снова окрѣпнетъ самодержавіе, то гордость мадьяровъ склонится предъ удачей враговъ; и что, наоборотъ, если самодержавіе исчезнетъ навсегда, то придется окончательно уничтожить договоръ о дуализмѣ. Тогда единство Австро-Венгріи будетъ покоится только на личной уніи;— а это, какъ извѣстно, основаніе хрупкое, и непрочность его доказалъ недавній разрывъ между Швеціей и Норвегіей.

Но даже если не разсматривать всѣхъ послѣдствій, которыя

могутъ возникнуть для Европы вслѣдствіе раскола Габсбургской монархіи на двѣ части, то все же необходимо изучить неизбѣжные результаты расширенія могущества венгровъ. Рядомъ съ венграми и другія національности напряженно ждутъ часа своего освобожденія изъ подъ скипетра Франца-Іосифа. Рядомъ со стремленіемъ венгровъ вернуть себѣ независимость, существуютъ такія же стремленія и у сѣверныхъ и у южныхъ славянъ, у чеховъ, сербовъ, кроатовъ и русиновъ, румынъ и трансильванскихъ саксонцевъ. Стоитъ только чѣмъ нибудь взволновать этотъ страшный хаосъ племенъ, который простирается вдоль всего Дуная, между Судетами и Адріатическимъ моремъ,—и подымется цѣлый водоворотъ страстей и стремленій.

Волненіе венгровъ передастся десяти другимъ народамъ и подобно тому, какъ національное движеніе поляковъ затрогиваетъ интересы трехъ великихъ державъ, точно такъ же венгерское движеніе отразится на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ каждая народность чувствуетъ себя постоянно обиженной и угнетенной другою.

Когда вамъ приходится заговорить съ кѣмъ нибудь изъ членовъ будапештскихъ олигархій (ибо ихъ тамъ двѣ: одна олигархія коалиціи, а другая либеральная), то вы заранѣе можете быть увѣрены, что услышите болѣе или менѣе рѣзкое порицаніе по адресу господства нѣмцевъ, т.-е. Вѣнской централизаціи. Но если вы замѣтите въ отвѣтъ, что десять народностей, отъ Пресбурга до Землина и отъ Фіумэ до Львова, жалуются на верховенство Венгріи и на централизацію, исходящую изъ Будапеста, то посыпятся рѣзкія возраженія. Изъ своего долгаго порабощенія Венгрія вынесла страсть къ порабощенію другихъ, и теперь подвергаетъ большинство славянъ Транслейтаніи тому же режиму, отъ котораго сама столько терпѣла когда-то. Вотъ почему русская революція, если она будетъ продолжаться, вызоветъ, несомнѣнно, рѣшительный переломъ въ отношеніяхъ народовъ, населяющихъ восточную Европу. Но не теряетъ ли этотъ національный кризисъ своего значенія по сравненію съ соціальнымъ кризисомъ, который начался въ Австріи и въ Германіи на другой же день послѣ петербургскихъ, варшавскихъ и московскихъ событій.

До сихъ поръ политическая и экономическая жизнь Австріи была въ рукахъ крупной земельной аристократіи и мелкой буржуазіи.

Австрійскій рейсхратъ и прусскій ландтагъ являются самыми

жалкими парламентами въ мірѣ: законъ о выборахъ лишь недавно едва улучшенный, сохранилъ почти всѣ мѣста для избранниковъ торговыхъ палатъ, землевладѣльцевъ и цеховъ. Не смотря на очевидный упадокъ, цехи чрезвычайно характерны для соціальныхъ тенденцій современной Австріи. Цехи объединяютъ въ одну группу хозяевъ и рабочихъ, во имя религіи подчиненія послѣднихъ первымъ; они борятся противъ промышленнаго прогресса, т.-е. противъ введенія машиннаго и крупнаго производства и ставятъ своей цѣлью застой или—вѣрнѣе, регрессъ. Изъ этой лабораторіи мелочной злобы и смѣшной регламентаціи черпалъ свое могущество извѣстный докторъ Люэгеръ, вѣнскій бургомистръ и диктаторъ. Но цехи не могли устоять противъ силы вещей и экономической эволюціи. Какъ-то само собою случилось, что фабрики заняли мѣсто кустарнаго производства и крупная торговля уничтожила мелкихъ торговцевъ, появился пролетаріатъ, который понялъ фатальную противоположность классовыхъ интересовъ, и потребовалъ себѣ мѣста въ государствѣ. Лишенный всякихъ правъ, онъ добился прежде всего, чтобы прибавили къ существующимъ куріямъ, т.-е. къ категоріямъ выборщиковъ въ Рейхсратъ, новую курію всеобщей подачи голосовъ. Хоть и черезъ узкую дверь пролетаріатъ все же открылъ себѣ доступъ къ участію въ государственномъ управленіи. По мѣрѣ того, какъ вмѣстѣ съ его численностью росла и его сила, онъ требовалъ политическаго равенства, въ которомъ ему постоянно отказывали, и справедливаго представительства.

Политическая борьба за достиженіе избирательнаго права—«такого, какъ во Франціи или въ Швейцаріи»—началась уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ; ее преслѣдовали съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, съ большею или меньшею методичностью, когда русская революція сразу расширила поле дѣйствія австрійскихъ рабочихъ. Свое соціальное освобожденіе они подчинили стремленію къ гражданской свободѣ и увеличенію своихъ политическихъ правъ. Они вѣрили, что посредствомъ прямого избирательнаго права устранены будутъ отъ управленія государствомъ земельная аристократія, крупные капиталисты и мелкое худосочное мѣщанство, и съ удесятеренной энергіей начали агитацію.

Инстинктивно чувствуя международное значеніе русскихъ событій, какъ ни мало доводилось имъ узнавать о нихъ благодаря искаженіямъ прессы, рабочіе устраивали колоссальныя шествія, не считаясь съ администраціей и полиціей. Сотни тысячъ ра-

бочихъ, поднявъ красныя знамена, густыми рядами проходили по улицамъ Вѣны и Праги. Во всякое другое время императоръ и его министры призвали бы армію и расправились бы съ массой, не разбирая правыхъ и виноватыхъ. Но теперь пришлось допустить манифестацію, болѣе того, пришлось признать крушеніе старой полу-самодержавной и феодальной Австріи. Возмущеніе противъ архаической конституціи, едва начавшись, уже торжествовало, и кабинетъ Гауча объявилъ, что прежняя система выборовъ будетъ замѣнена другою, болѣе справедливой.

Эта политическая побѣда не является дѣломъ буржуазіи, которая вмѣшалась только съ цѣлью сохранить свои привилегіи; эта коренная реформа, которая освободитъ соціализмъ отъ многихъ ограниченій, не была выработана въ высшихъ сферахъ умной и дальновидной бюрократіей; нѣтъ, она была продиктована толпою и въ этомъ все ея значеніе. Императоръ уступилъ скорѣе предъ угрозой всеобщей забастовки, чѣмъ передъ величественными демонстраціями большихъ городовъ. Насколько призракъ всеобщей забастовки теперь ужасаетъ правящія сферы всѣхъ странъ, можно судить по той поспѣшности, съ которой въ ноябрѣ прошлаго года въ Австріи, были удовлетворены забастовавшіе желѣзнодорожные служащіе. Пролетаріатъ заявилъ, что если не будетъ снова пересмотренъ избирательный законъ, онъ прекратитъ работы во всей имперіи. Такимъ образомъ примѣръ революціонной Россіи повліялъ не только на содержаніе требованій австрійскаго пролетаріата, но также и на способъ борьбы. Можно сказать, что намѣченное преобразованіе австрійскаго государства, въ значительной мѣрѣ, связано съ разрушеніемъ самодержавія въ Россіи.

Пожалуй, еще болѣе знаменательны событія, происходящія въ Германіи,—нравственный подъемъ, который проявляется въ послѣднее время въ рядахъ нѣмецкихъ соціаль-демократовъ. Эта громадная и могущественная партія, которая объединяетъ подъ своимъ знаменемъ болѣе 3, 000 000 людей, изъ которыхъ 400 000 уплачиваютъ съ изумительной аккуратностью свои членскіе взносы, до сихъ поръ надѣялась добиться власти и низвергнуть современный соціальный строй исключительно посредствомъ парламентской борьбы. Въ Европѣ нѣтъ ни одной соціалистической партіи, которая была бы менѣе революціонной, въ грубомъ смыслѣ этого слова, чѣмъ эта; ни одна изъ нихъ не выражала болѣе отрицательнаго отношенія ко всеобщей стачкѣ, къ этому новому

средству борьбы, къ которому рабочіе думаютъ прибѣгнуть, чтобы ускорить моментъ своего освобожденія.

Не смотря на привязанность нѣмецкихъ соціаль-демократовъ къ парламентскому способу борьбы, къ легальной тактикѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у нихъ отняли избирательныя права. Пользуясь ихъ мирными наклонностями, ихъ любовью къ спокойствію, ихъ уклоненіемъ отъ всякой системы насильственной борьбы, правительства нѣкоторыхъ германскихъ государствъ систематически поддерживали или возстановляли вновь феодальный и олигархическій режимъ стараго времени.

Хотя выборы въ рейхстагъ производятся всеобщею подачей голосовъ, однако же не надо забывать, что онъ—только первая инстанція, подчиненная союзному совѣту, который отмѣняетъ многія его рѣшенія, и что кромѣ того онъ не обладаетъ правомъ сверженія министровъ. Еще болѣе важно, что относительно многихъ вопросовъ права законодательства принадлежатъ скорѣе ландтагамъ или палатамъ отдѣльныхъ государствъ, чѣмъ рейхстагу. Благодаря этому, не рѣшаясь произвести измѣненія въ системѣ выборовъ въ имперскій парламентъ, нѣмецкія правительства распоряжались каждая по-своему въ своихъ владѣніяхъ. Въ Пруссіи устарѣлый порядокъ отдаетъ всѣ мѣста въ ландтагъ въ руки дворянства и крупной буржуазіи. Въ Саксоніи, гдѣ обнаружился замѣчательный ростъ соціалистическаго движенія и откуда въ депутаты рейхстага посылаются почти исключительно соціаль-демократы, закономъ 1895 года возстановлена была система непрямыхъ и цензовыхъ выборовъ, исключающая возможность участія въ нихъ рабочихъ. Въ Гамбургѣ и Бременѣ были разработаны и приняты подобные же законы. Въ моментъ, когда вспыхнула русская революція, нѣмецкій пролетаріатъ былъ стѣсненъ со всѣхъ сторонъ; разсчитывая на его пассивность, правительства надѣялись заставить его примириться съ самыми реакціонными мѣрами.

Позволительно думать, что возстаніе русскихъ мужиковъ послужило для него могучимъ и спасительнымъ примѣромъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что пробужденіе его отъ долгой спячки къ дѣятельности совпало съ паденіемъ самодержавія.

Несомнѣнно также, что вся тяжесть этого режима, центромъ котораго являлся Петербургъ, отражалась на Германіи. Гогенцоллерны, какъ и Габсбурги, опирались на русское самодержавіе. Всякія волненія въ Берлинѣ, въ Гамбургѣ или въ Бреславлѣ, въ

случаѣ, если бы германскія войска оказались ненадежными, были бы подавлены казаками.

5 Во всякомъ случаѣ, вотъ уже 15 или 18 мѣсяцевъ, какъ нѣмецкіе соціалисты стряхнули съ себя свою прежнюю апатію. На Іенскомъ съѣздѣ было постановлено, что въ случаѣ необходимости нѣмецкій пролетаріатъ обратится ко всеобщей забастовкѣ для защиты своихъ политическихъ правъ; постановлено также всѣми средствами бороться противъ войны. Передъ всѣмъ рейхстагомъ Бебель грозитъ Бюлову революціей на русскій ладъ и оспариваетъ обязанности рабочихъ по отношенію къ отечеству. Въ Хемницѣ и въ Дрезденѣ въ декабрѣ, а въ январѣ мѣсяцѣ въ Гамбургѣ, происходятъ кровавыя столкновенія между толпой и полиціей. 9-го (22-го) января полтора милліона рабочихъ, отъ Бремена до Мюнхена и отъ Данцига до Мангейма, празднуютъ годовщину петербургскаго кроваваго воскресенія, а Вильгельмъ II, опасаясь внезапнаго переворота, стягиваетъ ко дворцу огромное войско.

Нѣкоторые сомнѣваются, чтобы это пробужденіе пролетарской Германіи имѣло какое-нибудь практическое значеніе, но люди, знакомые съ традиціями и темпераментомъ нѣмецкой соціальдемократіи, еще вчера отрицательно относившейся ко всеобщей забастовкѣ и ко всякой публичной манифестаціи,—поражены происшедшей за послѣдніе мѣсяцы перемѣной. Политическое по внѣшности, это движеніе, какъ и движеніе въ Австріи, въ сущности является соціальнымъ, и это сближаетъ его съ русской революціей, съ которою оно вообще имѣетъ много общаго.

Итакъ, русская революція порождаетъ во всей центральной Европѣ одинаковыя явленія—со временемъ ея вліяніе распространится, можетъ быть, и дальше; такимъ образомъ она объединяетъ въ общей борьбѣ противъ стараго политическаго строя и противъ соціальнаго неравенства почти двѣсти милліоновъ пролетаріевъ. Послѣ всего сказаннаго, излишне подробнѣе останавливаться на этомъ. Весь нашъ континентъ испыталъ грандіозное потрясеніе.

Но заслуга русскихъ революціонеровъ не только въ томъ, что они пробудили рабочій классъ отъ обезсиливавшей его дремоты. Они спасли миръ всего міра, занявъ свои позиціи въ тотъ самый моментъ, когда Западной Европѣ угрожалъ ужасный пожаръ международнаго столкновенія. У насъ нѣтъ времени распространяться объ этомъ; но упомянуть объ этомъ фактѣ было необходимо, чтобы читатель могъ оцѣнить во всемъ ихъ значеніи международныя послѣдствія паденія самодержавія.

Экономическая дѣйствительность и экономическія перспективы.

Крестьянинъ и рабочій въ Россіи.

I.

Въ обширной народнической литературѣ, посвященной изслѣдованію хозяйственныхъ отношеній, очень много вниманія удѣлено вопросу о томъ, въ какой связи находится земледѣльческое населеніе съ промышленнымъ, насколько тѣсно связаны интересы крестьянства и рабочихъ и можно ли, исходя изъ этихъ интересовъ, объединить оба класса въ одинъ большой классъ съ общими интересами, въ классъ „трудящагося народа".

Марксизмъ, дѣлая теоретическій анализъ хозяйственнаго развитія общества, приходитъ къ выводу, что такое объединеніе невозможно, что интересы крестьянства и пролетаріата въ настоящее время во многомъ сходятся, какъ интересы русской демократіи. Но хозяйственное развитіе страны раскалываетъ и еще болѣе расколетъ крестьянство на два лагеря; въ одномъ изъ нихъ будутъ все болѣе и болѣе группироваться пролетарскіе элементы деревенскаго населенія, примыкающіе къ городскому пролетаріату, въ другомъ лагерѣ будетъ объединяться деревенская буржуазія вмѣстѣ съ городской.

Такимъ образомъ, по поводу однихъ и тѣхъ же фактовъ существуетъ два прямо противоположныхъ мнѣнія. Нужно выяснить которое изъ нихъ болѣе правильное.

Большею частью въ изслѣдованіяхъ хозяйственныхъ отношеній въ Россіи приходится наталкиваться на стремленіе собрать однообразный матеріалъ, подтверждающій какую-нибудь изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и, обыкновенно, сторонникамъ обоихъ мнѣній удается подкрѣплять свои выводы обильнымъ и интереснымъ матеріаломъ и каждая сторона побѣдоносно считаетъ противника разбитымъ.

Въ книгѣ „Аграрный вопросъ въ Россіи“ я пытался показать, что приводимые и той и другой стороной факты еще ничего не доказываютъ, что эти факты нужно анализировать, какъ результаты развитія или паденія производительныхъ силъ. Прибѣгая къ такому анализу, мы увидимъ, что, напримѣръ, факты, которые часто приводятся для доказательства устойчивости мелкаго хозяйства, показываютъ, напротивъ, его неустойчивость, факты, приводимые въ доказательство тенденціи крестьянскихъ хозяйствъ къ нивеллировкѣ, имѣютъ мѣсто при пауперизаціи крестьянства и т. д.

Статистическіе матеріалы, старательно собранные гг. Пѣшехоновымъ, Вихляевымъ, Черненковымъ и др., представляютъ глубокій интересъ для соціально-экономическаго анализа, котораго не могли сдѣлать упомянутые статистики. Намъ уже приходилось использовать эти матеріалы для выясненія вліянія паденія производительныхъ силъ страны на крестьянское хозяйство: оказалось, что результатомъ разоренія страны является нивеллировка хозяйствъ, „уравнительность землепользованія“. При этомъ чѣмъ больше ухудшается положеніе крестьянъ, тѣмъ старательнѣе проводится жизнью (а не программой) эта уравнительность.

Вопросъ объ отношеніи крестьянъ и рабочихъ также требуетъ анализа съ той же единственно плодотворной и научной точки зрѣнія, т. е. въ связи съ анализомъ производительныхъ силъ даннаго района страны или группы хозяйствъ.

Довольно интересный матеріалъ по упомянутому вопросу даетъ г. Пѣшехоновъ въ своей брошюрѣ „Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ“. Полная теоретическая неосвѣдомленность и путаница въ головѣ автора мало отражается на цѣнности приводимаго имъ матеріала, хотя и можетъ запутать читателя, столь же мало освѣдомленнаго.

Чтобы опредѣлить отношенія крестьянъ, какъ класса мелкихъ хозяевъ къ рабочимъ, какъ классу, попытаемся анализировать факты, приводимые г. Пѣшехоновымъ. Взявши такой источникъ, мы тѣмъ самымъ исключаемъ всякую возможность подозрѣнія въ тенденціозномъ подборѣ фактовъ.

„Обращаясь къ сводному статистическому сборнику по Тверской губерніи, мы находимъ, что въ этой губерніи при мѣстномъ земско-статистическомъ изслѣдованіи по 8 уѣздамъ зарегистрировано.

Отсутствующихъ семей	10,839
Въ нихъ душъ муж. пола	17,116
„ „ „ жен. пола	16,108
Итого.	33,224

Изъ состава же наличныхъ, т. е. не порвавшихъ связей съ деревней, крестьянскихъ хозяйствъ по тѣмъ же уѣздамъ занимались промыслами:

Всего лицъ	226,147
Въ томъ числѣ отхожими промыслами.	113,807
Изъ нихъ: мужчинъ	100,432
женщинъ	13,375

Населеніе въ хозяйствахъ, порвавшихъ связь съ мѣстомъ своей приписки, составляло, такимъ образомъ, всего лишь 33,224 человѣка (по отношенію ко всему крестьянскому населенію 3%) и было въ 3, 4 раза меньше числа лицъ, входившихъ въ составъ наличныхъ хозяйствъ и занимавшихся дальними (внѣ своихъ уѣздовъ) промыслами. Уже это одно сравненіе указываетъ, насколько велико значеніе промысловаго отхода въ промышленной жизни Россіи сравнительно съ выселеніемъ изъ деревни, съ переходомъ крестьянъ въ разрядъ городскихъ, свободныхъ отъ своего хозяйства рабочихъ. Въ дѣйствительности, сравнительное значеніе отхожихъ промышленниковъ въ составѣ промышленныхъ рабочихъ еще больше. Дѣло въ томъ, что отсутствующее населеніе считано все, какъ рабочее, такъ и нерабочее. Отхожіе же промышленники—это лица, дѣйствительно занимающіяся промыслами, т. е. всѣ сплошь рабочіе. Изъ числа отсутствующихъ часть живетъ въ своемъ уѣздѣ и ведетъ земледѣльческое хозяйство (только не въ мѣстѣ своей приписки), отхожіе же промышленники—это тѣ, которые работаютъ внѣ своего уѣзда и только на промысловомъ рынкѣ".

Мы могли бы привести цѣлый рядъ такихъ же фактовъ, относящихся къ другимъ губерніямъ, но и приведенныхъ цифръ достаточно, чтобы показать, какое огромное значеніе имѣетъ отходъ. Мы видимъ, что большая часть промысловаго рабочаго населенія тѣсно связана съ деревней, съ земледѣльческимъ хозяйствомъ. Авторъ цитированной брошюры правъ, когда говоритъ, что въ основѣ „объединенія въ од-

номъ и томъ же экономическомъ союзѣ крестьянина и рабочаго... лежатъ экономическіе интересы, настойчиво требующіе такого объединенія, дѣлающіе его, при данныхъ, по крайней мѣрѣ условіяхъ, очень устойчивымъ, а самый процессъ дифференціаціи, если только онъ происходитъ, медлительнымъ и затяжнымъ".

Почему это происходитъ? Что заставляетъ крестьянина не довольствоваться работой въ своемъ хозяйствѣ, а искать еще работы на сторонѣ? Жадность къ работѣ, къ накопленію или нужда? Почему процессъ дифференціаціи крестьянъ на два класса — чистыхъ пролетаріевъ и самостоятельныхъ крестьянъ—является „медлительнымъ и затяжнымъ?"

Почтенный авторъ, констатируя этотъ общественный чрезвычайно важный фактъ, топчется безнадежно передъ нимъ и никакъ не можетъ его ни понять, ни объяснить.

Сдѣлаемъ это за него.

Крестьянинъ, имѣя свое хозяйство, стремится, разумѣется, получить отъ этого хозяйства по меньшей мѣрѣ средства, необходимыя для своего существованія и для существованія своей семьи. Конечно, онъ предпочитаетъ затрачивать свой трудъ въ своемъ хозяйствѣ, если только это даетъ ему достаточный заработокъ. Если крестьянинъ уходитъ на сторону за заработками, то очевидно потому, что тамъ онъ заработаетъ больше, чѣмъ можетъ получить изъ своего хозяйства. Чѣмъ ниже производительность труда въ своемъ хозяйствѣ, тѣмъ настоятельнѣе необходимость отчуждать его на сторону. Слѣдовательно, соединеніе собственнаго земледѣльческаго хозяйства съ продажей труда происходитъ отъ крестьянскаго раззоренія, отъ того, что самостоятельное хозяйство падаетъ, а трудъ въ немъ чрезвычайно мало производителенъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что крестьянинъ работаетъ въ крупномъ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Если онъ получаетъ въ качествѣ наемнаго рабочаго половину производимыхъ имъ продуктовъ, т. е. получаетъ, положимъ 50 к., а 50 к. даетъ прибыли землевладѣльцу, то въ своемъ хозяйствѣ онъ можетъ, очевидно, заработать еще меньше, если находитъ выгоднымъ работать на сторонѣ. Если производительность труда въ своемъ хозяйствѣ (напримѣръ при расширеніи землепользованія) у крестьянина поднимется до 50 к. въ день,

то ему уже не за чѣмъ итти продавать свой трудъ. Напротивъ, чѣмъ болѣе производителенъ трудъ въ собственномъ хозяйствѣ, тѣмъ выгоднѣе растрачивать его дома. Если же хозяйство можетъ поглотить „производительно“ и наемный трудъ, то придется крестьянину прибѣгать и къ наемному труду.

„Богатѣи“, крестьяне, нанимающіе батраковъ, не представляютъ изъ себя какой-то особой породы крестьянъ, это крестьяне, у которыхъ въ хозяйствѣ благодаря наличности средствъ производства трудъ настолько производительнѣе, чѣмъ у другихъ, что наемъ рабочихъ даетъ прибыль. Въ хозяйствахъ тѣхъ крестьянъ, которые нанимаются, напротивъ, трудъ такъ мало производителенъ, что заработная плата даетъ больше, чѣмъ трудъ въ собственномъ хозяйствѣ. Разумѣется, все равно, нанимается ли крестьянинъ въ деревнѣ или въ городѣ, фактъ его наемки говоритъ за то, что, работая въ своемъ хозяйствѣ, онъ получитъ меньше, чѣмъ получаетъ при наймѣ. Затративши въ своемъ хозяйствѣ, напримѣръ, 100 дней въ году, крестьянинъ слѣдующіе 200 дней можетъ затратить въ своемъ хозяйствѣ только съ ничтожной производительностью труда. Потому онъ и предпочитаетъ уходъ въ наемъ.

Изложенными соображеніями мы доказали, въ чемъ заключаются условія, дѣлающія процессъ дифференціаціи „медлительнымъ и растянутымъ“. Чѣмъ шире крестьянское раззореніе, тѣмъ больше крестьянскія хозяйства падаютъ, тѣмъ сильнѣе крестьяне хватаются за промыслы.

Но это явленіе — связь промысловъ съ земледѣліемъ — нужно разсматривать съ другой стороны. Низкіе заработки въ промыслахъ заставляютъ въ свою очередь держаться за земледѣліе. Изслѣдованіе связи петербургскихъ рабочихъ съ земледѣліемъ, результаты котораго мною уже приводились (въ книгѣ „Аграрный вопросъ“), а также изслѣдованія кустарныхъ промысловъ показываютъ, что чѣмъ выше заработокъ въ промыслахъ, тѣмъ меньше связи съ земледѣліемъ.

Да это и понятно: съ одной стороны высокій заработокъ можетъ быть лишь при высокой производительности труда рабочаго; это требуетъ отъ него спеціализаціи, которой нѣтъ у крестьянина земледѣльца. Чтобы спе-

ціализироваться, онъ долженъ бросить земледѣліе и заняться промысломъ. Съ другой стороны высокій заработокъ въ индустріи даетъ возможность рабочему существовать безъ земледѣльческаго хозяйства, которое не можетъ дать ему много.

Техническій прогрессъ въ индустріи, увеличеніе производительности труда рабочаго отрываетъ его отъ земледѣлія.

„Данныя о характерѣ связи съ земледѣльческимъ хозяйствомъ петербургскихъ рабочихъ и данныя о рабочихъ на фабрикахъ Московскаго района даютъ почти одинаковые результаты.

Е. Дементьевъ нашелъ, что „спеціализація, если она къ тому же оплачивается сравнительно лучше другихъ занятій, всегда понижаетъ число рабочихъ, сохранившихъ свою связь съ землею. Рѣзкій примѣръ этого мы видимъ на группахъ рабочихъ въ прядильныхъ и приготовительныхъ отдѣленіяхъ бумаго-прядильныхъ фабрикъ (4,6% въ первыхъ и 4,8% уходящихъ рабочихъ во вторыхъ) и на граверахъ ситценабивныхъ фабрикъ, вовсе не покидающихъ фабрикъ“.

Среди рабочихъ, обрабатывающихъ неволокнистыя вещества, распредѣленіе рабочихъ на уходящихъ и не уходящихъ слѣдующее:

	Отъ 14 л. и стар. въ %	Отъ 18 л. и стар. въ %
Раб. въ красильняхъ при конторахъ для раздачи основъ.	68,7	69,1
Раб. ручн. красиленъ при руч. ткацк. и ситценабивн. фабр.	34,5	36,3
Раб. въ механ. красильно-отбѣльныхъ и въ сукновально-промывныхъ	6,5	8,0

Рабочіе въ ручныхъ красильняхъ даютъ почти 70% уходящихъ, красильщики при ручныхъ, ткацкихъ и ручныхъ ситце-набивныхъ фабрикахъ даютъ % уже на половину меньшій—36,3%. Наконецъ, на механическихъ фабрикахъ % уходящихъ оказывается наименьшій. „Такимъ образомъ,— заключаетъ авторъ анализъ отхода рабочихъ различныхъ отраслей промышленности, — разборъ данныхъ указываетъ

намъ, во-первыхъ, что съ фабриками, работающими механическою силой, неразрывно связано отчужденіе рабочихъ отъ земли; во-вторыхъ, что на тѣхъ же работающихъ механическою силой фабрикахъ это отчужденіе тѣмъ значительнѣе, чѣмъ большую спеціализацію представляетъ то или другое занятіе". „Механическое фабричное производство имѣетъ явную тенденцію отрывать крестьянское населеніе отъ земледѣлія" *).

Характеръ связи петербургскихъ фабричныхъ рабочихъ съ земледѣльческимъ хозяйствомъ выяснился во время однодневной переписи С.-Петербурга въ 1900 году. Хотя приведенныя ниже данныя касаются только 2,000 рабочихъ, о которыхъ имѣлся болѣе полный матеріалъ, но общія данныя, полученныя нами, вполнѣ совпадаютъ съ данными Е. Дементьева и другихъ изслѣдователей быта фабричныхъ рабочихъ.

При сопоставленіи группъ рабочихъ различныхъ предпріятій по ихъ связи съ деревней, бросается въ глаза, прежде всего, нѣкоторый параллелизмъ между культурнымъ уровнемъ рабочихъ и ихъ связью съ деревней: чѣмъ ниже культурный уровень рабочихъ предпріятія, тѣмъ прочнѣе ихъ связь съ деревней. Расположенныя въ убывающемъ порядкѣ по культурному уровню рабочихъ, различныя отрасли промышленности даютъ слѣдующій процентъ рабочихъ, имѣющихъ связь съ деревней:

	Уѣзжаютъ лѣтомъ въ деревню	Посылаютъ деньги въ деревню.	Живутъ въ Петербургѣ менѣе 3-хъ лѣтъ.	Отъ 3-хъ до 10 лѣтъ.	Болѣе 10 лѣтъ.	Имѣютъ надѣлы.
Женщины.	5,5	16	33,1	20,8	46	—
Костеобжигательн. зав. . . .	34	59,8	57,7	20	22,3	77,8
Резиновая мануфакт.	17,5	43,4	23,2	30,6	46,2	62,7
Калинкинскій и Путил. зав. .	15,4	57,6	35,5	39,3	25,2	62
Всѣ мужч. раб. вмѣстѣ съ чернорабоч. и ремесл. . . .	18	52	—	—	—	69,4

*) Е. Дементьевъ „Фабрика, что она даетъ населенію и что у него беретъ".

Связь съ деревней и съ деревенскимъ хозяйствомъ опредѣляется вопросомъ, ѣздитъ ли рабочій на лѣтнія работы въ деревню. Наибольшая связь съ деревней, какъ и слѣдовало ожидать, оказывается у рабочихъ костеобжигательныхъ заводовъ [1]), гдѣ ѣздящіе лѣтомъ въ деревню составляютъ 34% всѣхъ рабочихъ. Въ половину ниже % ѣздящихъ въ деревню изъ рабочихъ резиновой мануфактуры—(17,5%) и еще меньше ѣздятъ въ деревню на работу рабочіе Калинкинскаго и Путиловскаго заводовъ [2])—(15,4%).

Изъ всѣхъ рабочихъ мужчинъ ѣздятъ въ деревню 18%, при чемъ въ это число вошли отчасти тѣ рабочіе, которые ѣздятъ въ деревню или на праздники, или просто „на побывку“.

Итакъ, и прогрессъ земледѣлія и облегченіе положенія крестьянъ заставитъ тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ вести земледѣльческое хозяйство, бросить промыслы, потому что для нихъ земледѣліе будетъ выгоднѣе. Прогрессъ индустріи и необходимость увеличить производительность труда будутъ, съ одной стороны, отрывать рабочаго отъ земледѣлія, потому что заработная плата повысится. Надѣяться на прочность связи продажи труда съ крестьянскимъ хозяйствомъ значитъ надѣяться на прочность экономическаго застоя, связаннаго съ самодержавнымъ режимомъ и на прочность всеобщей крестьянской нищеты. Бѣдный г. Пѣшехоновъ, конечно, не понималъ, какія мрачныя перспективы онъ рисовалъ, говоря о связи въ одномъ хозяйствѣ рабочаго и крестьянина!

II.

Когда старое народничество указывало на единство классовыхъ интересовъ крестьянства и пролетаріата, оно надѣялось, что политическое освобожденіе страны уничтожитъ капитализмъ и крестьянство сольется съ рабочимъ классомъ. Старые народники не могли допустить и мысли, что революція можетъ дать лишь толчекъ дальнѣйшему развитію индустріи и капитализма. Эпигоны народничества, соціал-народники теперь уже понимаютъ это, но не понимаютъ

---

[1]) Неквалифицированный трудъ.

[2]) Механическое производство.

тѣхъ послѣдствій, которыя явятся при развитіи производительныхъ силъ страны.

Какъ глубоко это непониманіе, видно изъ того, что авторъ цитированной уже нами брошюры приводитъ слѣдующее доказательство связи земледѣлія съ индустріей: Въ русской экономической исторіи за послѣднія десятилѣтія извѣстны факты, указывающіе не только на выселеніе изъ деревни, но и на параллельное ему и даже пересилившее его въ нѣкоторые періоды возвращеніе въ деревню когда-то выселившихся. Напомнимъ, напримѣръ, объ извѣстномъ „обращеніи къ землѣ“, состоявшемся въ концѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ въ періодъ промышленнаго застоя. Можно было бы еще указать на періодъ высылки административнымъ путемъ рабочихъ изъ городовъ въ деревни. Указывать на возвращеніе въ деревню въ періодъ промышленнаго застоя, какъ дѣлаетъ авторъ брошюры или на ссылку, о которой упоминаемъ мы, и приводить въ доказательство связи земледѣлія съ промышленностью, значитъ совершенно не понимать существующихъ хозяйственныхъ отношеній. Разумѣется, когда фабрики закрываются или происходитъ массовой разсчетъ рабочихъ, они отправляются и въ деревню, но такое явленіе лишь подтверждаетъ ту мысль, что при развитіи производительныхъ силъ страны, при развитіи индустріи, рабочіе отрываются отъ земледѣлія, и обратно, при паденіи производительныхъ силъ при сокращеніи производства, рабочіе ищутъ заработка и въ безъ того „перенаселенной“ деревнѣ. Не только сокращеніе производства можетъ временно вернуть рабочаго въ деревню, но и низкая производитетьность его труда, низкая заработная плата, если послѣдняя не даетъ ему необходимыхъ средствъ существованія со своей семьей въ городѣ. Чѣмъ ниже заработная плата, тѣмъ прочнѣе связь съ деревней. Получается странное, на первый взглядъ положеніе, котораго не понимаютъ тѣ, кто защищаетъ связь земледѣлія съ индустріей: хотя отхожіе промыслы должны быть доходнѣе земледѣлія, какъ я выше доказывалъ, хотя это фактически подтверждается статистическими изслѣдованіями, тѣмъ не менѣе рабочіе не бросаютъ земледѣлія. Это положеніе создается именно благодаря низкой заработной платѣ, при которой невозможно существовать въ городѣ. „Тѣ милліоны руб-

лей, которые изъ году въ годъ высылаютъ отхожіе промышленники одной Калужской губерніи своимъ семейнымъ, краснорѣчивѣе всего говорятъ о прочности ихъ связей съ крестьянствомъ, остающимся дома", о прочности, которая существуетъ не только благодаря тому, что вторую "душу"— паспортъ можно получить лишь за выплату недоимокъ, но и благодаря тому, что содержать семью въ городѣ рабочій часто не въ состояніи: заработная плата слишкомъ низка; капиталъ разбиваетъ семью, оставляя жену и дѣтей въ деревнѣ, а отца эксплуатируя въ городѣ *). Нужно быть крайнимъ пессимистомъ, чтобы надѣяться, что такое положеніе дѣлъ (т. е. низкая заработная плата и промышленный застой) будетъ сохраняться пока существуетъ капитализмъ. С-народники, доказывающіе связь крестьянина и рабочаго, говорятъ, что политическое освобожденіе и расширеніе крестьянскаго землепользованія дастъ толчекъ развитію индустріи, повыситъ заработную плату и т. д. Можно поэтому судить, какъ глубоко они понимаютъ послѣдствія того, къ чему стремятся, чего добиваются...

---

*) „Городской рабочій въ массѣ своей долженъ на свою заработную плату содержать жену и дѣтей. У крестьянина рабочая сила жены и дѣтей подростковъ (и малолѣтнихъ П. М.) не остается не использованной и эксплуатируется въ собственномъ производствѣ... Въ послѣднемъ рабочая сила женщины... оплачивается даже лучше, чѣмъ на промысловомъ рынкѣ. Это обстоятельство и ставитъ въ болѣе выгодное положеніе рабочаго, семья котораго не лишилась крестьянской самостоятельности, сравнительно съ городскимъ рабочимъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ, бросившій свое хозяйство и перешедшій въ разрядъ городскихъ рабочихъ, лишается двухъ выгодныхъ сторонъ своего положенія: дешевизны деревенской жизни и заработка жены и дѣтей" (Пѣшехоновъ. „Крестьяне и рабочіе" стр. 56). Рабочіе, добиваясь ограниченія дѣтскаго труда, сами добиваются „лишиться" тѣхъ „преимуществъ", о которыхъ говоритъ авторъ брошюры. Нужно надѣяться, что „преимущество" эксплуатировать женскій и дѣтскій трудъ у значительной части крестьянъ исчезнетъ при расширеніи землепользованія, а у рабочихъ при повышеніи заработной платы. Справедливо, что на такого рода преимуществахъ, наслѣдіяхъ прошлаго, основаны всѣ связи рабочихъ съ землей.

III.

„Для кого выгоднѣе всего собственное земельное хозяйство?—Для малоземельныхъ. Для кого выгоднѣе всего промыслы?—Для многоземельныхъ“, говоритъ не краснѣя, почтенный авторъ брошюры „Крестьяне и рабочіе“, „защитникъ“ крестьянскихъ интересовъ *). Такъ для чего же, спроситъ читатель, расширять крестьянское землепользованіе, если малоземелье выгоднѣе, если многоземельные убѣгутъ на промыслы, вслѣдствіе крайней убыточности многоземелья **).

„Выгодность“ малоземелья статистически доказана во славу мелкаго хозяйства и ради прочности связи крестьянина и рабочаго. (Честь этого открытія всецѣло принадлежитъ г-ну Пѣшехонову).

Но эта связь не ограничивается приведенными выгодами: она выгодна для капиталиста. Послѣднее утвержденіе (съ нѣкоторыми ограниченіями) совершенно правильно. „Дешевизна деревенской жизни, понижающая среднюю стоимость производства рабочей силы, обращающейся на рынкѣ и эксплуатація въ собственномъ хозяйствѣ крестьянина женской и дѣтской силы, удешевляющая стоимость мужской, потребляемой промышленнымъ рынкомъ, — все это на руку капиталисту предпринимателю, все это отражается на высотѣ заработной платы въ сторону пониженія. Но этимъ не исчерпываются тѣ выгоды, которыя капиталистъ извлекаетъ изъ рабочаго-крестьянина“:

Изъ всего выше изложеннаго авторъ приходитъ къ выводу, что „отдѣленіе рабочаго отъ крестьянина, такимъ образомъ, противорѣчитъ интересамъ обѣихъ сторонъ: и рабочаго и капиталиста“. Какая трогательная гармонія! А зловредные марксисты еще говорятъ о противорѣчіяхъ классовыхъ интересовъ!

Но оставимъ пока въ покоѣ г. Пѣшехонова съ его „на-

*) А. В. Пѣшехоновъ. „Крестьяне и рабочіе“, стр. 56.

**) Не потому ли крупные землевладѣльцы и бѣгутъ на „сторонніе заработки“ въ военную и гражданскую службу, что крупное землевладѣніе, по разъясненію г. Пѣшехонова, очень убыточно. А они безъ статистики и не сообразятъ, что, превратившись въ мелкихъ землевладѣльцевъ, много выиграютъ?!

глядными несообразностями“ и взглянемъ на будущее. Допустимъ, что, несмотря на „убыточность“ болѣе крупнаго хозяйства, крестьянское землепользованіе расширилось, что вмѣсто кризиса и застоя въ индустріи послѣ революціи производительныя силы страны развернутся, капитализмъ будетъ развиваться, а заработная плата рабочихъ повысится. Что произойдетъ съ крестьяниномъ и рабочимъ, укрѣпится ли между ними хозяйственная связь или наоборотъ, экономическое развитіе страны отколетъ рабочаго отъ крестьянина и поставитъ ихъ въ экономической борьбѣ въ два противоположныхъ лагеря?

Крестьянскія хозяйства, которыя прочно встанутъ на ноги, будутъ имѣть возможность расширить запашку улучшеннымъ инвентаремъ при раціональной культурѣ, и крестьянинъ не побѣжитъ, разумѣется, наниматься на фабрику, потому что и дома онъ заработаетъ не меньше, а больше. Такой крестьянинъ для удовлетворенія потребностей въ продуктахъ производства индустріи будетъ отчуждать не свой трудъ, а продукты своего хозяйства. Нужно думать, что при расширеніи землепользованія крестьянъ въ огромной степени увеличится число такъ называемыхъ хозяйственныхъ мужичковъ, которые ведутъ прочное хозяйство. Нужно думать, что потребности такихъ хозяйственныхъ мужичковъ расширятся, они будутъ выписывать и газеты, покупать предметы комфорта и т. п., а для этого принуждены будутъ отчуждать продукты своего производства. Если теперь калужскій крестьянинъ отчуждаетъ, продаетъ продуктовъ отъ 5 до 8, 6 процентовъ, а рабочей силы около 47, 9%, то хозяйственный крестьянинъ вмѣсто рабочей силы, продастъ продуктовъ на значительно большую сумму. Вмѣсто продавца своей рабочей силы хозяйственный крестьянинъ превратится въ продавца продуктовъ своего хозяйства, товаровъ. Нѣмцы колонисты съ прочнымъ хозяйствомъ были и будутъ идеаломъ для хозяйственныхъ крестьянъ.

Но будутъ и „нехозяйственные“ крестьяне. Не только тѣ, которые кромѣ земледѣлія, занимаются другими промыслами, но и тѣ, у кого нѣтъ ни умѣнья, ни средствъ прочно установить свое хозяйство. Эти крестьяне не будутъ въ состояніи распахивать всю свою землю, а будутъ всю или часть ея сдавать въ аренду. Въ какомъ направленіи будетъ развиваться ихъ хозяйство?

Разумѣется, если заработки въ индустріи или заработная плата въ хозяйствахъ богатыхъ сосѣдей будутъ высоки, то копаться въ своемъ малодоходномъ хозяйствѣ будетъ невыгодно. Чѣмъ выше будетъ заработная плата, тѣмъ скорѣе этотъ полухозяинъ-полурабочій сдѣлается только рабочимъ. Онъ не будетъ мучить свою жену и ребенка въ деревенскомъ хозяйствѣ и жить врозь отъ нихъ, если будетъ зарабатывать больше.

Итакъ, съ развитіемъ земледѣльческаго хозяйства и индустріи, которая разовьется, когда откроется обширный рынокъ въ деревнѣ, связь крестьянина и рабочаго въ одномъ хозяйствѣ будетъ порываться съ двухъ сторонъ и со стороны зажиточныхъ хозяйственныхъ крестьянъ и со стороны бѣдныхъ: первые будутъ превращаться въ солидныхъ бюргеровъ, послѣдніе въ типичныхъ пролетаріевъ города или деревни.

Но, скажетъ соц.-народникъ, послѣ революціи, хотя и буржуазной когда землепользованіе крестьянъ расширится, когда въ ихъ рукахъ будутъ оставаться тѣ сотни милліоновъ рублей, которые получались помѣщиками, уровень благосостоянія крестьянъ повысится. Совершенно вѣрно. Если будетъ полная побѣда демократіи, эти сотни милліоновъ повысятъ потребности крестьянъ въ продуктахъ индустріи, дадутъ толчекъ ея развитію. Но лишь „буржуазные моралисты, конечно, всегда будутъ указывать на эти примѣры (обогащенія), какъ на доказательство возможности всему пролетаріату и всему трудовому крестьянству трудолюбіемъ, бережливостью и умомъ достигнуть въ современномъ обществѣ завиднаго благосостоянія. Но соціалисту ясно, что самая возможность единичнымъ лицамъ такъ богатѣть предполагаетъ ихъ возвышеніе на счетъ оставшейся въ прежнемъ положеніи массы". Это говоритъ г. Черновъ *), разбивающій такимъ образомъ иллюзіи, которыя сѣются соц.-народниками, иллюзіи обогащенія всего „трудового" крестьянства при существованіи капитализма, который не скоро еще устранится. Если же это такъ, если обогатиться могутъ не всѣ крестьяне, то такъ называемые „трудовые" крестьяне, будутъ вынуждены подвергаться эксплуатаціи или въ своемъ или въ чу-

*) „Къ теоріи классовой борьбы", стр. 39.

жомъ хозяйствѣ. А при расширеніи индустріи, при повышеніи заработка будетъ выгоднѣе работать въ чужомъ хозяйствѣ, Тогда придется бросить собственное хозяйство, и превратиться изъ трудового крестьянина въ трудового пролетарія.

Какое же значеніе имѣютъ такія перспективы для классовыхъ интересовъ, для классовой борьбы ближайшаго будущаго? Если сейчасъ, до побѣды демократіи и крестьянство въ цѣломъ и пролетаріатъ заинтересованы въ демократизаціи политическаго строя, то потомъ, когда центръ тяжести классовой борьбы перенесется въ сферу борьбы экономической, взаимное отношеніе этихъ двухъ классовъ будетъ иное. Чѣмъ прочнѣе будетъ земледѣльческое хозяйство у зажиточной части крестьянъ, тѣмъ ближе ихъ интересы подойдутъ къ интересамъ защищаемымъ вообще землевладѣльцами. Крестьянинъ превратился въ товаропроизводителя, удовлетворяющаго свои потребности на деньги, вырученныя продажей продуктовъ собственнаго хозяйства. Его интересы будутъ опредѣляться интересами его хозяйства: высокія цѣны на продукты земледѣлія, низкія цѣны на рабочія руки и т. д.— вотъ матеріальные, и поэтому наиболѣе значительные интересы мелкаго буржуа-крестьянина.

Но будетъ и другой крестьянинъ, тотъ „земледѣлецъ“, который еще не нашелъ мѣста въ индустріи, еще не превратился въ постояннаго батрака своего болѣе богатаго сосѣда.

Мы уже указывали на то, что крестьянинъ-пауперъ только въ силу нужды держится за земледѣліе, точно также въ силу нужды идетъ и на заработки. Если въ земледѣліи онъ сдѣлается хозяйственнымъ мужичкомъ, то онъ перейдетъ по своимъ интересамъ къ первой буржуазной категоріи. Если же земледѣліе не будетъ удовлетворять его потребностямъ, то, при повышеніи заработка въ индустріи или въ батрачествѣ, онъ постепенно сдѣлается полнымъ пролетаріемъ. Его матеріальные интересы сведутся не къ повышенію цѣнъ на продукты земледѣлія, а къ пониженію, не къ пониженію заработной платы, а къ повышенію и т. д. и т. д. А такъ какъ при конституціонномъ строѣ политическая борьба партій опредѣляется интересами борющихся классовъ, то крестьянинъ и рабочій окажутся въ разныхъ лагеряхъ. Крестьянинъ-пауперъ будетъ переходить постепенно въ ла-

герь рабочей партіи, когда для него будетъ выясняться непримиримость его интересовъ съ интересами буржуазіи.

По мѣрѣ того, какъ пауперизмъ крестьянства будетъ исчезать и на мѣсто паупера станетъ или хозяйственный крестьянинъ или пролетарій, исчезнетъ идеологія пауперовъ, выражаемая современными соціал-народниками въ ихъ лозунгѣ „уравнительное землепользованіе“. Вмѣсто мѣщанскаго царства экономически равныхъ мелкихъ хозяевъ будетъ обостренная борьба пролетаріата съ буржуазіей: въ этой борьбѣ нѣтъ мѣста для мѣщанскихъ иллюзій.

Земледѣлецъ и кустарь.

Въ теченіе цѣлаго десятилѣтія велась полемика съ неослабнымъ усердіемъ со стороны писателей и при напряженномъ интересѣ со стороны читателей—по вопросу о томъ, какія судьбы экономической жизни ждутъ Россію, будетъ ли развиваться въ ней капитализмъ или она пойдетъ по иному пути экономическаго развитія. Такой интересъ къ вопросу, казалось бы далекому отъ текущей злобы дня, объясняется тѣмъ, что политическая и общественная дѣятельность каждаго тѣсно связана съ тѣмъ или инымъ предвидѣніемъ будущаго развитія страны.

Путь, по которому пойдетъ экономическое развитіе страны, опредѣляетъ не только формы экономической жизни, но и всѣ другія стороны жизни общества—его политическій строй, условія культурной жизни, общественной борьбы и т. д. Вопреки всяческимъ попыткамъ опровергнуть теорію экономическаго матеріализма почти всѣ считаются съ тѣмъ, что экономическій строй составляетъ фундаментъ общественной жизни и экономическое развитіе опредѣлитъ ея формы.

Попытки предвидѣнія дѣлались и дѣлаются представителями различныхъ направленій, различныхъ партій. Различіе взглядовъ на характеръ предстоящаго развитія страны служитъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ, около котораго происходила борьба теоретическаго теченія марксизма, проявляющагося въ политической жизни въ видѣ соціал-демократической партіи,—съ одной стороны, съ народничествомъ, подъ

идейнымъ руководствомъ котораго развилась партія с—р'овъ —съ другой.

Эта идейная борьба еще и до настоящаго времени не вполнѣ закончилась. Хотя теперь никто уже не рѣшается оспаривать того положенія, что развитіе капитализма въ обрабатывающей промышленности Россіи послѣ политическаго освобожденія лишь получитъ толчекъ для дальнѣйшаго развитія, но не для всѣхъ ясно, что этотъ толчекъ одинаково отразится и на индустріи и на земледѣліи. Многіе еще совершенно не выяснили себѣ характера связи, которая суторая существуетъ между индустріей и земледѣліемъ. Попытаемся выяснить эту связь.

Значительная часть крестьянскихъ земледѣльческихъ хозяйствъ, какъ извѣстно, занята кустарными промыслами. Кустарное производство удовлетворяетъ большую часть потребностей деревенскаго населенія въ продуктахъ обрабатывающей промышленности. Такимъ образомъ, судьбы кустарныхъ промысловъ отразятся съ одной стороны на развитіи капитализма въ индустріи, съ другой стороны на земледѣльческомъ хозяйствѣ. Если кустарные промыслы будутъ связаны съ земледѣльческими хозяйствами, если эти хозяйства будутъ удовлетворять потребности деревенскаго населенія въ продуктахъ обрабатывающей промышленности, то развитіе капитализма замедлится, потому что оно тѣсно связано съ развитіемъ внутренняго рынка въ русской деревнѣ.

Прочность связи земледѣлія съ кустарными промыслами доказывалась всячески и объяснялась даже климатическими условіями Россіи. Извѣстный экономистъ В. В. доказывалъ, что кустарные промыслы тѣсно связаны съ земледѣліемъ вслѣдствіе продолжительности русской зимы, благодаря чему лѣтній земледѣльческій сезонъ коротокъ, а зимній сезонъ даетъ много свободнаго отъ земледѣльческихъ работъ времени.

Если же промыслы не такъ тѣсно связаны съ земледѣльческимъ хозяйствомъ, какъ думаютъ народники, если развитіе земледѣльческаго хозяйства порываетъ связи его съ промысломъ, то странѣ предстоитъ огромный экономическій переворотъ. Отдѣленіе промысловъ отъ земледѣлія нетолько должно создать капиталистическую индустрію съ огромнымъ

количествомъ рабочихъ, но должно внести переворотъ и въ земледѣльческія хозяйства, которыя перестануть заниматься промыслами.

Чтобы опредѣлить будушія судьбы кустарныхъ промысловъ нужно выяснить рядъ вопросовъ: что связываетъ промыселъ съ земледѣліемъ? Какъ вліяетъ на эту связь развитіе производительныхъ силъ страны, увеличеніе производительности труда въ земледѣльческомъ хозяйствѣ и въ данномъ промыслѣ? При какихъ условіяхъ эта связь порывается? и т. д. и т. д.

Изслѣдованія кустарныхъ промысловъ въ Россіи и, въ частности, подворное изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ въ Хвалынскомъ уѣздѣ, сдѣланное Саратовскимъ Земствомъ, даютъ богатый матеріалъ нетолько для отвѣта на поставленные выше вопросы, но и для изслѣдованія формъ развитія промышленности. Нѣкоторыми изъ этихъ данныхъ мы и воспользуемся для выясненія вопроса о томъ, въ какомъ направленіи будетъ развиваться промышленное и земледѣльческое хозяйство въ Россіи.

Въ развитіи хозяйства при существованіи конкурренціи, наибольшее значеніе имѣетъ увеличеніе производительности труда. Мелкая промышленность обыкновенно уступаетъ мѣсто крупному капиталистическому производству, потому что послѣднее, обладая техническими преимуществами, увеличиваетъ производительность труда. Несомнѣнно, что въ каждомъ промыслѣ будущее принадлежитъ формамъ производства, въ которыхъ трудъ наиболѣе производителенъ.

Сравнивая размѣры заработка кустарей и фабричныхъ рабочихъ, мы можемъ опредѣлить относительную производительность труда предпріятій того и другого типа.

Прежде, чѣмъ дѣлать такое сравненіе, нужно внести слѣдующую поправку. Нѣкоторые кустари эксплуатируются скупщиками и продавцами сырыхъ матеріаловъ.

Какъ увидимъ далѣе „самостоятельные“ кустари, работающіе на заказчика и на базаръ получаютъ не больше, чѣмъ кустари, работающіе на скупщика или на хозяина. Поэтому приведенныя ниже сравнительныя данныя относятся и къ самостоятельнымъ кустарямъ, работающимъ прямо на потребителя и, слѣдовательно не эксплуатируемымъ посредниками скупщиками. Такъ какъ самостоятельные кустари зараба-

тываютъ такъ же мало, какъ и работающіе на скупщиковъ, то нужно признать, что производительность труда является главнымъ факторомъ, вліяющимъ на высоту заработка кустарей.

По даннымъ статистическихъ свѣдѣній о фабрикахъ и заводахъ по производствамъ, не обложеннымъ акцизомъ, за 1900 годъ средній заработокъ рабочаго въ крупныхъ предпріятіяхъ Россіи по обработкѣ дерева былъ 11,5 к. за часъ, при чемъ этотъ заработокъ составлялъ менѣе половины произведенной въ часъ стоимости издѣлій, исключая всѣ расходы на матеріалъ, машины и проч.

Изъ кустарей, обрабатывающихъ дерево въ Хвалынскомъ уѣздѣ, производятъ въ 1 день:

Корзиночники	28,5 к.
Лопатники	33 „
Лапотники	3 „
Рогожники	15 „
Санники-телѣжники	23 *)

Въ крупныхъ предпріятіяхъ рабочій производитъ въ 1 часъ цѣнность около 25 коп., изъ которыхъ онъ получаетъ заработной платы 11,5 коп. Въ кустарныхъ предпріятіяхъ по обработкѣ дерева одинъ рабочій производитъ на такую же сумму въ цѣлый день. Очевидно, въ какія бы благопріятныя условія ни былъ поставленъ кустарь при покупкѣ матеріала и сбыта издѣлій, его заработокъ будетъ все-таки крайне ничтоженъ если не улучшится техника производства. Въ другихъ промыслахъ такое же отношеніе.

Кустари Хвалынскаго уѣзда производятъ цѣнностей въ 1 день:

Въ гончарномъ производствѣ на	10 к.
Въ сѣтьевомъ	10 „

И тутъ мы видимъ низкую производительность труда вслѣдствіе плохой техники мелкаго производства.

Характерно, между прочимъ, то обстоятельство, что въ промыслахъ, въ которыхъ крестьяне уходятъ на сторону, приближаясь къ положенію наемныхъ рабочихъ, заработокъ

*) При работѣ по 18 час. въ день.

ихъ значительно выше. Такъ, плотники, пильщики и другіе наемные отхожіе ремесленники зарабатываютъ въ день 36 к., валяльщики, работающіе и дома и въ отходѣ—по 44 коп. въ день.

Сравненіе производительности труда кустарей и фабрично-заводскихъ рабочихъ приводитъ къ выводу, что трудъ кустарей мало производителенъ, что кустарь въ цѣлый день, работая 16—17 часовъ, производитъ цѣнность приблизительно такую же, какую фабричный рабочій производитъ въ одинъ часъ. Вслѣдствіе этого фабричный рабочій, получая въ видѣ заработной платы менѣе половины произведенной имъ цѣнности, все-таки зарабатываетъ больше, чѣмъ кустарь, хотя бы послѣдній не эксплуатировался ни скупщикомъ, ни лавочникомъ или продавцомъ сырья. Въ нѣкоторыхъ производствахъ, напр. въ лапотномъ, заработокъ кустаря невѣроятно низокъ и какое бы содѣйствіе въ условіяхъ сбыта издѣлій и покупкѣ матеріала кустарь не получилъ, заработокъ можетъ повыситься лишь на ничтожную сумму, потому что цѣнность издѣлій, производимыхъ въ теченіе недѣли ниже, чѣмъ часовой заработокъ фабричнаго рабочаго.

Эти общія данныя о производительности труда кустарей говорятъ вообще объ отсутствіи жизнеспособности кустарнаго производства рядомъ съ крупнымъ капиталистическимъ производствомъ, о безнадежности положенія перваго *). Ясно, что только крайняя нищета и отсутствіе другихъ болѣе доходныхъ заработковъ заставляютъ кустаря держаться за свой промыселъ.

Но среди кустарныхъ предпріятій есть и такія, которыя имѣютъ много наемныхъ рабочихъ и даютъ въ годъ нѣсколько тысячъ рублей чистаго дохода. Распредѣляя предпріятія по размѣрамъ даваемаго ими заработка или чистаго дохода, мы получаемъ слѣдующія цифры:

Число предпріятій, дающихъ дохода кустарю въ мѣсяцъ.

	Р у б л и.								
	до 5	5-10	10-15	15-20	20-30	30-50	50-100	бол. 100	Всего
Число предпр.	1262	1501	844	482	355	210	61	24	4739
Въ % къ общему числу. .	26,6	31,4	17,8	10,2	7,5	4,6	1,3	0,5	100

*) Нужно замѣтить, что наиболѣе низкіе заработки получаются и въ тѣхъ промыслахъ, въ которыхъ нѣтъ конкуренціи крупнаго капитала. Низкая производительность труда кустарей и низкая оцѣнка труда кустарей-земледѣльцевъ являются главными причинами ничтожнаго заработка.

Всѣ 4,739 предпріятій даютъ чистаго заработка 415,988 р. Кромѣ того, въ нихъ затрачивается на заработную плату 65,339 рублей.

Хвалынскій уѣздъ почти еще не затронутъ крупнымъ капиталистическимъ производствомъ. Ни въ самомъ городѣ Хвалынскѣ, ни въ уѣздѣ нѣтъ фабрикъ и крупныхъ заводовъ и кустаря не убиваетъ конкурренція крупнаго производства. Если тѣмъ не менѣе среди кустарей уже есть капиталисты предприниматели, то они появились вслѣдствіе развитія кустарныхъ промысловъ, а не извнѣ, не со стороны. Казалось бы, условія для мелкаго производства самыя благопріятныя, такъ какъ уѣздъ находится вдали отъ всякихъ промышленныхъ центровъ. Тѣмъ не менѣе изъ приведенной таблицы мы видимъ, какъ ничтожны заработки кустарей.

Включая всѣ предпріятія, въ томъ числѣ и получающія болѣе ста рублей мѣсячнаго дохода, мы находимъ, что каждое хозяйство въ среднемъ получаетъ 87,$_{77}$ руб. въ годъ чистаго дохода отъ главнаго промысла. Большая половина, 58% хозяйствъ получаютъ отъ промысловъ мѣсячнаго заработка (на хозяйства, а не на рабочаго) менѣе 10 руб. и болѣе четверти хозяйствъ (26%) получаетъ въ мѣсяцъ менѣе 5 руб.

Такіе низкіе заработки кустарей получаются, главнымъ образомъ, вслѣдствіе чрезвычайно низкой производительности труда. Примитивная техника, недостаточная спеціализація въ своемъ дѣлѣ не даютъ возможности кустарямъ производить издѣлія въ такомъ количествѣ и такого качества, чтобы получался достаточный заработокъ. Поэтому для большинства кустарей земледѣльческое хозяйство является необходимымъ для поддержанія существованія. Съ другой стороны занятіе земледѣльческимъ хозяйствомъ не даетъ возможности спеціализироваться въ промыслѣ и обращать на улучшеніе техники тѣ средства, которыми кустарь располагаетъ. Получается безвыходное положеніе: плохое земледѣльческое хозяйство вынуждаетъ заниматься промысломъ, а временное занятіе промысломъ даетъ плохой заработокъ. Плохой заработокъ отъ промысла не даетъ возможности улучшить земледѣльческое хозяйство.

Сравненіе доходности отъ промысловъ въ земледѣльче-

скихъ хозяйствахъ съ различными посѣвами и въ хозяйствахъ неземледѣльческихъ даетъ слѣдующія цифры:

	Число хозяйствъ	Чистый годовой доходъ въ руб.			Наемныхъ рабочихъ	
		Отъ промысла		Отъ друг. зараб.		
		Всего	На 1 хоз.	На 1 хоз.		На 1 хоз.
Безпосѣвныхъ	496	59510	120	16,2	61 чел.	0,12
Сѣющихъ до 3 дес. . . .	848	31370	37	9,9	95 „	0,11
„ 3—10 „ . .	1399	75794	54,2	6,6	211 „	0,14
„ болѣе 10 дес.	250	47027	188	7,8	941 „	3,7

Такимъ образомъ, наибольшій доходъ отъ промысловъ получаютъ кустари, не имѣющіе посѣва и предприниматели, имѣющіе посѣва болѣе 10 дес. и около тысячи наемныхъ рабочихъ.

Вліяніе земледѣльческаго хозяйства на заработокъ кустарей и на производительность ихъ труда лучше всего можно прослѣдить изъ сравненія заработка деревенскихъ и городскихъ кустарей въ одномъ и томъ же промыслѣ. Это сравненіе указываетъ на огромную разницу въ заработкѣ *).

Такъ въ валяльномъ промыслѣ въ городѣ Кузнецкѣ каждый рабочій кустарь получаетъ чистаго заработка въ мѣсяцъ . . . . . 18,5 руб.
въ Хвалынскомъ уѣздѣ . . . . . 11,2 „
въ кузнечномъ промыслѣ въ городѣ Кузнецкѣ . 36 „
въ Хвалынскомъ уѣздѣ 15
въ сапожномъ промыслѣ въ городѣ Кузнецкѣ . 14,5 „
въ деревнѣ Павловкѣ . . . . . 6 „

Эта разница обусловливается не только техническимъ навыкомъ спеціализировавшихся промышленниковъ, но и тѣмъ, что въ городѣ сбытъ болѣе обезпеченъ, а также тѣмъ,

*) Средняя норма мѣсячнаго заработка всѣхъ кустарей опредѣляется слѣдующими цифрами: отхожіе ремесленники получаютъ въ мѣсяцъ по 9,1 руб. на рабочаго, наемн. рабочіе кустарей 9,06 руб., кустари-деводѣлы—5,1 руб. и остальные кустари—6,27 руб.

что стоимость содержанія рабочаго въ городѣ выше и минимумъ заработка тоже долженъ быть выше.

При сравненіи заработка, который приходится на каждое хозяйство, разница между городомъ и деревней еще больше, такъ какъ рабочій періодъ въ городѣ продолжительнѣе.

Такъ: въ городѣ Кузнецкѣ на 1 хоз. валяльщиковъ приходится чистаго заработка . . . . . 192 руб.
въ Хвалынскомъ уѣздѣ . . . . . 82 „
У гончаровъ въ городѣ Кузнецкѣ . . . . . 85 „
въ Хвалынскомъ уѣздѣ . . . . . 16 „

Независимо отъ условій сбыта издѣлій и покупки матеріала кустари вслѣдствіе техническихъ условій производства получаютъ ничтожный заработокъ даже при лучшихъ условіяхъ.

Мы видѣли, что производительность труда кустарей ничтожна. Отъ чего можетъ она увеличиться, что послужитъ толчкомъ для развитія промысла?

Прежде всего такимъ толчкомъ послужитъ расширеніе рынка. По мѣрѣ увеличенія потребностей населенія въ продуктахъ, по мѣрѣ расширенія производства увеличивается и производительность труда кустарей, повышается ихъ заработокъ и удлиняется ихъ рабочій сезонъ. Сезонный промыселъ превращается въ постоянный.

Если предположить, что результатомъ русской революціи будетъ повышеніе экономическаго уровня крестьянскаго населенія и повышеніе его потребностей, если увеличится въ значительной степени его покупательная способность, то долженъ въ соотвѣтствіи съ этимъ расшириться рынокъ и увеличиться производительность труда.

Увеличеніе размѣровъ производства кустарями, прежде всего, происходитъ посредствомъ удлиненія рабочаго сезона. Чѣмъ шире рынокъ и обезпеченнѣе сбытъ, чѣмъ выгоднѣе производство, тѣмъ дольше кустарь занимается своимъ промысломъ и не переходитъ къ другимъ заработкамъ, и обратно, отсутствіе сбыта вынуждаетъ кустаря бросать свой промыселъ въ „мертвый сезонъ“.

Поэтому съ условіями сбыта, обыкновенно, связано и развитіе каждаго промысла: чѣмъ шире рынокъ, тѣмъ шире развивается промыселъ, тѣмъ большему числу кустарей онъ

даетъ заработокъ. Съ размѣрами рынка не только связано развитіе промысла, но и формы предпріятій, занятыхъ производствомъ издѣлій. При ограниченномъ рынкѣ промыселъ обыкновенно носитъ характеръ ремесла, преобладаетъ производство на заказчика, промысломъ занимаются немногія хозяйства и его развитіе тѣсно ограничено спросомъ на издѣлія со стороны мѣстнаго населенія.

При расширеніи сбыта не только увеличивается число хозяйствъ, занятыхъ промысломъ, но и увеличивается количество издѣлій, приготовляемыхъ каждымъ предпріятіемъ, является потребность въ улучшеніи техники производства.

Хотя при сбытѣ на широкій рынокъ кустарь принужденъ обыкновенно, обращаться къ посредничеству скупщика и продавать ему свои издѣлія дешевле, чѣмъ непосредственному потребителю, но благодаря увеличенію производства, валовой заработокъ кустаря увеличивается. Это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

производитъ каждое хозяйство, сбывающее

	Лаптей	Лопатъ	Яремъ	Шорныхъ издѣлій	Сапоговъ
На ближ. рынкѣ на	7,6 р.	64 р.	65 р.	258 р.	158 р.
Скупщикамъ на . .	18 „	78 „	74 „	2013 „	203 „
На отдален. рынкѣ	—	232 „	87 „	1766 „	—

	Гончарныхъ издѣлій.	Валяльныхъ издѣлій.
На ближ. рынкѣ на	28 руб.	203 руб.
Скупщикамъ „	30,5 „	431 „
На отдал. рынкѣ „	38 „	

Изъ таблицы видно, что размѣръ производства каждаго предпріятія зависитъ отъ размѣра рынка, на который сбываются издѣлія. Кустарь, сбывающій на ближайшемъ рынкѣ, производитъ меньше, чѣмъ кустарь, сбывающій свои издѣлія непосредственно или черезъ скупщика на отдаленномъ рынкѣ. Ограниченность мѣстнаго рынка не даетъ возможности кустарю развернуть всѣ свои производительныя силы, потому что, если нѣтъ покупателя на ближайшемъ рынкѣ, то не имѣетъ смысла и производство для него издѣлій въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Условія сбыта вліяютъ не только на размѣры производ-

ства кустарныхъ издѣлій, но и на норму заработка, получаемаго кустарями отъ производимыхъ товаровъ.

Большинство кустарей, не имѣя возможности сбывать свои издѣлія на отдаленномъ рынкѣ, принуждены продавать ихъ скупщикамъ, теряя при этомъ значительную долю своего заработка. Эти потери при сбытѣ выражаются въ пониженіи процента чистаго заработка изъ суммы сбыта.

При различныхъ формахъ сбыта этотъ процентъ заработка изъ валовой стоимости продукта выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Рогожники		Лопатники.	Ярмов. пр.	Шорники.
	Въ Покурл.	Въ поселкѣ.			
На ближ. рынкѣ	66%	57%	63,4%	64,1%	18%
На отдал. „	72,5%	—	66,25%	74,84%	—
Скупщику	—	—	60,81%	51,35%	12,75%
Хозяину сдѣл.	57,7%	48%	—	32%	11,1%

	Сапожники.	Рукавичники.	Горшечники.	Колесники.
На ближ. рынкѣ	37,84%	29,22%	58,72%	27,39%
На отдал. „	—	—	69,8%	38%
Скупщику	35,86%	38%	58,2%	23%
Хозяину сдѣльно	24,44%	18,2%	45,9%	—

Такимъ образомъ, при сбытѣ своихъ издѣлій кустари находятся въ безвыходномъ положеніи,—имъ въ настоящее время предстоитъ слѣдующая дилемма: сбывать свои издѣлія на ближайшемъ рынкѣ, получая высокій процентъ заработка, но въ тоже время сбывать на незначительную сумму, потому что на ближайшемъ рынкѣ сбытъ крайне ограниченъ, или обращаться къ скупщику, теряя часть своего заработка, но сбывая издѣлія въ большемъ количествѣ. Только немногіе наиболѣе зажиточные кустари развозятъ свои издѣлія сами на отдаленный рынокъ. Въ такихъ случаяхъ они получаютъ не только высокій процентъ заработка, но и сбываютъ своихъ или скупленныхъ издѣлій на большую сумму.

Капиталистическое, массовое производство требуетъ широкаго рынка. Расширеніе сбыта открываетъ путь для массоваго производства. Увеличеніе потребностей сельскаго населенія дастъ толчекъ развитію сельской промышленности. Это развитіе выразится прежде всего въ томъ, что сезонные промыслы превратятся въ постоянные (за исключеніемъ тѣхъ,

которыми можно заниматься только въ опредѣленное время года). А переходъ къ постоянному занятію промысломъ уже разрываетъ связь съ земледѣліемъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны расширеніе рынка открываетъ путь для развитія капиталистическаго производства и для операцій торговаго капитала, съ другой стороны разрываетъ связь съ земледѣліемъ, удлинняя рабочій сезонъ въ промыслѣ.

Только немногіе промыслы, тѣсно связанные съ земледѣліемъ, могутъ держаться и при развитіи крестьянскаго хозяйства. Къ такимъ промысламъ относятся, напр., древодѣльные промыслы, требующіе лошадей для перевозки лѣса и издѣлій. Поэтому мы видимъ, что у древодѣловъ земледѣльческое хозяйство лучше сохраняется, чѣмъ у всѣхъ другихъ кустарей.

Хотя въ число предпріятій, занятыхъ древообрабатывающей промышленностью, вошли лопатники и рогожники, промыселъ которыхъ не связанъ съ земледѣльческимъ хозяйствомъ, тѣмъ не менѣе статистическія данныя показываютъ, что земледѣльческое хозяйство кустарей древодѣловъ значительно лучше поставлено, чѣмъ у другихъ кустарей. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

Хозяйства древодѣловъ.

	Число хоз.	% къ общему числу хоз.	У нихъ лошадей.	Посѣва на 1 хоз.
Безпосѣвныхъ	35	2,5	5	—
Сѣющихъ до 3 дес.	501	35,4	341	2
отъ 3—10 дес.	750	53	1083	5,4
болѣе 10 дес.	129	9,1	389	19,1
Всего	1415	100	1818	5,3

Хозяйства другихъ кустарей.

	Число хоз.	% къ общему числу хоз.	У нихъ лошадей.	Посѣва на 1 хоз.
Безпосѣвныхъ	241	35,9	18	—
Сѣющихъ до 3 дес.	161	24	137	2
отъ 3—10 дес.	237	35,3	344	5,1
болѣе 10 дес.	32	4,8	75	15,7
Всего	671	100	574	3

Различіе между той и другой группой кустарей по ихъ хозяйственному положенію очень значительное. На каждое хозяйство древодѣловъ приходится въ среднемъ по 5, 3 дес. посѣва, по 1, 3 лошадей; при этомъ безпосѣвные только составляютъ 2, 5% всѣхъ хозяйствъ. У другихъ кустарей безпосѣвныхъ 35, 9% на каждое хозяйство, въ среднемъ приходится по 3 дес. посѣва и 0, 86 лошадей на каждый дворъ.

Среди каждой изъ этихъ двухъ категорій промысловъ есть такіе, которыми занимаются главнымъ образомъ безпосѣвные крестьяне, и есть промыслы, въ которыхъ заняты крестьяне съ значительнымъ посѣвомъ и съ хорошо поставленнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ.

Такимъ образомъ различные промыслы привлекаютъ и различные по хозяйственному положенію слои крестьянскаго населенія. Это зависитъ отъ слѣдующихъ условій:

1) Въ нѣкоторыхъ промыслахъ, главнымъ образомъ по обработкѣ дерева, сырой матеріалъ и готовыя издѣлія настолько громоздки, что въ хозяйствѣ необходима лошадь для доставки домой сырого матеріала и готовыхъ издѣлій на рынокъ. За такіе промыслы берутся хозяйства, имѣющія лошадь и посѣвъ, такъ какъ содержать лошадь только для промысла невыгодно. Въ такихъ промыслахъ и производство на обширный рынокъ развиться не можетъ, такъ какъ доставка громоздкихъ издѣлій на него невыгодно.

Поэтому массовое производство на хозяина сдѣльно развилось только въ нѣкоторыхъ древодѣльныхъ промыслахъ: въ производствѣ осей, мочала, рогожъ и кулей. Эти издѣлія идутъ на отдаленный рынокъ иихъ производствомъ заняты и не связанные съ земледѣліемъ кустари.

2) Нѣкоторые менѣе развитые промыслы имѣютъ сезонный характеръ. Обыкновенно, въ началѣ своего развитія почти каждый промыселъ имѣетъ сезонный характеръ, но при дальнѣйшемъ своемъ развитіи многіе промыслы дѣлаются постоянными. Такъ, сапожники при сбытѣ непосредственно потребителю должны работать только въ теченіе болѣе или менѣе короткаго сезона, когда есть спросъ на сапоги. То же можно сказать о валяльщикахъ, шорникахъ, санникахъ, телѣжникахъ, колесникахъ, рогожникахъ, рукавичникахъ и т. д. Дальнѣйшее развитіе промысла на широкій неопредѣленный

рынокъ, на скупщика или на хозяина сдѣльно даетъ возможность постоянно сбывать свои издѣлія и появляется категорія кустарей, постоянно занимающаяся промысломъ.

Когда промыселъ развился еще такъ мало, что имѣетъ сезонный характеръ, то земледѣльческое хозяйство является необходимымъ. Такимъ образомъ крестьяне земледѣльцы берутся за сезонный промыселъ потому, что часть года они должны заниматься земледѣліемъ. Крестьяне же, не имѣющіе посѣва, должны заниматься такимъ промысломъ, который обезпечивалъ бы ихъ заработокъ въ теченіе круглаго года. По мѣрѣ своего развитія промыселъ начинаетъ отдѣляться отъ земледѣлія.

3) Въ нѣкоторыхъ промыслахъ трудъ такъ мало производителенъ, что за производства могутъ браться крестьяне, получающіе большую часть дохода отъ земледѣлія. Такъ въ лапотномъ промыслѣ производство трехъ человѣкъ не обезпечиваетъ существованія одного человѣка. („Трое работаютъ— одному на хлѣбъ"). Разумѣется, при такихъ условіяхъ за промыселъ могутъ браться только тѣ изъ крестьянъ, которые имѣютъ земледѣльческое хозяйство, для которыхъ промыселъ является подсобнымъ при полномъ отсутствіи другихъ заработковъ на мѣстѣ.

4) Наконецъ нѣкоторые капиталисты-предприниматели (главнымъ образомъ лѣсоторговцы), имѣя много земли и капитала, на ряду съ промышленными предпріятіями, дѣлаютъ большіе посѣвы, пользуясь наемнымъ трудомъ. Въ такихъ хозяйствахъ связь промысла съ земледѣліемъ чисто случайная и обусловливается стремленіемъ предпринимателей использовать наличный капиталъ и купленную или арендованную землю.

Какъ вліяетъ расширеніе рынка на кустарные промыслы можно судить, напр., по развитію въ Хвалынскомъ уѣздѣ шорнаго промысла, въ которомъ, случайно, рынокъ быстро расширился.

Въ Хвалынскомъ уѣздѣ въ наилучшемъ положеніи находятся кустари шорники. Шорный промыселъ въ Павловкѣ развился благодаря тому, что случайно однимъ кустаремъ былъ открытъ обширный рынокъ въ Области Войска Донского. Расширеніе рынка дало сильный толчекъ развитію промысла и шорники получаютъ наиболѣе высокій за-

работокъ среди другихъ кустарей Хвалынскаго уѣзда. Статистическое изслѣдованіе обнаружило, что размѣръ заработка кустарей-шорниковъ обратно пропорціоналенъ размѣрамъ ихъ посѣва. Шорники забрасываютъ свое земледѣльческое хозяйство, но отъ этого они ничего не теряютъ, потому что шорный промыселъ даетъ болѣе высокій заработокъ, чѣмъ земледѣліе. Шорники, имѣющіе посѣвъ, обыкновенно предпочитаютъ покупать хлѣбъ на корню или нанимаютъ обрабатывать свою землю другихъ крестьянъ.

Значительный заработокъ, даваемый шорнымъ промысломъ, повысилъ благосостояніе кустарей шорниковъ, но это выразилось не въ увеличеніи ихъ посѣва, а въ увеличеніи количества скота. Улучшеніе благосостоянія шорниковъ можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія:

въ 1885 году было 43 хоз. у нихъ 12 лош. 32 коровы.
въ 1904 „ „ 72 „ „ „ 28 „ 78 „

Но въ шорномъ промыслѣ требуются значительныя средства на покупку матеріала, а средствъ для этого большинство кустарей не имѣютъ. Поэтому около половины всѣхъ хозяйствъ шорниковъ заняты производствомъ на хозяина сдѣльно, теряя около $^1/_3$ своего заработка. Вслѣдствіе своей доходности промыселъ принялъ капиталистическій характеръ и наемный трудъ въ немъ примѣняется въ довольно широкихъ размѣрахъ.

Такое же вліяніе какъ шорный промыселъ на земледѣльческое хозяйство кустарей имѣетъ и сапожный промыселъ. Сапожный промыселъ наиболѣе развитъ въ селѣ Павловкѣ, гдѣ зарегистровано 149 хозяйствъ съ 838 душъ обоего пола и въ г. Хвалынскѣ.

Уже въ 1885 году хозяйства Павловскихъ сапожниковъ, составляя 19,7% всѣхъ хозяйствъ волости, имѣли только 7% посѣва и 8,7% лошадей. Въ настоящее время число сапожниковъ увеличилось, но размѣръ посѣва, число лошадей и коровъ у нихъ еще болѣе сократилось.

Это видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

Въ 1885 г. въ 130 хозяйств. сапожн. было посѣва 138 д., лошад. 53, кор. 140, сдавалось въ аренду 264 дес.

Въ 1904 г. въ 146 хозяйст. сапожн. было посѣва 98,9 д., лошад. 16, кор. 90, сдавалось въ аренду 375 дес.

При увеличеніи числа хозяйствъ сапожниковъ количество посѣва у нихъ сократилось почти на $^1/_3$, число лошадей сократилось на $^2/_3$, коровъ на $^1/_3$, а сдача земли въ аренду увеличилась.

Изслѣдованія кустарныхъ промысловъ въ другихъ районахъ Россіи даютъ такіе же выводы, какъ и изслѣдованія Саратовскаго земства.

Такимъ образомъ и фактическія данныя о положеніи кустарныхъ промысловъ въ прошломъ и настоящемъ и теоретическій анализъ приводятъ къ выводу, что развитіе промысловъ оторветъ ихъ отъ земледѣлія.

Связь съ земледѣліемъ въ большей части промысловъ служитъ признакомъ плохого состоянія земледѣльческаго хозяйства и малой доходности промысла.

Если бы даже кустарнымъ промысламъ не угрожалъ технической прогрессъ, который ведетъ ихъ къ капитализаціи, развитіе земледѣльческаго хозяйства и расширеніе внутренняго рынка оторветъ индустрію въ деревнѣ отъ земледѣлія и толкнетъ ее на путь капиталистическаго развитія.

Выше мы указали, что развитіе хозяйства отдѣлитъ крестьянина отъ рабочаго, вызоветъ и обострить противорѣчіе ихъ классовыхъ интересовъ. То же развитіе хозяйства отдѣлитъ кустарные промыслы отъ земледѣлія: и въ той и въ другой отрасли народнаго хозяйства будетъ два враждебныхъ другъ другу класса—пролетаріатъ и буржуазія. Чѣмъ выше развьются производительныя силы страны, тѣмъ острѣе выступятъ классовыя противорѣчія, тѣмъ скорѣе будетъ выпадать группа населенія, занимающая промежуточное положеніе.

Утописты, которые мечтаютъ уничтожить растущія классовыя противорѣчія такими курьезными мѣрами, какъ уравнительное землепользованіе или покровительство кустарнымъ промысламъ, должны прежде всего попытаться остановить хозяйственное развитіе страны; ибо развитіе хозяйства ведетъ къ развитію классовыхъ противорѣчій и разрушаетъ старый экономическій порядокъ, въ которомъ и хозяинъ и рабочій, земледѣлецъ и кустарь ютятся въ одномъ хозяйствѣ.

П. Масловъ.

Моменты контръ-революціи.

Русская контръ-революція является организованнымъ со стороны стараго режима, выступленіемъ всѣхъ темныхъ реакціонныхъ силъ противъ водворяющагося въ Россіи новаго строя политической жизни. Помимо оффиціальныхъ проявленій свирѣпаго разгула репрессій, когда провительство выступало съ поднятымъ забраломъ и отъ своего имени, имъ была инсценирована и, такъ сказать, часть неоффиціальная русской контръ-революціи, причемъ къ участію въ послѣдней были привлечены различные элементы русскаго общества.

18-го февраля, 1905 г., рядомъ съ рескриптомъ о привлеченіи выбранныхъ людей отъ зрѣлыхъ слоевъ населенія къ предварительной разработкѣ законодательныхъ предположеній, былъ изданъ манифестъ, призвавшій всю бюрократическую организацію, всѣ темныя силы страны, къ борьбѣ словомъ и дѣломъ съ „крамольниками“.

* * *

Какіе же слои населенія откликнулись на призывъ правительства къ борьбѣ съ революціей? Въ мутномъ потокѣ нашего контръ-революціоннаго движенія можно при самомъ бѣгломъ анализѣ различить три струи, три отдѣльныя группы элементовъ, принадлежащихъ къ различнымъ соціальнымъ слоямъ. Во первыхъ мы видимъ здѣсь группу элементовъ, непосредственно заинтересованныхъ въ сохраненіи стараго режима, во-вторыхъ элементы, участвующіе въ движеніи благодаря подкупу или давленію администраціи, и наконецъ въ-третьихъ элементы обманутые, элементы, не сознавшіе еще своихъ настоящихъ интересовъ, выступающіе подъ чужимъ

знаменемъ на защиту своихъ враговъ противъ своихъ друзей.

Къ первой группѣ относятся прежде всего крупные землевладѣльцы, составляющіе и у насъ, какъ и вездѣ, главное ядро реакціонной партіи. До сихъ поръ они являлись дѣйствительно командующимъ классомъ Россіи. Кажется, въ Суворинскомъ календарѣ были какъ-то приведены любопытныя статистическія данныя, относительно нашихъ высшихъ чиновниковъ, чиновъ пятаго класса и выше по табели о рангахъ. Въ громадномъ большинствѣ своемъ, это крупные землевладѣльцы съ количествомъ земли въ 5000 десятинъ и выше. Все высшее управленіе Россіи, захвачено ими въ свои руки. Всѣ эти крупные землевладѣльцы — ихъ превосходительства—министры, губернаторы, до сихъ поръ сгибавшіе Россію въ бараній рогъ и державшіе ее въ ежовыхъ рукавицахъ, въ настоящее время обезпокоены вдвойнѣ: во-первыхъ за монополію жирныхъ окладовъ, а во-вторыхъ за судьбу своихъ латифундій, въ случаѣ побѣды революціи. Поэтому неудивительно, что составленная еще весною 1905 года, записка 22-хъ предводителей дворянства полагаетъ, что „надлежитъ бороться“ со „сплоченною группою сторонниковъ западно-европейскихъ теорій контитуціоннаго образа правленія“. Неудивительно также, что во главѣ черносотеннаго движенія мы видимъ въ Курской, Тульской, Орловской, Московской и др. губерній, имена русскаго родовитаго дворянства, князя Щербатова, гр. Шереметева, кн. Касаткина-Ростовскаго, гр. Доррера, гр. Бобринскаго, Нарышкина. „По чьему зову мы здѣсь собрались?!“—вопрошалъ на митингѣ черносотенцевъ въ Курскѣ товарищъ предсѣдателя, мелкій подрядчикъ, мѣщанинъ Сушковъ, тотъ самый, который вмѣстѣ съ полиціей и хулиганами избивалъ учащихся 12 февраля и шелъ во главѣ черносотенцевъ и хулигановъ во время избіенія евреевъ и интеллигенціи 19-го октября, — „иниціатива принадлежитъ истинно русскимъ боярамъ съ губернскимъ предводителемъ дворянства во главѣ (гр. Доррером). „Депутація отъ этого собранія просила генерала Пантелѣева разрѣшить партіи порядка вооружаться и въ случаѣ надобности истреблять интеллигенцію, „безнаказанно стрѣляющуюся противъ русскихъ людей“.

Не трудно понять также, чѣмъ объясняются симпатіи нашего высшаго духовенства къ контръ-революціонному дви-

женію. Рядомъ съ естественнымъ у духовенства общимъ настроеніемъ, враждебнымъ всякимъ перемѣнамъ въ строеніи общества, тутъ несомнѣнно оказало свое вліяніе и то обстоятельство, что наше высшее духовенство вышло изъ монастырей, а монастырскія земли, рядомъ съ удѣльными и кабинетскими, въ первую очередь упоминаются, какъ подлежащія отчужденію въ пользу крестьянъ, во всѣхъ программахъ революціонныхъ и даже умѣренныхъ партій. Это, вѣроятно, въ значительной степени объясняетъ ту страстную ненависть, которую проповѣдуютъ противъ освободительнаго движенія всѣ эти „во Христѣ Бозѣ жандармствующіе“ іеромонахи Илліодоры, епископы Никоны, Трифоны, Гермогены, съ митрополитомъ Московскимъ Владиміромъ во главѣ. Не даромъ, рядомъ съ генеральскими лампасами, на послѣднемъ Всероссійскомъ съѣздѣ русскихъ людей въ Москвѣ можно было видѣть столько монашескихъ клобуковъ.

Въ эту же группу матеріально заинтересованныхъ въ сохраненіи стараго строя нужно отнести также немногочисленныхъ, но сильныхъ по своему вліянію журналистовъ, газетчиковъ, продавшихъ свои перья, вродѣ Грингмута, за субсидіи въ видѣ платы за печатаніе казенныхъ объявленій, затѣмъ профессоровъ, проложившихъ себѣ дорогу къ кафедрѣ не черезъ лабораторію и библіотеку, а чрезъ переднюю министра или какой-нибудь вліятельной особы, всѣхъ этихъ Никольскихъ и Вязигиныхъ, основателей студенческихъ „свобододѣйствующихъ“ кружковъ; ренегатовъ, вродѣ Льва Тихомірова e tutti quanti.

Переходя затѣмъ ко второй группѣ, мы прежде всего должны конечно упомянуть о лумпенъ-пролетаріатѣ, который и въ Западной Европѣ и въ Америкѣ всегда представляетъ готовый „боевой матеріалъ“, продающій первому встрѣчному свои кулаки. Это хулиганы и коты, отбросы цивилизаціи, продававшіеся напр. для монархическихъ демонстраціи во Франціи за 1 франкъ, если демонстрація предполагалась мирная и за 3 франка, если имѣлось въ виду столкновеніе съ полиціей. Это та же публика, которая вытворяла неистовства подъ кличкою „націоналистовъ“ во время Дрейфусіады или, какъ въ Англіи, набрасывалась на пробуровъ. У насъ все это совершалось въ гораздо болѣе дикомъ видѣ и за меньшую плату. Во Псковѣ избивать дѣтей рядились по 50 копѣекъ.

Но кромѣ того, тутъ, какъ справедливо замѣтилъ Елпатьевскій, надо имѣть въ виду также цѣлыя категоріи профессій, которыя всецѣло зависятъ отъ участка. „Мелкій лавочникъ, трактирщикъ, подрядчикъ и проч. и проч., могутъ жить только съ разрѣшенія участка и во всякую минуту дня и ночи протоколомъ, актомъ о несвѣжей провизіи, о несоблюденіи обязательныхъ постановленій и санитарныхъ требованій, о скандалѣ въ гостинницѣ, о тухлой солонинѣ можно прекратить эту жизнь и остановить дѣло... Есть профессіи, покоящіяся цѣликомъ не на писанномъ законѣ, а на обычномъ правѣ полицейскаго участка: негласные дома терпимости, негласные игорные дома, притонодержатели, конокрады, пріемщики краденнаго, воры и мошенники находятся уже въ полной власти полиціи, отъ которой зависитъ цѣликомъ ихъ вопросъ: быть иль не быть“.

Подобные элементы, когда имъ скажутъ: бей! — пойдутъ бить не менѣе послушно, чѣмъ какіе нибудь городовые или пожарные. „Мы люди подневольные, на такое дѣло никто по доброй волѣ не пойдетъ“, какъ говорилъ пожарный староста, принимавшій участіе въ избіеніи дѣтей во Псковѣ. (Право, 1905, 14).

Третья, самая обширная, группа элементовъ, выступающихъ на защиту стараго режима, это группа сторонниковъ самодержавія по недоразумѣнію. Здѣсь намъ прежде всего приходится имѣть дѣло съ психологіей старой крестьянской Россіи и въ частности со старой мужицкой наивною вѣрой въ „мужицкаго“ царя, который только благодаря противодѣйствію ненавистныхъ баръ не осчастливилъ мужика землею и всякими другими благами земными. На почвѣ натуральнаго хозяйства изолированному крестьянскому міру приходилось выносить на себѣ двойной гнетъ эксплоатаціи со стороны помѣщика и полицейскаго государства и, отрѣзанный отъ всего міра двойною стѣною безграмотности и отсутствія путей сообщенія, онъ былъ предоставленъ самому себѣ въ попыткахъ безнадежной борьбы противъ помѣщицко-полицейскаго государства. Не видя ни откуда помощи, что-бы какъ нибудь вынести свое существованіе и не впасть въ отчаяніе, мужикъ начиналъ грезить о томъ, что есть все-таки кто-то сильный и справедливый, кто видитъ его страданія и въ концѣ-концовъ поможетъ ему. Такимъ образомъ, какъ

на болотѣ цвѣтокъ, выростала въ душѣ его дѣтски-наивная вѣра въ царя—крестьянскаго защитника, выростала съ такою же необходимостью, съ какою при другихъ обстоятельствахъ возникала въ душѣ страдающаго человѣчества вѣра въ боговъ-защитниковъ и утѣшителей въ несчастіи. Эту вѣру широко эксплоатировали наши реакціонеры, такъ какъ благодаря этой мужицкой вѣрѣ укрѣпилось, между прочимъ, враждебное отношеніе крестьянской среды къ борющейся противъ царскаго самодержавія интеллигенціи. Для мужика интеллигентъ—это тотъ же баринъ и всѣмъ памятно, какіе глубокіе корни пустила въ крестьянской средѣ распространявшаяся реакціонерами легенда относительно смерти Александра Второго, что это-молъ его паны убили за то, что онъ крестьянъ отъ крѣпостного права освободилъ.

Въ этомъ же кругѣ идей двигалась скованная невѣжествомъ народная мысль во время холерныхъ бунтовъ, когда она пыталась объяснить себѣ холеру дѣйствіями медицинскаго персонала. По Волгѣ и на Дону циркулировалась такая легенда въ подтвержденіе этой мысли: „Это паны увидѣли, что крестьянъ много расплодилось и что тѣсно крестьянамъ на землѣ; видятъ это и боятся, что царь опять у нихъ землю отберетъ и отдастъ крестьянамъ. Ну они и рѣшили моръ пустить по землѣ, чтобы крестьяне перемерли, тогда, думаютъ, царю не нужно будетъ у нихъ землю отбирать, потому что опять просторно на землѣ станетъ“.

При быстромъ ростѣ русскихъ городовъ, въ нихъ ежегодно вливаются новыя волны пришлаго изъ деревни населенія. Это населеніе долго еще и въ городѣ сохраняетъ свои старые деревенскіе взгляды, еще дольше свои настроенія, свое враждебное отношеніе къ интеллигенціи и свою старую мужицкую вѣру въ царя. Особенною косностью въ этомъ отношеніи отличаются слои выдѣляющіеся въ мелкую буржуазію, лавочники, мастера—ремесленники, трактирщики и т. п. Поэтому они представляютъ благодарный матеріалъ для реакціонной партіи. Впрочемъ къ этому по традиціи сохраненному реакціонному настроенію у нихъ присоединяется еще ненависть ко всему новому, естественная у мелкаго буржуа, и вызванная тѣмъ, что благодаря конкуренціи крупной промышленности и новой торговли разрушаются самыя условія его существованія какъ мелкаго буржуа. Этою своею

стороною мелкая буржуазія сближается съ элементами отнесенными нами къ первой группѣ, группѣ дѣйствительно заинтересованной въ сохраненіи стараго режима. Съ другой стороны, она до нѣкоторой степени заинтересована также въ развитіи демократіи и постольку она является защитницею стараго режима по недоразумѣнію. Во всякомъ случаѣ при томъ низкомъ уровнѣ развитія, на которомъ она находится у насъ, она охотно откликается на призывъ: „бей студентовъ, бей интеллигенцію!“ и въ особенности на призывъ: „бей жидовъ!“, потому что въ этомъ случаѣ она надѣется заодно убить и конкуренцію. Въ описаніяхъ черныхъ сотенъ, рядомъ съ босяками и переодѣтыми городовыми и пожарными всегда фигурировали и „охотнорядцы, лабазники и разнаго рода лавочники“, и всѣ эти Цицыны и Шершневы орудовали не за три гривенника и не потому, что ихъ заставила полиція.

Не за три гривенника шли также въ черную сотню и рабочіе изъ отсталаго слоя пролетаріата и полупролетаріи, также сохранившіе старую мужицкую вѣру въ царя и мужицкое враждебное чувство къ барину-интеллигенту. Правильно говоритъ Плехановъ: „кто знаетъ какъ живетъ эта бѣднота, тотъ понимаетъ сколько обиды и раздраженія должно было накопиться у него на душѣ. Въ этой обидѣ и въ этомъ раздраженіи и надо искать разгадки многихъ кровавыхъ подвиговъ нашей кровавой сотни. Когда эти люди бьютъ „студента“ или „забастовщика“, то думаютъ при этомъ, что они прямо или косвенно мстятъ своимъ угнетателямъ... Будучи освѣщена свѣтомъ сознанія эта горькая, многовѣковая обида, сама станетъ богатѣйшимъ источникомъ свободолюбія“. Въ Иваново-Вознесенскѣ, который, лѣтъ десять тому назадъ, вообще поразилъ меня низкимъ уровнемъ культуры своихъ рабочихъ, мнѣ случалось слышать, что тамъ происходятъ иногда такія вещи: идетъ рабочій, встрѣчаетъ человѣка, одѣтаго въ европейскій костюмъ, и ни съ того ни съ сего бьетъ его по уху. „Жестокіе у насъ, сударь, нравы“,— говорилъ разскащикъ. Потомъ мнѣ пришлось услышать отъ шлиссельбуржца Мартынова, когда я ему разсказывалъ объ этомъ, что онъ самъ въ юности былъ такимъ: идешь съ работы, злой, сердитый, и ни за что ни про что ударишь человѣка. Потомъ онъ встрѣтился съ народовольцами, тѣ разъяснили ему его обиду и онъ вступилъ въ ихъ партію.

Сохранившаяся въ рабочей средѣ крестьянская психологія дала, между прочимъ, богатую почву для развитія Зубатовщины. Крушеніе послѣдней можетъ служить показателемъ быстраго разрушенія подъ вліяніемъ городской жизни традиціонныхъ взглядовъ въ рабочей средѣ. Въ черносотенное движеніе зубатовщина кинула только немногочисленные элементы рабочаго класса, которые она успѣла развратить и превратить въ шпіоновъ.

Мы говорили о разрушеніи традиціонныхъ взглядовъ въ средѣ городского рабочаго населенія. Но то же самое происходитъ въ настоящее время и въ крестьянской средѣ. Больше всего конечно сдѣлало въ этомъ смыслѣ развитіе капитализма съ его желѣзными дорогами, перебрасывающими милліоны сельскаго населенія изъ одного конца Россіи въ другой, съ его земскими школами и т. д.

Но не мало поработали надъ уничтоженіемъ въ крестьянской душѣ старой наивной вѣры въ „мужицкаго“ царя и чиновники самодержавнаго режима и разные генералъ-адъютанты съ пулеметами и казаками, дававшіе крестьянину наглядные уроки господственнаго права. Выступивъ на пути самодѣятельности, крестьянинъ отказался отъ надежды, что ему поможетъ кто-то далекій, сильный и справедливый. Отказавшись отъ пассивной покорности, онъ отказывается также и отъ соотвѣтствующей ей психологіи. У него исчезаютъ старыя иллюзіи и грезы, для дѣятельности нужна мысль, онъ начинаетъ разсуждать. Такъ подъ налетѣвшимъ порывомъ бури исчезаютъ миражи, возможные только при сонномъ спокойствіи различныхъ слоевъ воздуха.

Значеніе этой перемѣны громадно. Она обозначаетъ, что закрывается и быстро изсякаетъ тотъ, казалось бы, неисчерпаемый резервуаръ поколѣніями накопленной политической и всякой другой темноты, откуда выходили сторонники реакціи не за страхъ, а за совѣсть. Эта перемѣна означаетъ что крестьянство начинаетъ сознавать свои дѣйствительные интересы, начинаетъ требовать удовлетворенія своихъ реальныхъ нуждъ, что его, какъ соловья, баснями не накормишь и на мякинѣ не проведешь, что и было доказано, между прочимъ, на выборахъ недавнимъ проваломъ монархической партіи, которая въ своей избирательной программѣ имѣла для крестьянъ только басни и мякину. Таковы тѣ обще-

ственные элементы, на которые могла опереться наша реакція. Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на то, что и какъ было сдѣлано и чего она достигла.

* * *

Еще до манифеста 18-го февраля, призывавшаго „благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній.... соединиться въ искорененіи въ землѣ нашей крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней", сейчасъ же послѣ 9-го января въ газетахъ контръ-революціоннаго лагеря начали появляться воззванія къ организаціи „черной сотни".

Въ это же время кое-гдѣ при содѣйствіи полиціи начались активныя выступленія „черныхъ сотенъ". „Въ Казани 6-го февраля какая-то банда лабазниковъ занялась на улицахъ города ловлею по одиночкѣ и избиваніемъ студентовъ". Такіе же случаи были и въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ др. городахъ. Многіе изъ московскихъ видныхъ общественныхъ дѣятелей получаютъ подметныя письма съ угрозой, что ихъ проучатъ за ихъ „непатріотическій" образъ мыслей что 19-го февраля имъ вобьютъ „патріотизмъ". Въ какомъ-нибудь далекомъ захолустьи, въ селѣ Лопатинѣ Саратовской губерніи организуется „дружина-борьбы съ крамолою". Организаторами являются священникъ, приставъ и начальникъ пожарной дружины. Въ февралѣ и мартѣ открывается цѣлая серія массовыхъ избіеній учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, примыкавшихъ къ университетскимъ забастовкамъ. Такія избіенія производились въ Курскѣ, въ Вологдѣ, Псковѣ, Рязани, Баку и др. городахъ. Для примѣра приведемъ, какъ происходило дѣло во Псковѣ. Тамъ „полиція ходила по Обжорному ряду и набирала кучку охотниковъ бить гимназистовъ". „Началось съ аттаки псковскихъ извозчиковъ, воскресившихъ классическія времена,— нѣчто вродѣ слоновъ Ганнибала. За ними слѣдовали регулярные ряды легковооруженныхъ пожарныхъ полушубковъ, всѣ съ одинаковыми бѣлыми дубинками. Каждымъ отрядомъ командовалъ городовой, шедшій впереди толпы. Все происходило по камандѣ: извозчикамъ былъ данъ сигналъ свисткомъ городового, мчавшагося на первой пролеткѣ; дубины пущены въ ходъ по командѣ: наше мужичье, сюда; бей ихъ мерзавцевъ!" Послѣ побѣдоноснаго дня бойцы расположи-

лись бивуакомъ у главнаго штаба, зданія полиціи, и здѣсь, дружески раскуривая папиросы съ полицейскими приставами перебирали недавніе подвиги. Потомъ войска были распущены по домамъ милостивымъ разрѣшеніемъ одного изъ приставовъ: „Ступайте, ребята: вы намъ больше не нужны“. „Нѣкоторые изъ бойцовъ высказывали потомъ свое недовольство полиціей за недобросовѣстную расплату: ладили по 50 коп., а дали по 30.“ (Право, №№ 13, 14, 1905).

Приблизительно съ этого же времени начинаютъ распространяться въ различныхъ городахъ черносотенныя воззванія. Это своего рода нелегальная литература. Печатаются эти воззванія, часто безъ обозначенія типографіи, потому что казенныя типографіи остерегаются обнаружить прикосновенность администраціи къ этому движенію якобы народныхъ массъ, на защиту дорогихъ имъ устоевъ, а частныя опасаются подвергнуться бойкоту. На пробу приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ этихъ первыхъ прокламацій. Въ Одессѣ „Общество націоналистовъ“, „достигшее теперь до 297,365 членовъ“, заявляетъ, что оно „въ данную минуту слѣдитъ за жидами и др. націями“ и грозитъ: „берегитесь, друзья жидовъ!“

Упомянемъ еще воззваніе „союза русскихъ людей“ объединившихся около звенигородскаго уѣзднаго предводителя дворянства, графа П. С. Шереметева, затѣмъ „листки“, ходившіе по рукамъ въ Вольскѣ, съ призывомъ „бей студентовъ“, и присланное въ Тверь изъ Петербурга воззваніе „народнаго союза“, приглашающее „разнести въ клочья интеллигенцію. „Довольно терпѣть эту интеллигентную шваль. Соединимся же въ кружки, составимъ списки всѣмъ крамольникамъ и бунтовщикамъ, въ городахъ и селахъ, и будемъ бить ихъ, кому какъ и чѣмъ удобнѣе, ночью, изъ-за угла, черезъ окна. Противъ негодяевъ всѣ средства хороши“. Въ то же время „русскіе люди“ обращаются съ воззваніемъ къ воинамъ“ противъ „тайныхъ союзниковъ враждебныхъ намъ японцевъ“ внутри Россіи.

Около этого же времени начинаютъ складываться одна за другою группы правой. Учрежденное лѣтъ пять тому назадъ въ Петербургѣ Русское собраніе влачило все это время жалкое существованіе. За это время оно успѣло основать всего лишь 4—5 областныхъ отдѣленій, „далеко не

многолюдныхъ", по признанію самихъ „Московскихъ Вѣдомостей". Теперь же, начиная съ весны 1905 года, все лѣто идетъ въ провинціи работа созиданія различныхъ „патріотическихъ" союзовъ. Назовемъ нѣкоторыя изъ первыхъ возникшихъ организацій. Приблизительно въ апрѣлѣ основана была „Бессарабская патріотическая лига". Цѣлью ея было между прочимъ: в) „возбужденіе въ массѣ враждебнаго отношенія къ агитаціонной дѣятельности членовъ революціонныхъ партій...; г) сообщеніе полиціи о замѣченной преступной дѣятельности членовъ революціонныхъ партій и содѣйствіе къ обнаруженію государственныхъ преступленій. "Одинъ изъ параграфовъ устава лиги гласитъ: (§ 10) „каждый изъ членовъ общества обязанъ по чистой совѣсти хранить полную тайну всего относящагося до дѣлъ лиги..." Какъ видитъ читатель, лига представляетъ, собственно говоря, отдѣлъ охраннаго отдѣленія. Не такъ откровенны заявленія другихъ возникшихъ около того же времени организацій. Образовавшееся въ Москвѣ „Соединеніе единомышленныхъ людей всѣхъ сословій" имѣетъ въ виду „слѣдующія точки отправленія: 1. Россія и самодержавіе нераздѣлимы. 3. Противодѣйствіе всѣми законными средствами теченіямъ, стремящимся навязать Россіи чуждыя ей формы правленія". „Приблизительно подобнаго же типа московская партія назвала себя, по словамъ „Вечерней почты", „Политическимъ братствомъ". Въ составъ учредителей этой партіи входятъ крупные чиновники и знаменемъ выставлена непримиримая борьба съ освободительнымъ движеніемъ". „Прогрессивно-націоналистическая партія", со А. Шмаковымъ, Н. Найденовымъ, Герье, Н. Хомяковымъ во главѣ; клубъ союза монархистовъ со Стишинскимъ, Штюрмеромъ, Зиновьевымъ, Гурко и дворянином Павловымъ, націоналистическіе кружки въ Петербургѣ, состоящіе преимущественно изъ педагоговъ, упомянутый уже нами Шереметевскій союзъ и многіе другіе, всѣ отличаются прежде всего готовностью бороться за самодержавіе. Съ тою же цѣлью возникла въ мартѣ 1905 монархическая партія, одновременно организовавшаяся въ различныхъ городахъ и селахъ Россійской имперіи съ центромъ въ Москвѣ и съ центральнымъ органомъ „Моск. Вѣд.". Партія отстаиваетъ „самодержавную власть въ томъ неприкосновенномъ ея видѣ, въ какомъ Государь получилъ ее отъ

своихъ предковъ"... „сохраненіе въ русскомъ народѣ всѣхъ сословій", „будетъ стараться освободить крестьянское и рабочее сословіе отъ той лжи, которою его опутываютъ соціалисты": Въ апрѣлѣ 1905 года, былъ основанъ графомъ А. А. Бобринскимъ „Отечественный союзъ", агитировавшій за продолженіе войны и проповѣдовавшій „необходимость суроваго со. стороны общества отношенія къ революціонному движенію".

Дѣятельною пропагандою въ населенія злопылательныхъ чувствъ къ освободительному движенію занимался еще цѣлый рядъ организацій, вродѣ „Союза Землевладѣльцевъ", „Совѣта Русскаго Собранія", Кружка Москвичей, Сусанинскаго кружка, Общества Хоругвеносцевъ, „Союза старообрядцевъ" и многихъ другихъ.

Всѣ они малосильны, иногда это одна и таже кучка людей, фигурирующая подъ разными кличками и страшно преувеличивающая число своихъ членовъ, вродѣ, напримѣръ „Общества Хоругвеносцевъ" („200,000 членовъ!"). Въ случаѣ съ „Союзомъ Старообрядцевъ", напр., обнаружилось, что этотъ „Союзъ", которымъ такъ стращали „Московскія Вѣдомости", въ дѣйствительности „оказался состоящимъ чуть ли не изъ двухъ лицъ, нѣкіихъ братьевъ Леонтьевыхъ, вращавшихся въ придворныхъ сферахъ и абсолютно чуждыхъ массѣ старообрядческаго населенія". (Голосъ жизни).

Съ особенною быстротою идетъ возникновеніе разнаго рода патріотическихъ союзовъ осенью 1905 года. Въ ноябрѣ прошлаго года въ Москвѣ возникъ и объединяющій центръ— „Всенародный Русскій Союзъ". Но и до этого обнаружилось единство дѣйствій всѣхъ этихъ организацій, потому что всѣ они строились по одному плану.

Во всякомъ случаѣ, эта спѣшная мобилизація реакціонныхъ силъ не была закончена къ рѣшительному моменту и когда, въ недѣлю отъ 18 до 24 октября по всей Россіи организованы были черносотенные погромы, правительству въ большинствѣ случаевъ пришлось дѣйствовать на чистоту, своими, полицейскими, средствами, не опираясь на представляющіе народныя массы патріотическіе союзы. Пришлось не только проявить попустительство, но даже прибѣгнуть къ участію войскъ и полиціи. Среди случайно раненыхъ патріотовъ были обнаружены переодѣтые городовые Пове-

деніе губернаторовъ во многихъ случаяхъ свидѣтельствуетъ объ ихъ близости къ черносотенной организаціи. Достаточно назвать имена Слѣпцова, Нейдгарта, Азанчевскаго...

Не останавливаясь на экстраординарныхъ звѣрствахъ вродѣ одесскихъ, гдѣ черная сотня рвала на части дѣтей, и было 1100 убитыхъ и 3000 раненыхъ, или вродѣ тверскихъ и Томскихъ гекатомбъ, приведемъ двѣ типичныя картинки „19 октября въ Курскѣ черныя сотни были приглашены на молебенъ въ присутствіи губернатора. По окончаніи молебна началась патріотическая манифестація съ хоромъ военной музыки, съ портретомъ царя и національными флагами подъ эскортомъ казаковъ. Манифестація безпрепятственно громила окна обывательскихъ квартиръ, дѣлая въ промежутки между погромами овація губернатору Гордѣеву, жандармскому полковнику и начальнику гарнизона... Всю ночь съ 19 на 20 шелъ погромъ еврейскихъ жилищъ и расхищеніе имущества, которое при помощи казаковъ и городовыхъ укладывалось на подводы и увозилось въ пригородныя слободы. Городовые указывали квартиры, подлежащія разгрому“ (Бѣлоконскій, Образ. 1906, I). Въ Калугѣ „было молебствіе... потомъ процессія: впереди портретъ государя, за нимъ губернаторъ Офросимовъ съ чиновниками, а потомъ погромъ-грабежъ и убійства“ (Елпатьевскій).

Вся эта компанія была шита такими бѣлыми нитками, что эффектъ этого громаднаго преступленія, обошедшагося Россіи, по вычисленію Ларскаго (Міръ Божій 1905, ноябрь), за одну недѣлю не меньше, чѣмъ въ 3000 убитыми и не меньше 10000 тяжело ранеными, получился совершенно обратный тому, на который правительство разсчитывало. По выраженію В. Бернштама „Загадочный народный гнѣвъ оказался нехитрою махинаціею. Вмѣсто того, чтобы увидѣть, какъ реагируетъ народъ, русское общество увидѣло, какъ реагируетъ участокъ, и притомъ не по собственной иниціативѣ, а по командѣ изъ Питера. Занавѣсъ надъ этимъ преступленіемъ подымаетъ письмо горнопромышленника Львова. Мы знаемъ изъ этого письма, что змѣиное гнѣздо, откуда расползлись гады по всей Россіи, находилось на квартирѣ у лубочнаго генерала Е. Богдановича, съ благословенія митрополита Владиміра, основавшаго „въ Москвѣ, Курскѣ, Тамбовѣ, Твери, Одессѣ, Ростовѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Томскѣ и др.

городахъ „боевыя дружины“ правительственныхъ патріотовъ, что эти дружины объединяютъ 6090 человѣкъ, что остальную силу обѣщали доставить изъ участковъ Клейгельсъ, Нейдгарты (оба), Медемъ, Дедюлинъ, Богдановичъ-сынъ, Слѣпцовъ, Столыпинъ, Азанчевскій, Пилларъ-фонъ-Пильхау, Курловъ, Лопухинъ, Роговичъ, Ширинкинъ и др. въ числѣ 103 администраторовъ“. Какъ извѣстно изъ того-же разоблаченія Львова, самъ организаторъ этой контръ-революціонной компаніи, генералъ Богдановичъ хвасталъ передъ своимъ монархомъ, что онъ располагаетъ цѣлой сотней тысячъ „боевыхъ дружинниковъ“, но г. Витте, показалъ, что бравый генералъ „увлекался“ и самъ указалъ вышеприведенную цифру.

Дальнѣйшія разоблаченія на этотъ счетъ опубликованы на дняхъ „Рѣчью“ (въ № отъ 26 апрѣля т. г.), которая напечатала рядъ шифрованныхъ документовъ, присланныхъ въ департаментъ полиціи по поводу октябрьскихъ погромовъ и раскрывающихъ съ безусловной достовѣрностью картину правительственнаго натравливанія на погромы и созданія всѣхъ актовъ контръ-революціи.

Послѣ этого грандіознаго выступленія „черносотенной партіи“ ея боевыя силы быстро пошли на убыль. Въ Москвѣ назначенная на 6-е декабря послѣ молебствія на Красной площади контръ-революціонная демонстрація, обманула надежды своихъ организаторовъ. Участіе въ ней приняли нѣсколько сотенъ человѣкъ, вмѣсто ожидавшихся десятковъ тысячъ. Боевого настроенія не было. Былъ страхъ передъ боевыми дружинами революціонеровъ. Къ этому времени обнаружилось революціонное броженіе среди такихъ элементовъ, которые прежде были самыми надежными черносотенцами. Въ этомъ смыслѣ большое вліяніе оказало профессіональное движеніе. Затягивались въ союзъ охотнорядскіе мясники, которые еще въ октябрѣ собирались ножами подкалывать студентовъ, собирались основать свой союзъ дворники, перекинулась изъ Питера идея профессіональнаго союза и въ среду извозщиковъ. Чувствуется, что черныя сотни сыграли свою роль, что народа на борьбу съ революціей не подымешь и что единственнымъ рессурсомъ правительства въ этой борьбѣ остаются войска. Правда въ послѣднее время возникъ еще „союзъ активной борьбы съ революціей“, ко-

торый вмѣстѣ съ „Совѣтомъ Союза истинно русскихъ людей“ нанимали „молодцовъ“, наводившихъ ужасъ на окраины Петербурга, и расправлявшихся съ намѣченными членами рабочихъ организацій, или почему либо невзлюбившимися начальству лицами. Но черносотенцы этого типа—это люди на жалованьи, это тѣ же агенты охраннаго отдѣленія, и съ ними, какъ показалъ опытъ, далеко не уѣдешь. Наконецъ самою послѣднею фазою черносотеннаго движенія является черная сотня въ тюрьмѣ. „11-го апрѣля въ Курской тюрьмѣ, группа уголовныхъ арестантовъ, арганизовавшихся на почвѣ черносотенной агитаціи внутри тюрьмы, избила и изранила ножами одинадцать человѣкъ крестьянъ, заключенныхъ въ тюрьму за аграрные безпорядки“.

Съ какимъ искусствомъ и знаніемъ психологіи и традицій тюремной „уголовщины“ натравливаютъ новоявленныхъ черносотенцевъ, можно видѣть изъ текста „прокламаціи объ избіеніи политическихъ“, въ которой встрѣчаются напр. такіе пассажи:

„Товарищи! Долой политику! Возьмите оружіе, соединяйтесь въ свою новую анархическую партію, которая будетъ сильнѣе циклопическаго урагана. Мы будемъ уничтожать провокаторовъ, правительство, а тѣмъ болѣе уничтожайте всюду и вездѣ политическій міръ. Знайте одно, товарищи,—довольно переносить всѣ обиды и смертные приговоры... Долой политику! Да здравствуетъ наша партія анархистовъ! Смерть нашимъ врагамъ, мы будетъ жестоко мстить нашимъ врагамъ и уничтожать тѣхъ, кто уничтожаетъ нашу жизнь...

Товарищи! Стойте до единаго, будемъ готовы къ своей смерти... И ничто насъ не можетъ страшить, ни политическая смерть, и ни правительственный эшафотъ“.

Однако же, какъ ни ловко разсчитанъ этотъ новый шахматный ходъ нашей администраціи, черносотенное движеніе даже и въ тюрьмахъ не можетъ пустить прочныхъ корней. Дѣло въ томъ, что здѣсь, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, спекуляція идетъ на темноту натравливаемой массы. Интересы же уголовныхъ арестантовъ нисколько не связаны съ существованіемъ стараго полицейскаго бюрократизма, который они по своему ненавидятъ всѣми силами своей души.

Съ этимъ обстоятельствомъ пришлось, какъ можно видѣть, считаться и автору вышеприведенной прокламаціи.

Во всякомъ случаѣ и здѣсь вопросъ стоитъ въ выясненіи дѣйствительныхъ интересовъ, а что это дѣло не безнадежное, знаетъ всякій, кому приходилось имѣть дѣло съ тюремною „шпаной“, которая въ общемъ отличается сравнительно не очень низкимъ умственнымъ уровнемъ.

Вообще наши монархисты обречены на ту же участь, какая постигла ихъ собратій во Франціи. Для того, чтобы показать, что народныя массы за нихъ, имъ прійдется на деньги покупать каждаго участника монархической демонстраціи.

Они обречены на эту участь потому, что русскій обыватель превращается въ гражданина и начинаетъ понимать, что Назаревскій борется за свой постъ предсѣдателя цензурнаго комитета, Бергъ за свою субсидію, Грингмутъ за казенныя объявленія, Никольскій за свою карьеру, а Иловайскій за сбытъ своихъ учебниковъ.

Они обречены на эту участь, потому что всѣмъ уже до тошноты надоѣли всѣ три пѣсни ихъ шарманки, потому что утратили свою вербующую силу ихъ лозунги, потому что революція вытряхнула наружу, на показъ всѣ реальные интересы и имъ самимъ приходится восклицать: „намъ не надо такихъ монархистовъ, которые за свой монархизмъ требуютъ себѣ въ награду чужой земли!“

Еще недавно они питали надежды создать крупную политическую партію, привлечь къ себѣ народныя массы. Они даже пытались дѣлать нѣкоторые уступки духу времени, конечно только кажущіяся. Видя, что вся Россія недовольна старымъ строемъ, и что заявленіе, что мы молъ довольны, отпугнуло бы отъ нихъ даже совсѣмъ недалекихъ простаковъ, они заявили, что они также недовольны старой Россіей. Это своего рода приспособленіе, такъ сказать, соціальное mimicry. Если судить по недавно выпущенной ими программѣ монархической партіи, они недовольны очень многимъ. Они недовольны судомъ, такъ какъ онъ у насъ былъ милостивый, а онъ долженъ быть скорымъ и грознымъ. Они недовольны положеніемъ церкви и хотятъ обезпечить ей посподствующее положеніе и руководящее вліяніе на жизнь государства и общества. Они недовольны финансовой системой,— Шараповъ хочетъ создать совершенно оригинальное русское денежное бумажное обращеніе, а Щербатовъ предлагаетъ

свою особую систему русскаго народнаго денежнаго обращенія (тоже бумажнаго) и въ этомъ у нихъ есть аналогія съ австрійскими антисемитами, которые тоже выработали свой проектъ народныхъ денегъ.

Они недовольны и государственнымъ бюджетомъ, самою „основою его, покоющегося на питейномъ налогѣ", недовольны и тратою „милліоновъ рублей на рискованныя предпріятія на Дальнемъ Востокѣ", недовольны и всею политикой, приведшей „къ тяжелой войнѣ, которая завершилась уничтоженіемъ этихъ полурусскихъ предпріятій". Словомъ, недовольства много, хоть отбавляй, одна бѣда, что никто не вѣритъ этому недовольству. Потому что не забыто еще, что именно въ „союзѣ русскихъ людей", возникшемъ подъ эгидою Плеве, и состояли членами звѣздоносные высокопоставленные авантюристы, втянувшіе Россію въ эту войну и что вершители этой политики, которой будто-бы недовольна партія, и сейчасъ числятся въ спискахъ монархической партіи.

На недавно происходившемъ (6—12 апрѣля) въ Москвѣ „Всероссійскомъ съѣздѣ русскихъ людей" Борисъ Никольскій пытался объяснить полный провалъ монархической партіи на выборахъ въ думу, тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство выбрало самый неудачный моментъ для созыва думы и для назначенія выборовъ. „Вообще никакія представительныя учрежденія не могутъ принести ничего кромѣ вреда, потому что всякая конституція приведетъ къ раздѣлу Россіи и къ торжеству инородцевъ. Мы исполнили волю государя признавъ ее новымъ испытаніемъ. Но вѣдь нужно было выбрать моментъ. Годъ тому назадъ я соглашался, скрѣпя сердце на земскій соборъ, но я говорилъ: Подождите, дайте правительству хоть какой-нибудь активъ, хоть какую-нибудь побѣду. Въ настоящее время недовольны всѣ классы населенія: недовольны рабочіе, недовольны крестьяне, недовольно купечество, недовольны дворяне, недовольны всѣ мы здѣсь собравшіеся. И наше правительство рѣшаетъ въ такой моментъ назначить выборы въ государственную думу. Это все равно, какъ если бы въ какомъ-нибудь банкѣ въ моментъ, когда растраченъ запасный капиталъ, растраченъ основной, растраченъ облигаціонный капиталъ, касса раскрадена и директора проигрались въ рулетку,—если бы правленіе банка нашло бы какъ разъ этотъ моментъ самымъ подходящимъ

для того, чтобы назначить общее собраніе акціонеровъ (аплодисменты и крики: браво!). При томъ состояніи общаго недовольства, въ которомъ находилась Россія, было несомнѣнно, что побѣду на выборахъ одержитъ та партія. которая наиболѣе рѣзко заявитъ свое недовольство. Если бы приняли участіе въ выборахъ соціалдемократы и соціалисты революціонеры, дума была бы соціалдемократическая и соціалъ-революціонная, если бы приняли участіе въ выборахъ анархисты, она была бы анархическая. Какъ только соціалдемократы и соціалисты-революціонеры отказались отъ участія въ выборахъ, было ясно, что думу займутъ слѣдующіе за ними съ лѣваго фланга, по количеству недовольства, кадеты".

Во всемъ этомъ есть много правды. Остается только невыясненнымъ, отчего на заявленную, какъ мы видѣли, немалую сумму недовольства, монархическая партія могла собрать небольше 5% поданныхъ голосовъ. Стоитъ только бросить взглядъ на то, какъ рѣшаетъ партія такіе кординальной важности вопросы, какъ напр. аграрный, чтобы это сразу стало ясно. Они попросту отрицаютъ его существованіе. На Всероссійскомъ съѣздѣ г. Пеликановъ вѣщалъ: „Государственность опирается на собственность, революціонеры понимаютъ это и говорятъ: доколѣ мы не уничтожимъ частной собственности, до тѣхъ поръ мы не побѣдимъ государственности. Въ Россіи вопросъ берутъ за рога. При нашемъ громадномъ количествѣ земли, у насъ и рѣчи не можетъ быть объ аграрномъ вопросѣ. У насъ онъ искусственно вызванъ, у насъ онъ изъ пальца высосанъ. Это не болѣе какъ способъ дѣлать революцію. Господа, право собственности есть та святыня безъ которой государство жить не можетъ. Господа, на нашемъ знамени написаны три святыни православіе, самодержавіе, народность, я предлагаю къ этой формулѣ прибавить еще четвертый членъ: неприкосновенность частной собственности". Бурные аплодисменты вѣнчали эту рѣчь.

Немудрено, что даже самые наивные члены партіи изъ крестьянъ смекаютъ, въ какую компанію они попали, и для самихъ монархистовъ становится ясно, что дѣло съ привлеченіемъ массъ совершенно безнадежно.

И подобно монархистамъ во Франціи, имъ приходится воз-

ложить всѣ надежды на авантюры. Дубровинъ уже мечтаетъ о томъ, чтобы однимъ ударомъ уничтожить весь либеральный Петербургъ, Никольскій предлагаетъ соединенному собранію „истинно русскихъ людей“ немедленно составить постановленіе и поручить ему (Никольскому) „отправиться во во всѣ полки русскаго войска, чтобы объяснить солдатамъ политическое значеніе минуты и вдохновить ихъ рѣшимостью идти на общаго врага“.

На съѣздѣ нарисовавъ красками, какими обыкновенно рисуется страшный судъ, картину предстоящаго всемірнаго краха еврейства и масонства, когда будетъ міровое кровопролитіе, „грызня какъ въ апокалипсисѣ“, — говорильный инструментъ, господинъ привантъ-доцентъ — заявляетъ, что гражданская война Россіи дешевле 5—6 милліоновъ головъ не обойдется и что „страшно подумать о томъ, что будетъ съ несчастными евреями“. И только желѣзная военная власть наведетъ порядокъ въ этой смутѣ, „въ которой намъ, можетъ быть, грозитъ ужасное несчастіе потерять даже династію“.

Онъ надѣется, что кадеты очень быстро оскандалятся, потому что они выдали векселя, которыхъ оплатить они не съумѣютъ. „И тогда какой нибудь храбрый генералъ скажетъ: „mitraillez moi cette canaille!“ и желѣзною рукою наведетъ порядокъ въ Россіи“. И вотъ онъ приводитъ доказательства изъ исторіи. Когда какое нибудь государство долго терзается внутренней смутой, всегда на выручку является храбрый генералъ, желѣзною рукою наводящій порядокъ. Такъ было въ смутное время въ Россіи; порядокъ тогда навелъ храбрый генералъ Пожарскій вмѣстѣ съ „черносотенцемъ Мининымъ“. Такъ было въ Англіи въ XVII в., тамъ явился храбрый полковникъ Кромвель. Такъ было во Франціи, тамъ былъ Бонапартъ, „Такъ будетъ внѣ всякаго сомнѣнія и у насъ. При этомъ мнѣ почему-то думается, что нашъ храбрый генералъ будетъ непремѣнно изъ нѣмцевъ. Но это не бѣда, Наполеонъ тоже былъ изъ инородцевъ, изъ Корсики“. Господинъ Никольскій забылъ только прибавить, что Наполеонъ выдвигается только послѣ того какъ революція разрѣшитъ всѣ главныя нужды вызвавшіе ее, и поставитъ крестъ надъ старымъ режимомъ.

Л—гъ.

Соціальная закономѣрность революціи.

Есть ветхозавѣтная легенда: древнее могучее племя вавилонянъ, возгордившись своимъ творческимъ могуществомъ, своей организованной общественной силой, дерзнуло на такое міровое сооруженіе, которое посягало даже на небеса Іеговы. Іегова обидѣлся и жестоко наказалъ строителей: онъ поразилъ ихъ разнорѣчіемъ. Люди перестали понимать другъ друга, ихъ солидарность, единство работы рушились, и они разбрелись въ разныя стороны.. Съ тѣхъ поръ и стали всѣ люди на землѣ говорить на разныхъ языкахъ, непонимать другъ друга и обособляться группами, такъ какъ они потеряли былую способность составлять единую и всеобщую организацію труда. Отсюда пошла рознь и вражда между людьми, а ихъ совмѣстная жизнь стала непрерывной внутренней борьбой.

Такъ сложилась и судьба всей человѣческой культуры. Какъ только полуживотная среда—это воплощеніе примитивнаго равенства и солидарности—стала проявлять активныя творческія тенденціи, создавать элементы человѣческой общественной культуры—стала рушиться однородность этой среды. Животное, „дѣлающее орудія“—а вмѣстѣ съ ними и соціальные институты (собственность)—создавало тѣмъ самымъ громадную дифференцирующую силу, смѣшавшую его „языки“, разслоившую его на антагонистичныя, борющіяся группы. И съ того времени „общество“ стало представлять единство противоположностей, а общественное развитіе—процессъ групповой борьбы. Прогрессъ сталъ рождаться въ мукахъ голода и междоусобной борьбы.

Съ того же времени и въ человѣческомъ сознаніи наиболѣе рѣзко обособились двѣ антагонистичныя функціи: субъективный и объективный процессы мышленія и оцѣнки. Первый былъ отраженіемъ, психическимъ эквивалентомъ дробности общества, его центробѣжныхъ тенден-

ціи, индивидуальнаго и групповаго сепаратизма. Второй выражалъ всеобщность связи, принципіальную однородность человѣческихъ существъ.

Не случайно каждый изъ этихъ типовъ мышленія нашелъ преимущественное примѣненіе въ опредѣленной области духовныхъ интересовъ. Субъективный процессъ наиболѣе проявляетъ себя въ области нормъ, въ созданіи жизненныхъ цѣлей и оцѣнокъ; онъ стремится къ руководству волей. Нормы создаются субъективно, такъ какъ вытекаютъ изъ потребностей, а эти потребности, при рѣзкихъ различіяхъ въ положеніи группъ и особей, могли быть только относительными и противорѣчивыми. Объективное мышленіе направлено на познаніе факта, какъ такового, т. е. независимо отъ групповой или индивидуальной исключительности.

Естественно, что пока объекты того и другого мышленія были разные (человѣческая воля, явленіе природы), они мирно уживались. Противорѣчіе обнаружилось, когда объектъ сталъ одинъ и тотъ же, общій. Такимъ именно и является для сознанія людей ихъ собственная соціальная жизнь, этотъ двойственный процессъ актовъ воли и стихійно-механическаго развитія. Здѣсь именно сказалось во всей силѣ это основное различіе: субъективной нормы и объективной закономѣрности, массы сталкивающихся групповыхъ стремленій—и механической реализаціи ихъ равнодѣйствующей.

Въ общественной борьбѣ за существованіе каждая группа выдвигаетъ свои нормы, стремится сдѣлать эти нормы всеобщими, наивно вѣря въ ихъ универсальное значеніе и цѣлесообразность. И только суровый законъ сложенія всѣхъ этихъ „абсолютныхъ“ тенденцій опредѣляетъ, какую относительную силу онѣ имѣютъ, въ какой мѣрѣ являются въ данный моментъ закономѣрными въ объективномъ процессѣ общественнаго развитія. Естественно, что равнодѣйствующая не совпадаетъ обыкновенно ни съ одной изъ составляющихъ силъ, идетъ мимо нихъ—и особенно тѣхъ, что занимаютъ двѣ крайнія позиціи въ группѣ дѣйствующихъ.

Революція представляетъ наиболѣе яркую картину такого антагонистическаго характера общественнаго развитія и вмѣстѣ — его мучительности, тяготѣющаго надъ нимъ проклятія. Какъ у человѣка въ періодъ нервнаго возбужденія,

въ революціи обострены всѣ соціальныя чувства, всѣ раздраженія и реакціи. Накопившіяся „злобы“ повседневной групповой жизни, злобы эксплоатаціи, изнуренія и угнетенія выступаютъ наружу. Групповая борьба, взвинченная возможностью непосредственныхъ результатовъ, ожесточается, принимаетъ насильственныя и грубыя формы, гдѣ уже не жалѣютъ побѣжденныхъ. Изъ-за культурныхъ, благообразныхъ людей мирнаго времени выглядятъ люди—животныя: съ такой откровенностью они борются за питаніе и власть.

Но групповая борьба всегда была также и прямымъ, естественнымъ источникомъ человѣческой м о р а л и, нравственной нормировки. Это вполнѣ понятно. Въ борьбѣ за существованіе группъ ихъ сила заключалась, помимо качествъ составляющихъ единицъ, въ степени внутренней солидарности, въ ограниченіи индивидуальныхъ интересовъ въ пользу групповыхъ. Естественный подборъ въ борьбѣ группъ выдвинулъ эти ихъ качества, обезпечилъ ихъ интенсивный ростъ. Такъ возникла мораль—нормы взаимопомощи, соціальнаго долга, самопожертвованія. „Зло“ міра, борьба, родила его „добро“. И до сихъ поръ вездѣ, гдѣ замѣтимъ въ человѣческой средѣ усиленіе борьбы группъ—всегда найдемъ здѣсь же и ея обычное орудіе: усиленіе внутри группъ чувства солидарности, проявляющаго себя въ актахъ индивидуальнаго самопожертвованія, героизма. То же видимъ и въ революціи: наряду съ животнымъ эгоизмомъ г р у п пъ—высокій альтруизмъ, самопожертвованіе л и ц ъ. Острый, ужасающій характеръ революціонной борьбы проявляется на обоихъ нравственныхъ полюсахъ.

Но въ этой напряженной атмосферѣ враждебныхъ чувствъ, групповой исключительности должно было съ особенной силой проявиться основное противорѣчіе двухъ отношеній сознанія къ общественной жизни—субъективнаго и объективнаго. Никогда такъ не расходятся данныя того и другого, какъ именно въ революціонное время, особенно поднимающее субъективно-групповое чувство и мышленіе. Революціонный періодъ — это по преимуществу время обманутыхъ ожиданій, несбывшихся или урѣзанныхъ надеждъ. Не было еще революціи, исходъ которой не омрачился бы разочарованіемъ. Но чьимъ? Вѣдь, не общества въ цѣломъ. Нѣтъ,

это было разочарованіе его наиболѣе расходящихся составляющихъ силъ. Эмигрантъ, отчаянно боровшійся съ надвигавшимся „хамомъ“, былъ разочарованъ, когда увидѣлъ свое помѣстье въ его рукахъ. Не менѣе разочаровался соціалистъ, когда въ результатѣ своей борьбы увидѣлъ, вмѣсто коммуны, лишь подновленное царство „священной собственности и порядка“.

Въ этой массѣ разочарованій, въ этомъ грубомъ урѣзываніи и вульгаризаціи идеальныхъ цѣлей на практикѣ сказывается все то же противорѣчіе субъективнаго и объективнаго процессовъ, сказывается сила вещей въ противоположность силамъ субъективныхъ мнѣній. Люди живутъ своими цѣлями, считая ихъ общими и безусловными, борются за нихъ, увлекаются и въ увлеченіи думаютъ и чувствуютъ какими-то гиперболами—а жизнь идетъ своимъ чередомъ, механически осуществляя свои среднія, равнодѣйствующія. Она дѣлаетъ то, что забываетъ дѣлать, по понятнымъ условіямъ, каждый идеологъ: онъ не можетъ отрѣшиться отъ этого абсолютизма мышленія, не видитъ своей дѣятельности въ перспективѣ такихъ же другихъ, забываетъ о сосѣдѣ, которому совершенно иной идеалъ представляется такимъ же абсолютнымъ и универсальнымъ, какъ ему свой. Только исключительно безпристрастный релятивизмъ, такъ мало привычный еще нашей психикѣ, могъ бы избавить идеолога отъ оптимизма революціонныхъ перспективъ и „неожиданности“ итоговъ. Но не означало ли бы это пониженія идеала, проповѣди одной „практической политики?“ Конечно, нѣтъ; какъ увидимъ потомъ, это вопросъ не идеала, а тактики или, вѣрнѣе, такта.

И русская революція лишь вновь воспроизвела все ту же революціонную психологію и ту же враждебную ей объективную закономѣрность. Подобно мечтамъ западнаго феодала и соціалиста, и у насъ вначалѣ господствовалъ „субъективизмъ“: сохраненіе „незыблемыхъ основъ“—съ одной стороны, и частичная соціальная революція—съ другой.

А черезъ 5 мѣсяцевъ не видимъ ни самодержавія, ни революціоннаго правительства. На очереди—что-то среднее и безцвѣтное, и такая именно золотая середина—кадеты—идетъ на арену исторіи. Это—равнодѣйствующая, ушатъ холодной воды на головы и правыхъ и лѣвыхъ. Какъ видимъ,

все идетъ по шаблону, все та же „комедія всемірной исторіи“. Однако посмотримъ, какъ получился этотъ результатъ, какія были составляющія и въ чемъ заключается тотъ объективный порядокъ, который такъ мало гармонируетъ съ субъективной нормой и вѣрой.

Групповой составъ современнаго общества довольно близокъ къ тому, что мы видимъ въ главныхъ культурныхъ странахъ европейскаго континента въ періодъ ихъ однотипныхъ буржуазныхъ революцій. Уже это говоритъ за общую закономѣрность самаго возникновенія революціи, исключаетъ мысль о случайной комбинаціи причинъ ея—вродѣ, напр., неудачной войны. Эта послѣдняя ссылка слишкомъ поверхностна, чтобы служить объясненіемъ. Почему война была неудачна? Какъ случилось, что ее начали безъ достаточныхъ средствъ? Уже любой газетный публицистъ тотчасъ ссылается не на генераловъ или случайности, а на р е ж и м ъ, т.-е. на противорѣчіе между феодально-буржуазной политической организаціей и потребностями важнѣйшихъ новыхъ соціальныхъ группъ страны. Но это, вѣдь, то же соотношеніе, которымъ вызвана и революція. Стало быть, неудачная война и революція—не причина и слѣдствіе, а два слѣдствія одной причины. Правда, бѣдствія войны дали поводъ къ революціи, разрядили напряженную атмосферу протеста. Но вѣдь сама эта психика воспитана не войной, а гораздо болѣе солидными, долговременными условіями соціальной жизни. Въ нихъ все дѣло.

Какія же соціальныя группы и силы были въ нашемъ обществѣ, когда дошла до него круговая очередь буржуазной революціи? Начнемъ съ самыхъ общихъ контуровъ.

Какъ и всякое общество, вступающее въ царство буржуазной культуры, наше заключало въ себѣ три группы классовъ: ф е о д а л ь н у ю, б у р ж у а з н у ю и переходную между ними (ф е о д а л ь н о - б у р ж у а з н у ю). Первая группа состоитъ изъ уцѣлѣвшихъ еще классовъ феодальнаго хозяйства.* Сюда принадлежатъ:

1. „Дикій“ помѣщикъ, изстари сохранившій некапитали-

* Характеризуя нижеслѣдующіе классы, какъ феодальные, мы, конечно, имѣемъ въ виду ихъ п р е о б л а д а ю щ і й составъ, видимъ въ нихъ лишь среду, въ которой наиболѣе воспринимаются и живутъ извѣстные типы мышленія и воли.

стическое, полубарщинное сельское хозяйство. Наиболѣе типичнымъ признакомъ послѣдняго, помимо всевозможныхъ „надстроекъ“ бытового и психологическаго характера, являются: некапиталистическая рента, т.-е. сдача земли въ продовольственную, не предпринимательскую аренду; затѣмъ отработочная система найма, половничество и всѣ вообще натурально-хозяйственные пережитки старины.

2. Мелкій и частью средній торговый капиталъ м ѣ с т н а г о типа, съ узкимъ райономъ операцій. Это преимущественно хищный, кулацкій капиталъ—скупщиковъ, ростовщиковъ, мелкихъ торговцевъ—капиталъ, процвѣтавшій въ средѣ полунатуральнаго хозяйства далекаго прошлаго, а теперь избѣгающій истинно-буржуазной „свободной конкурренціи“ съ крупнымъ капиталомъ, прячущійся въ болѣе темныхъ, отсталыхъ углахъ народнаго хозяйства. Характерной чертой его является необычайно высокая, для развитого денежнаго хозяйства, норма прибыли и въ то же время крайняя ея неопредѣленность и нерегулярность (ростовщическій %, обманъ въ скупкѣ, запросъ въ продажѣ и т. п.).

3. Мѣщанство, въ качествѣ класса мелкихъ неземельныхъ собственниковъ и ремесленниковъ.

4. Мелкіе земельные собственники-земледѣльцы, т.-е. бо́льшая часть крестьянства, сохранившаго въ наибольшой мѣрѣ старинный экономическій типъ подъ видомъ т. н. „трудового“ хозяйства. Это—продовольственное хозяйство, нетолько некакапиталистическое, но и вообще мало втянутое въ торговый обмѣнъ страны, въ ея денежный оборотъ.

Всѣ эти классы феодальнаго хозяйства, конечно, существенно различны между собой по роли въ производствѣ, интересамъ и соціальной силѣ—не говоря уже о болѣе производныхъ признакахъ. Какъ и всякое сложное человѣческое общество, феодальное построено на классовыхъ противорѣчіяхъ, иногда очень рѣзкихъ (баринъ-мужикъ). Но, оперируя съ понятіемъ общества, какъ единствомъ противоположностей, мы все же не должны забывать, что соціальныя противоположности—не похожи на логическія; онѣ нетолько не исключаютъ другъ друга, но живутъ рядомъ, постоянно осуществляя антагонистическіе компромиссы. „Общество“—не только слово; оно—нѣкоторое практическое единство, организація, а потому всегда предполагаетъ извѣстную долю психологи-

ческаго родства своихъ частей. Оно—совокупность противорѣчивыхъ группъ, причастныхъ въ то же время въ той или иной степени къ общей культурѣ. Безразлично при этомъ, какъ установилась эта культура: есть ли это обобщенная на всѣ части культура высшаго класса, созданная и распространенная въ его интересахъ, или часть ея имѣетъ другое происхожденіе, лишена этой окраски. Во всякомъ случаѣ, фактъ всеобщаго признанія хотя нѣкоторой части ея остается налицо и, какъ увидимъ, дастъ себя знать реальнымъ сходствомъ въ психологіи соціальныхъ группъ производительнаго общества. Въ этой психологической общности какъ бы проглядываютъ основныя наиболѣе общія черты самаго экономическаго строя, типа производственной организаціи.

Такъ, въ феодальномъ обществѣ весь строй жизни способствовалъ выработкѣ нѣкотораго однообразія соціальныхъ потребностей и психическихъ навыковъ во всѣхъ его слояхъ. Неподвижность хозяйства, неизмѣнность мѣста, обстановки и отношеній производства—и отсюда консерватизмъ мышленія. Слѣпая зависимость отъ природы—и склонность къ суевѣрію, предразсудкамъ. Разобщенность хозяйствъ на отдѣльные замкнутые и мелкіе центры—и слабость общественныхъ интересовъ, группового самосознанія, организаціи. Патронажъ помѣщика—и привычка къ авторитарнымъ отношеніямъ: опекѣ, повиновенію и т. д. Таковы эти наиболѣе общіе психологическіе спутники режима.

Понятно, что и въ средѣ современнаго общества уцѣлѣвшіе феодальные классы проявляютъ себя въ аналогичной идеологіи. Они поддерживаютъ реакціонныя силы текущей соціальной и политической борьбы: идеи абсолютизма и авторитета, опеки и сословныхъ неравенствъ, наконецъ, отрицаніе малопонятнаго этимъ классамъ современнаго соціальнаго вопроса. Наши правыя партіи и являются выразителями такой идеологіи. Ихъ естественная, наиболѣе обычная база—совокупность феодальныхъ слоевъ въ нашемъ обществѣ.

Но эта общественная база чрезвычайно обширна и внушительна. При нормальномъ соотношеніи между такой массой и ея авангардомъ—партіей, послѣдняя получила бы подавляющее значеніе въ борьбѣ съ другими. Если этого

не произошло, то именно потому, что общая буржуазная революція рѣзко задѣла и внутреннія отношенія феодальнаго конгломерата. Вездѣ обостряя сильно групповой антагонизмъ, она взволновала и это старое неподвижное царство и быстро поставила другъ передъ другомъ двухъ его старинныхъ экономическихъ враговъ: мужика и барина. Они столкнулись изъ-за земли: что же другое могло въ такой степени поссорить ихъ, этихъ политически однотипныхъ людей феодальной „натуры“! Правда, на знамени крестьянской демократіи мы читаемъ: земля и воля. Но уже для многихъ, вѣдь, не тайна, что о волѣ хлопотали больше всего „идеологи“, и одному Богу извѣстно, чего стоило имъ вбивать эту идею въ ея культурномъ видѣ въ крѣпкую мужицкую голову, и какъ мало производительна была эта работа. Конечно, не вездѣ земля заслоняла собой все; мужикъ требовалъ или вѣрнѣе, бралъ кое-гдѣ и волю. Но она была ужъ очень далека отъ „политики“ и была направлена въ лучшемъ случаѣ противъ орудій режима, но не противъ него самого. Да и здѣсь не безъ грѣха: вѣдь, эти „орудія“ какъ разъ и мѣшали захвату земли, и въ этомъ ихъ главная вина...

Какъ бы то ни было, но именно земля подняла жестокую усобицу въ феодально-реакціонномъ мірѣ. Онъ временно раскололся и уже практически не могъ выступать солидарно въ качествѣ alma mater соотвѣтствующихъ реакціонныхъ партій. Мелкое крестьянство откололось на время. Отъ этого оно, конечно, не измѣнило въ корнѣ своей реакціонной соціальной и политической физіономіи. Принципіально оно оставалось въ томъ же кругу феодальнаго міровоззрѣнія, не исключая и его понятій священной, неприкосновенной частной собственности. Но... голодъ говорилъ свое, и изъ принципа практически дѣлалось лишь одно исключеніе: помѣщичья собственность на землю. Одна эта земля стала почему-то божьей *), все остальное оставалось на своихъ традиціонныхъ земныхъ мѣстахъ...

Расколъ, носившій такой исключительно практическій характеръ, не связанный съ болѣе культурными соціаль-

*) Уже кѣмъ-то отмѣченъ и доказанъ характерный фактъ, что въ требованіяхъ конфискаціи частновладѣльческихъ земель на послѣднемъ крестьянскомъ съѣздѣ эти земли безсознательно отождествлялись только съ помѣщичьими.

ными или политическими тенденціями, сдѣлалъ однако же то, что изъ громадной феодальной массы выдѣлился и обособился ея крупнѣйшій классъ. Подъ давленіемъ голода онъ своей дѣятельностью сталъ въ принципіальное противорѣчіе съ собственнымъ міровоззрѣніемъ и, благодаря этому, занялъ особенное, изолированное положеніе *). База соціально-политической реакціи сузилась. Въ ней остались: помѣщикъ, мелкое купечество, мѣщанство. Это было уже гораздо меньше нормальнаго состава—и въ мѣру этой новой уменьшенной базы получили соотвѣтственно меньшее значеніе и реакціонныя партіи, Такими относительно жалкими мы и видимъ ихъ за все время революціи, включая и недавнюю избирательную кампанію.

Но было бы большой ошибкой обобщать это временное положеніе. Въ будущемъ мы еще меньше можемъ ждать отъ крестьянства, чѣмъ видѣли въ прошломъ. Въ прошломъ была все же крестьянская революція. Правда, она началась уже вслѣдъ за другой, не ей принадлежитъ честь иниціативы. Мало того, она не имѣла и особенной цѣнности—по крайней мѣрѣ, принципіальной: это была борьба закоренѣлыхъ собственниковъ—противъ другой собственности, слѣпыхъ консерваторовъ — противъ консерватизма, а съ внѣшней стороны — борьба безъ организаціи и безъ способности къ ней. Принципіальная противорѣчивость и неорганизованность были злымъ геніемъ этой революціи, принявшей поэтому стихійный характеръ и часто дикія, безсмысленно жестокія формы. Но какъ бы то ни было, она сильно ослабила и деморализовала феодальное общество и феодальный режимъ: хранителями и пѣстунами реакціи остались на революціонный періодъ лишь слабѣйшіе классы — и проиграли дѣло.

Но въ будущемъ, когда не будетъ этихъ временныхъ условій, надо ожидать, напротивъ, усиленія реакціонныхъ слоевъ и считаться съ той нормальной величиной, какую они могутъ и будутъ представлять. А это, какъ увидимъ—

*) Тамъ, гдѣ земельный вопросъ не обострился до такой степени, сѣрый крестьянинъ игралъ свою обычную реакціонную роль. Такъ было, напр., въ Костромѣ въ дни октябрьскаго погрома, въ Московской губ. при избирательной борьбѣ и пр.

громадная масса населенія, имѣющая большое экономическое значеніе и подавляющій количественный перевѣсъ въ странѣ. Реакціонная сила соединенныхъ феодальныхъ массъ—величайшая угроза прогрессу; она будетъ тяжелыми гирями висѣть на его ногахъ.

Вторымъ типичнымъ конгломератомъ нашего общества является совокупность классовъ культурно - буржуазнаго производства. Новый и еще развивающійся способъ производства предполагаетъ и объединяетъ въ себѣ слѣдующіе классы:

1) буржуазію—классъ, живущій эксплоатаціей свободнаго наемнаго труда путемъ приложенія его къ капиталу и продажи продукта. Признаками свободы эксплоатаціи, косвеннаго присвоенія прибавочнаго продукта лишь въ денежной формѣ—устанавливается типическое отличіе этого класса отъ аналогичныхъ эксплоатирующихъ классовъ другихъ экономическихъ режимовъ. Такъ, въ феодальномъ обществѣ, вмѣсто свободнаго наемнаго труда, находимъ принудительный; вмѣсто косвеннаго—обыкновенно прямое присвоеніе; вмѣсто прибавочной цѣнности—главнымъ образомъ, прибавочный трудъ или откупъ за него (оброкъ).

Къ разсматриваемой буржуазной группѣ принадлежатъ: предпринимательскій капиталъ въ промышленности и земледѣліи, крупный торговый, банковый; слѣдовательно вообще весь буржазный капиталъ въ производствѣ, распредѣленіи и кредитѣ.

2. Капиталистическое землевладѣніе. Его типичнымъ экономическимъ признакомъ служитъ такъ называемая капиталистическая рента, какъ составная часть общей прибавочной стоимости производства наряду съ предпринимательской прибылью. Этой рентѣ противопоставляется некапиталистическая, поглощающая всю прибавочную стоимость производства, оставляющая арендатору—обыкновенно мелкому—лишь натуральную заработную плату (продовольствіе). Эта послѣдняя рента, поддерживаемая исключительно мѣстными условіями и неполнотой личной юридической свободы арендатора, носитъ поэтому монопольный и полуфеодальный характеръ, тогда какъ первая устанавливается свободной конкуренціей земель и капиталовъ въ буржуазномъ производствѣ страны. Эта относительно культурная форма встрѣчается

обыкновенно въ болѣе или менѣе крупномъ землевладѣніи, такъ какъ ему труднѣе разбрасываться на мельчайшія операціи, и оно предпочитаетъ имѣть дѣло съ болѣе или менѣе крупными операціями арендатора-предпринимателя. То же землевладѣніе, вообще немногочисленное у насъ, ведетъ часто и собственное земледѣльческое хозяйство капиталистическаго типа; но въ этой роли оно примыкаетъ уже къ первой группѣ буржуазнаго общества.

3. Наемный пролетаріатъ. Подъ нимъ мы разумѣемъ типичную часть всего вообще рабочаго населенія, тотъ слой „трудящихся"—по терминологіи народничества и „критическихъ" соціалистовъ,—который живетъ продажей своей рабочей силы, не владѣетъ собственностью, приносящей доходъ (капиталомъ). Этотъ классъ появляется, въ отличіе отъ „трудящихся" вообще, вмѣстѣ съ буржуазнымъ производствомъ; онъ предполагаетъ капиталистическую буржуазію и предполагается ею.

4. Группа интеллигентнаго привиллегированнаго труда, „интеллигенція" въ спеціальномъ смыслѣ *). Этотъ классъ приближается по своему соціальному типу, съ одной стороны, къ пролетаріату, съ которымъ у него одинаковъ общій характеръ источника дохода (трудъ), съ другой стороны — къ буржуазіи, такъ какъ высокій квалифицированный характеръ этого источника добывается черезъ посредство извѣстнаго достатка, и въ свою очередь обезпечиваетъ ему лучшія, сравнительно съ пролетаріатомъ, матеріальныя условія существованія. Къ тому же, благодаря послѣднимъ, является обыкновенно нѣкоторая возможность накопленія, и этимъ создаются другіе источники дохода; тогда трудъ остается лишь главнымъ изъ нихъ. Такимъ образомъ и по высотѣ дохода и по его источнику эта группа занимаетъ среднее положеніе между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Мы перечислили главнѣйшіе классы, составляющіе буржуазное общество. Надо ли объяснять, что это — конгломератъ далеко не идиллическаго характера, что это—не части „организма" и не мирная семья работающихъ на „благо потребителя?" Думаемъ, съ этой стороны вопросъ достаточно

*) Въ болѣе общемъ смыслѣ, интеллигенція—это вся духовно развитая часть общества, безотносительно къ соціальному положенію и источнику существованія.

освѣщенъ. Мы остановимся на выясненіи другой стороны дѣла и укажемъ не разъединяющіе, а объединяющіе моменты этой группы.

Мы можемъ подойти къ нимъ съ двухъ сторонъ. Прежде всего фактически извѣстная часть культуры такого общества въ видѣ нѣкоторыхъ привычныхъ понятій и побужденій оказывается распространенной на всѣ его классы. Если даже исключимъ отсюда все, что является тенденціозно навязаннымъ высшими классами въ ихъ интересахъ, все же окажется остатокъ, не представляющій чисто классовой идеологіи; таковы объективно-научныя знанія, нѣкоторыя правовыя и моральныя нормы, правда, въ очень ограниченномъ количествѣ и т. д.

Но въ томъ же самомъ мы можемъ убѣдиться и другимъ путемъ. Самый строй производства — въ данномъ случаѣ, буржуазный—существуетъ, вѣдь, какъ фактъ для всѣхъ его участниковъ. Онъ создаетъ поэтому нѣкоторыя общественныя потребности, общія для всѣхъ классовъ производственнаго цѣлаго; а затѣмъ уже эти потребности, преобразуясь интеллектуально, опредѣляютъ соотвѣтственную часть общихъ данныхъ сознанія и побужденій воли. Въ буржуазномъ обществѣ мы видимъ, напримѣръ, такія общія соотношенія:

Одной изъ характерныхъ особенностей строя является самостоятельность личности въ борьбѣ за существованіе, выступленіе ея, какъ свободной конкуррирующей единицы, на смѣну феодальнаго патронажа. Такое раздробленіе и усложненіе общества, измельчаніе экономической единицы вызывали особенно острую потребность въ ея закономѣрной охранѣ. Отсюда характерныя, общія всѣмъ классамъ новаго общества идеи неприкосновенности личности и жилища, требованія общественной организаціи суда.

Строй свободной экономической конкурренціи и предпріимчивости вызывалъ далѣе вполнѣ понятную потребность въ свободѣ коопераціи и всякаго рода союзничества какъ въ средѣ буржуазіи, такъ и рабочихъ. Въ свою очередь неустойчивый характеръ производства, стихійно перебрасывающій капиталы и рабочія силы изъ одного мѣста въ другое, предполагалъ общую свободу передвиженія. Далѣе, общественное раздѣленіе труда на почвѣ общности рынка создавало, съ одной стороны, широкіе экономическіе и, слѣ-

довательно, политическіе интересы у предпринимателей, съ другой стороны—дѣлало то же и для массъ, концентрируя ихъ въ городахъ и ставя лицомъ къ лицу съ рѣзко выраженными общественными отношеніями. Этимъ создавались главныя предпосылки умственнаго развитія и соціальнаго самосознанія. Отсюда общія тенденціи стать государственной политической силой, принять участіе въ управленіи.

Мы видимъ на этихъ примѣрахъ, какъ строй производства обусловливаетъ нѣкоторыя общія потребности и за ними идейныя нормы, характерныя не для класса, а для всего производственнаго цѣлаго. Идеи гражданской и политической свободы и представляютъ такую общую типичную идеологію буржуазнаго общества. Это, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ отдѣльнымъ классамъ его понимать эти нормы часто эгоистически-узко и создавать затѣмъ наряду съ ними, а также и въ способѣ самаго ихъ приложенія, такія различія, которыя обнаруживаютъ ихъ рѣзкій антагонизмъ.

Рѣчь идетъ о различной роли классовой группировки въ дѣлѣ выработки политическаго и соціальнаго міровоззрѣнія. Только послѣднее отражаетъ въ полной мѣрѣ практическое противорѣчіе классовъ, давая въ идейной сферѣ тѣ же антитезы, что сложились и въ соціальной практикѣ (капиталистъ-рабочій, собственность-коллективизмъ). Если въ общественныхъ вопросахъ нормативное мышленіе вообще оказывается субъективно-групповымъ, въ немъ мыслитъ по-своему та или иная группа, то относительно соціально-экономической нормировки надо сказать, что въ ней мыслитъ классъ: ибо всѣ самыя существенныя различія въ области этой мысли совпадаютъ съ классовыми и притомъ совсѣмъ не случайно—нетолько практически но и психологически.

Нельзя сказать того же о такъ называемомъ политическомъ мышленіи. Если возьмемъ всю совокупность его въ обществѣ, то вообще найдемъ здѣсь не менѣе рѣзкія противорѣчія, чѣмъ въ соціальномъ. Но именно самыя рѣзкія и существенныя изъ этихъ противорѣчій окажутся не между тѣми классами, которые наиболѣе противостоятъ другъ другу въ соціально-экономическомъ отношеніи — не у буржуазіи и пролетаріата. У нихъ, напротивъ, эти различія относительно невелики и, какъ бы ни казались важными, далеко не идутъ въ сравненіе съ экономической противоположностью

этихъ классовъ и ихъ соціальныхъ идеаловъ. Достаточно сравнить, напр., политическія части программъ С. д'овъ и К. д'овъ. При наличности въ обществѣ чисто реакціонныхъ политическихъ нормъ—эти двѣ кажутся еще сравнительно однотипными ихъ различія положительно теряются предъ ихъ общей однородностью (идеи гражд. и полит. свободы).

Не входя здѣсь въ болѣе детальный анализъ, мы можемъ признать, что политическое мышленіе не есть классовое въ строгомъ смыслѣ; что за его противорѣчіями скрываются другія группы, которыя служатъ ихъ соціальной базой. Эти группы, опредѣляющія основные типы политической мысли, суть два производственныхъ конгломерата, составляющихъ все наше современное общество: „общество“ феодальное и „общество“ буржуазное. Эти обширныя группы и являются дѣйствительными субъектами политической идеологіи, мыслятъ въ ней.

Итакъ, возвращаясь къ характеристикѣ буржуазнаго общества, мы находимъ въ немъ, на ряду съ крайнимъ внутреннимъ соціальнымъ антагонизмомъ, нѣкоторую политическую однородность, общность культуры. Получаемъ то же соотношеніе, что и въ феодальномъ обществѣ, ту же комбинацію диссоціирующихъ и ассоціирующихъ моментовъ, противорѣчіе классовыхъ и общность нѣкоторыхъ культурныхъ интересовъ въ этой сложной системѣ силъ.

И такъ же, какъ въ первомъ случаѣ, въ революціи силы новаго общества съ его прогрессивными стремленіями были частью парализованы обостреніемъ внутренней классовой борьбы. Революція сама-по-себѣ представляла смѣну политическаго режима, приспособленіе его къ новому строю производства. Она поэтому непосредственно противопоставляла другъ другу лишь два обширныхъ производственныхъ и политическихъ лагеря—феодальный и буржуазный. Но оба они страдали прародительскимъ грѣхомъ всѣхъ человѣческихъ обществъ со времени легендарныхъ вавилонянъ: таили въ себѣ враговъ. И въ общемъ походѣ они дали знать себя: какъ крестьяне столкнулись съ помѣщичьимъ классомъ, такъ пролетаріатъ вступилъ въ борьбу съ буржуазіей. Въ обѣихъ воюющихъ арміяхъ произошли военные бунты.

Но есть и существенное различіе. Крестьянство выступило уже вслѣдъ за начатой революціей городовъ и съ цѣ-

лями чисто экономическаго, классоваго характера (захватъ земли). И за все время революціи оно оставалось на той же почвѣ, ни расширяя революціонныхъ лозунговъ въ прогрессивномъ смыслѣ, ни защищая родственной ему реакціи. Рабочій классъ, напротивъ, выступилъ однимъ изъ первыхъ подъ знаменемъ нетолько классоваго, но и общекультурнаго характера. Онъ выставилъ въ наиболѣе послѣдовательномъ видѣ тѣ политическія требованія, которыя составляли главный смыслъ революціи и раздѣлялись, въ той или иной мѣрѣ, всей культурной буржуазіей, всѣмъ новымъ обществомъ. Правда, въ разгарѣ движенія, увлеченный успѣхомъ и казавшимся могуществомъ, онъ болѣе рѣзко выставилъ и экономическія требованія противъ буржуазіи. Но въ то же время имъ не были оставлены и первоначальные болѣе широкіе интересы. Отдѣлившись отъ экономическаго врага, онъ продолжалъ итти рядомъ съ нимъ противъ врага политическаго и повелъ трудную, непосильную борьбу на два фронта.

Такъ велико уже различіе между рабочимъ классомъ буржуазнаго общества и „трудящимся“—феодальнаго. Первый болѣе втянутъ въ интересы общей культуры, является ея сознательнымъ и активнымъ борцомъ, въ противоположность пассивному прозябанію деревенскаго населенія въ окружающемъ его строѣ. Въ этомъ проявляется бо́льшая солидарность и духовная интенсивность общебуржуазной культуры, сравнительно съ феодальной. Подобно тому, какъ обобщилась экономическая жизнь въ новомъ обществѣ, такъ и человѣческое сознаніе расширилось качественно и возросло въ той своей части, которая стояла внѣ исключительно-классовыхъ или индивидуальныхъ интересовъ.

Двѣ разсмотрѣнныя широкія общественныя группы—феодальная и буржуазная—представляютъ наиболѣе типичныя части при общемъ подраздѣленіи общественнаго цѣлаго. Мы должны однако указать еще на одинъ общественный слой промежуточнаго характера, не лишенный извѣстной типичности и закономѣрно возникающій въ исторіи на аналогичныхъ стадіяхъ развитія другихъ культурныхъ странъ. Мы разумѣемъ феодально-буржуазную группу.

Феодальное и буржуазное общество представляютъ то основное различіе, что въ нихъ борьба за существованіе, конкурренція особей и группъ ограничена и искажена, по срав-

ненію съ естественнымъ порядкомъ ея—различнымъ образомъ. Вмѣсто свободной конкурренціи исключительно личныхъ, органическихъ силъ, мы имѣемъ: въ феодальномъ строѣ—ограниченія въ видѣ юридическихъ привиллегій нѣкоторыхъ классовъ *) и лицъ при несвободѣ другихъ, въ буржуазномъ—фактическія привиллегіи собственниковъ, капитала при свободѣ неимущихъ... конкуррировать съ нимъ. Теперь понятно, какая комбинація является естественной въ переходное время между старымъ и новымъ строемъ. Собственники, обладающіе одновременно и капиталомъ и исключительными привиллегіями — наслѣдственными или „благопріобрѣтенными"—стараются, конечно, использовать въ своихъ интересахъ оба вида привиллегій. При этомъ, используя капиталъ—они выступаютъ, какъ буржуа; используя привиллегіи, захваченныя въ разлагающейся феодальной средѣ съ ея деморализованнымъ правительствомъ—они выступаютъ, какъ феодалы. Съ экономической стороны это ихъ положеніе характеризуется цѣпкостью за захваченныя монополіи; съ политической стороны — склонностью къ политическому эклектизму, комбинированію реакціонныхъ и прогрессивныхъ началъ: понятно, что является критеріемъ выбора тѣхъ и другихъ. Такимъ образомъ, это—реакціонные буржуа или прогрессивные феодалы, представители такъ называемаго „умѣреннаго" либерализма, люди, стремящіеся создать въ своихъ цѣляхъ компромиссъ между разложившимся строемъ и водворяющимся новымъ. Это—обычный типъ переходнаго революціоннаго времени, его политическій Янусъ. Благодаря своей паразитической хищной приспособляемости—это одно изъ наиболѣе отвратительныхъ классовыхъ образованій общества. Обыкновенный либерализмъ, по сревненію съ нимъ—ангелъ: если онъ и золотая середина, то, по крайней мѣрѣ, между старымъ и еще далекимъ, идеальнымъ новымъ. Этотъ же стремится отравить уже наступающій строй.

Въ нашемъ обществѣ эти слои преоставлены такъ называемымъ умѣреннымъ блокомъ: Союзъ 17 окт., торгово-промышл. п., п. правов. порядка и пр. Несмотря на ихъ ком-

*) Разумѣется, юридическое (сословное) неравноправіе не было единственнымъ въ этомъ обществѣ. Но для него характерно уже и то, что имущественныя привиллегіи были или слѣдствіемъ юридическихъ или ограничивались ими.

промиссный характеръ, ихъ правильнѣе причислять къ реакціонной группѣ: пока не сломленъ феодальный политическій строй, пока есть объектъ для ихъ вожделѣній и есть возможность обойти съ задняго крыльца „честную“ буржуазную конкурренцію—они будутъ врагами политической свободы *).

Перечисливъ основныя соціальныя группы нашего общества, въ качествѣ составляющихъ силъ революціи, мы должны остановиться еще на одной группѣ, не представляющей соціально-экономическаго класса, но несомнѣнно—одну изъ крупныхъ силъ общественной борьбы. Мы говоримъ о бюрократической средѣ, какъ профессіональной политической группѣ, держащей въ рукахъ огромную матеріальную силу—правительственный механизмъ въ широкомъ смыслѣ слова (деньги, войско, администрацію и пр.). Но этотъ голый фактъ обладанія матеріальной силой еще не является объясненіемъ общественной роли и силы правительства. Въ такомъ объясненіи недостаетъ самаго существеннаго: закономѣрности. Неужели кучка лицъ можетъ неограниченно-долго господствовать надъ страной, кормя лишь большое войско? Есть ли войско т о л ь к о механическая сила? Всегда ли можно опираться на него, даже если оно сыто?—Ясно, что такое объясненіе не глубже, чѣмъ, напр., объясненіе революціи неудачной войной. При болѣе научномъ разсмотрѣніи, мы неизбѣжно принуждены будемъ исходить изъ той мысли, что всякое правительство сильно извѣстными классами общества и ихъ отношеніями въ данной производственной организаціи. Какъ понимать съ этой точки зрѣнія нашу политическую организацію, въ которой мы должны отличать два основныхъ признака: с а м о д е р ж а в і е и его б ю р о к р а т и з м ъ?

Наше самодержавіе порождено первоначально господствомъ феодальнаго экономическаго строя, свойственными ему соотношеніями классовъ. Одни изъ этихъ классовъ опредѣляли типъ правительства и его силу а к т и в н о, пополняя его кадры, вліяя въ свою пользу на задачи и содержаніе его дѣятельности (дворянство). Другіе—пассивно предоставляли возможность къ этому, благодаря типическимъ чертамъ своей психологіи, вытекавшей, какъ мы видѣли, изъ обста-

*) Сюда принадлежитъ, очевидно, бо́льшая часть нашей крупной буржуазіи.

новки того же экономическаго строя. Правительство XVIII вѣка было дворянскимъ по составу и тенденціямъ, общефеодальнымъ по формамъ и прерогативамъ (самодержавіе). Крестьянство было его дойной коровой и, какъ феодальный классъ, было темно, мало способно къ активному сопротивленію, къ организаціи. Другіе классы—купечество, мѣщанство—были сравнительно слабы и количественно и экономически.

Съ начавшимся разложеніемъ натуральнаго строя, съ паденіемъ экономическаго значенія его высшаго класса, *) правительство стало нѣсколько обособляться отъ него. Періодъ отсутствія сильныхъ общественныхъ классовъ, промежутокъ соціальнаго междуцарствія далъ ему возможность получить большую самостоятельность, и оно стало замыкаться профессіонально (бюрократизмъ). По мѣрѣ роста буржуазіи, соціальная база правительства постепенно перемѣщается въ ея сторону. Это отразилось и на его болѣе демократическомъ составѣ—что характерно для буржуазныхъ теченій—и на характерѣ дѣятельности, покровительствующей уже нетолько дворянству, но и новорожденному, еще некультурному крупному капиталу. Бюрократическое правительство второй половины XIX вѣка является именно такимъ феодально-буржуазнымъ. Даже и „незыблемыя“ формы власти приняли соотвѣтственную окраску: всѣ эти коммиссіи свѣдущихъ людей, совѣщанія, комитеты, вся вообще предупредительносъ къ политико-экономическимъ талантамъ крупной буржуазіи означали уже уступки абсолютизма, которому недоставало лишь технической выдержки для этой новой роли, способности ввести хотя нѣкоторые коррективы въ своей развращенной средѣ тунеядства, хищенія и неизмѣримой бездарности. Но именно только эти коррективы, техническое улучшеніе формъ теперешней эксплоатаціи и стремится внести въ правительственный механизмъ крупная буржуазія (умѣренный либерализмъ) **).

---

*) Задолженность, разореніе дворянства начинаетъ обнаруживаться уже съ начала XIX в.

**) Дума 6 августа вполнѣ удовлетворяла ее. Не случайно и авторъ реформы подробно разсматриваетъ ее, какъ дальнѣйшій шагъ въ томъ направленіи, въ какомъ уже шло правительство. (См. „Меморіи“ Госуд. Сов. по вопросу о Думѣ). Это, конечно, не только дипломатическое охраненіе „престижа“.

Такимъ образомъ, судьба правительства или, вѣрнѣе, его системы тѣсно связана съ преобладаніемъ въ обществѣ феодальныхъ классовъ совмѣстно съ частью крупной буржуазіи полу-феодальнаго типа. Въ нихъ же и его сила. Обладаніе финансами и войсками — уже производное явленіе. Когда ссылаются на нихъ, то забываютъ, что деньги съ кого-то берутся, слѣдовательно, здѣсь предполагается или актъ согласія или неспособность къ сопротивленію, пассивность: но это преимущественныя качества именно феодальныхъ классовъ. Точно также и войско служитъ опорой лишь въ томъ случаѣ, если вербуется изъ подходящихъ слоевъ населенія. Если въ наше время это, главнымъ образомъ, крестьянство, то и эту силу правительства приходится отнести къ той же закономѣрной причинѣ: преобладанію въ обществѣ феодальныхъ классовъ, всегда реакціонныхъ активно или пассивно. Соціальный составъ общества опредѣляетъ составъ и характеръ войска, слѣдовательно, и степень его вѣрности. Относительно малая воспріимчивость къ опозиціонной пропагандѣ и особенно къ ея высшимъ политическимъ формамъ, а въ случаѣ нѣкотораго успѣха—неустойчивость оппозиціи, склонность сводить лозунги борьбы къ обывательскимъ интересамъ профессіональнаго или чисто экономическаго характера—все это лишь посредствующія звенья той основной закономѣрной связи ея проявленія. Всѣ эти конкретныя орудія и силы правительственной власти, кажущіяся какими-то самостоятельными и соціологически случайными, въ дѣйствительности оказываются совершенно зависимыми и закономѣрными.

Все это приводитъ насъ къ выводу, что въ системѣ силъ, борющихся въ нашей революціи, правительство не представляетъ самостоятельной величины; что при объективной оцѣнкѣ составляющихъ силъ и шансовъ, достаточно вообще имѣть въ виду силы соціальныхъ группъ и классовъ.

Но, переходя къ такой оцѣнкѣ, мы должны сначала рѣшить вопросъ: чѣмъ опредѣляется сила соціальнаго класса въ этой борьбѣ? Несомнѣнно, при настоящихъ культурныхъ условіяхъ она является, говоря математически, функціей слѣдующихъ трехъ главныхъ величинъ: 1) относительной численности даннаго класса въ общемъ населеніи районовъ,

вовлеченныхъ въ борьбу; 2) матеріальныхъ средствъ, богатства классовъ—такъ какъ они являются орудіемъ борьбы, увеличиваютъ соотвѣтственно естественную силу людей; они даютъ внѣшнія средства пропаганды, господство надъ экономически подчиненными, возможность прямого вооруженія и пр.; 3) степени духовнаго развитія, особенно соціально-политическаго; оно выражается въ политической энергіи, способности къ организаціи и добровольной дисциплинѣ, интеллектуальномъ и моральномъ превосходствѣ пропаганды и пр.

Но одно дѣло указать независимыя перемѣнныя (факторы), другое—опредѣлить самый типъ функціи, т. е. способъ ихъ совмѣстнаго дѣйствія, ихъ относительную роль. Общественной наукѣ съ ея преобладаніемъ качественныхъ понятій надъ точными, количественными еще очень далеко до подобныхъ предпріятій, если она не хочетъ рисковать вавилонской разноголосицей. Мы поэтому ограничимся здѣсь лишь тѣмъ, что возможно учесть въ этихъ факторахъ въ публицистической статьѣ безъ особенной спеціализаціи и углубленія вопроса.

Мы уже набросали самый общій контуръ борьбы. Она велась вообще за перемѣну политическаго и правового строя, ставшаго въ противорѣчіе съ новыми соціальными интересами и силами, развившимися въ средѣ старыхъ. Обороняющейся стороной была группа классовъ феодальнаго типа во главѣ съ правительствомъ, нападающей—всѣ классы буржуазнаго производства. Мы уже охарактеризовали внутренній составъ каждаго изъ этихъ двухъ конгломератовъ; намъ остается сдѣлать оцѣнку ихъ относительныхъ силъ въ общей борьбѣ. Нечего и говорить, насколько неточно онѣ могутъ быть оцѣнены даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь будетъ итти о количественныхъ опредѣленіяхъ. Самыя границы разныхъ группъ, при всей ихъ психологической типичности и ясности, чрезвычайно неопредѣленны и расплывчаты на практикѣ. Съ другой стороны, качество имѣющихся статическихъ матеріаловъ, собранныхъ совсѣмъ по другимъ категоріямъ и признакамъ, окончательно парализуетъ возможность сколько-нибудь научной постановки вопроса. Мы ограничимся поэтому очень общими и лишь „примѣрными“

числовыми данными относительно двухъ основныхъ группъ классовъ.*)

Феодальная группа въ цѣломъ является количественно подавляющей. Изъ 4 классовъ, наиболѣе подходящихъ къ ней, мелкіе земельные собственники — главнымъ образомъ, крестьяне—составляли въ 97 г. изъ 126 милл.— ок. 82 милл.; мелкіе неземельные собственники, ремесленники и торговцы (вообще мѣщане) вмѣстѣ съ мелкимъ купечествомъ—около 13 милл.; средній и крупный помѣщичій классъ, преимущественно дворяне—$1^1/_2$—2 милл. Всего—около 97 милл.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ экономическомъ значеніи этого общества, укажемъ земельныя владѣнія и годовую производительность зернового земледѣльческаго хозяйства двухъ главнѣйшихъ ея классовъ. Мелкое крестьянство имѣетъ всего ок. 135 милл. дес. земли, помѣщичій классъ—до 90 милл.. Годовая производительность (валовая) распредѣляется почти поровну и составляетъ въ общемъ ок. 1500 милл. руб.**).

Буржуазные классы по количеству значительно уступаютъ феодальнымъ. Классы населенія, наиболѣе подходящіе къ типу этого общества, составляютъ: землед. и городск. пролетаріатъ—ок. 21 милл.; средняя и частью крупная буржуазія и интеллигенція—ок. 4 милл. Всего до 25 милл. Но ихъ капиталы имѣютъ ужъ гораздо большее относительное значеніе: производительность одной только фабрично-заводской промышленности достигаетъ у нихъ 3.000 милл. руб.***).

Составляя эти двѣ группы, мы не должны забывать, что для революціоннаго періода классовый расколъ въ первой

*) Послѣдующія цифры добыты, вѣрнѣе—предположены, путемъ сопоставленія данныхъ переписи 97 г. по сословнымъ и экономическимъ рубрикамъ, какъ онѣ разработаны въ статьѣ И. Чернышева „О всеобщ. избир. правѣ и его примѣненіи въ Россіи“ въ сборн. изд. Глаголева „Правов. государство и всенародн. голосованіе“.

**) См. „Производ. силы Россіи“. Maximum производительности всего сельскаго хозяйства при высшихъ цѣнахъ здѣсь опредѣляется до 3.000 милл. руб.—тогда какъ общая производит. страны составляетъ ок. 7.000 милл.

***) См. „Производ. силы Россіи“. На другія отрасли буржуазнаго производства (транспортъ сухоп. и морской, строит. дѣло, своб. профессіи и пр.) приходится не менѣе 1.000 милл. руб., такъ что въ общей производительности страны (7.000 м.), повидимому, большая часть падаетъ уже на это производство. Впрочемъ, часть крупнаго производства должна бы быть перенесена въ экон. ресурсы реакц. блока.

группѣ гораздо больше ослабилъ ея силу, чѣмъ аналогичная внутренняя борьба во второй. И это, какъ мы видѣли, вытекаетъ изъ самаго характера феодальнаго общества съ его темнотой, слабостью въ немъ общекультурныхъ интересовъ. Возстаніе значительной части крестьянства противъ помѣщиковъ было вмѣстѣ съ тѣмъ отпаденіемъ его отъ реакціоннаго блока, актомъ нейтрализаціи въ политической борьбѣ. Наоборотъ, классовая борьба пролетаріата въ нѣдрахъ буржуазнаго общества не сопровождалась такой же нейтрализаціей его въ политической борьбѣ, и силы прогрессивнаго блока, мало убавились, если не считать „испуга“ нѣкоторой части крупной буржуазіи.

Если, согласно этому, мы выключимъ изъ актива феодальнаго общества крестьянство, то получимъ уже гораздо меньшія величины для характеристики силъ реакціи въ сопротивленіи революціонному движенію. Количество населенія оставшихся классовъ было бы всего ок. 15 милл., землевладѣніе ок. 90 милл. дес. и производительность его въ главномъ продуктѣ не болѣе 750 милл. руб.

Правда, исключивъ в с е крестьянство, мы нѣсколько преувеличили ослабленіе группы. Часть крестьянства несомнѣнно осталась въ ней и выполняла свою реакціонную роль; это было, какъ извѣстно, въ тѣхъ районахъ, гдѣ по какимъ-либо условіямъ земельный вопросъ не носилъ особенно остраго характера. Но, съ другой стороны, не надо забывать и третій критерій групповой силы—степень духовнаго развитія, способность къ общественной организаціи и пропагандѣ. Если не принимать пока во вниманіе одной великой организованной силы первой группы—войска, какъ силы физической, не примѣнимой въ косвенной, „парламентской“ борьбѣ (путемъ печати, пропаганды, экономическаго давленія, выборовъ и пр.).—то несомнѣнно, что при культурной борьбѣ буржуазная группа обладаетъ огромнымъ перевѣсомъ духовныхъ силъ. Въ ея интеллигенціи, а частью и въ самой буржуазіи и рабочемъ классѣ, сосредоточены главныя умственныя силы страны, весь существенный опытъ прогрессивной человѣческой культуры. Принявъ это во вниманіе, мы не найдемъ несообразной ту относительно скромную оцѣнку феодальныхъ силъ, на которую намекаютъ послѣднія изъ приведенныхъ цифръ. Практика подтверждаетъ это: именно въ мѣру такого

соотношенія соціальныхъ силъ получила довольно ограниченное значеніе и наша реакціонная пропаганда. Достаточно обратить вниманіе на выясняющіеся результаты избирательной компаніи, въ которой прогрессивный блокъ одерживаетъ побѣду, не смотря на уродливый законъ представительства *). Законъ, какъ извѣстно, ввелъ представительство разныхъ классовъ, несоразмѣрное ни съ ихъ численностью, ни съ экономической силой (капиталомъ). Онъ произвольно далъ преимущество феодальнымъ куріямъ землевладѣнія передъ „буржуазными“**) куріями горожанъ и пролетаріата. Правда, онъ же обидѣлъ и крестьянъ; но, повторяемъ, въ настоящій моментъ это мало убавило политическія силы феодализма. И если, не смотря на это, идеологія новаго общества беретъ нѣкоторый перевѣсъ—это показываетъ, что въ дѣйствительности перевѣсъ прогрессивныхъ слоевъ теперь, при нейтрализаціи крестьянства, гораздо больше, чѣмъ показываютъ выборы. А на это какъ разъ и намекаютъ наши цифры (15 и 25 милл.).

Но необходимо помнить, что такое соотношеніе силъ имѣетъ мѣсто только въ косвенной, культурной борьбѣ. Всякій разъ, когда теченіе событій обостряетъ ее и даетъ поводъ къ борьбѣ открытой—„феодализмъ“ выдвигаетъ свое войско, полицію и, конечно, побѣждаетъ. Такъ было въ октябрьскіе дни погромовъ и при возстаніи въ декабрѣ. Повторяемъ, войско—не случайная сила, внѣшняя по отношенію къ соціальной силѣ феодализма. Нѣтъ, это по большей части своя сила, это—невѣжественное, соціально-неразвитое крестьянство, котораго въ казармахъ не просвѣтили даже и аграрные безпорядки... Какъ контръ-революціонная физическая сила, феодализмъ имѣетъ поэтому еще подавляющее значеніе.

Кромѣ того, нельзя забывать, что приведенное соотношеніе силъ имѣетъ значеніе лишь для революціоннаго періода, пока откололось крестьянство. Рано или поздно его земельный голодъ потеряетъ остроту—и нетолько чрезъ вѣроятное частичное надѣленіе (въ духѣ кд'-овъ), но и подъ вліяніемъ весьма возможнаго увеличенія спроса на рабочія руки въ

*) См. превосходную въ дѣловой части работу А. Лосицкаго въ „Образованіи“ I и II, „Избирательный законъ Госуд. Думы“.

**) Читатель понимаетъ спеціальное значеніе здѣсь этого термина.

предстоящемъ промышленномъ оживленіи послѣ революціи. Но тогда, съ его возвращеніемъ въ родственную реакціонную группу, перевѣсъ даже и въ парламентской борьбѣ будетъ на сторонѣ феодализма, приближаясь количественно примѣрно къ первымъ числовымъ даннымъ въ нашей оцѣнкѣ *). И это будетъ до тѣхъ поръ, пока дальнѣйшій экономическій прогрессъ не ослабитъ окончательно эту группу какъ по численности ея классовъ, такъ и по величинѣ капитала. А то и другое неизбѣжно будетъ при столкновеніи съ сильнымъ буржуазнымъ производствомъ, концентрирующимъ и населеніе (въ города) и капиталы.

Но, конечно, реакціонныя тенденціи будущаго крестьянства, „вываренаго въ котлѣ“ земельной революціи, не будутъ итти такъ далеко, какъ это было до сихъ поръ. Опытъ, и очень горькій, оставитъ слѣдъ; долго еще будетъ жива память о водвореніи законности въ деревнѣ, а деревенскія бабы будутъ стращать дѣтей казаками и именемъ „дурного“ министра самодержавія. Да наконецъ и земля, полученная при посредствѣ представительства, будетъ напоминать о преимуществѣ демократіи, а нѣкоторое развитіе образованія отучитъ отъ политическаго фетишизма. Не будетъ, впрочемъ, и традиціоннаго самодержавія, за которое можно было бы стоять. Но монархизмъ, воякаго рода православіе долго еще будутъ жить въ крестьянствѣ и служить темной почвой для всякихъ реакціонныхъ партій будущаго, вродѣ тѣхъ, которыя теперь называются „умѣренно-либеральными“.

Въ той же мѣрѣ и культурно-буржуазный строй будетъ водворяться лишь путемъ сравнительно медленнаго процесса, вытѣсняя архаическую психологію деревенской „натуры“. Не будетъ ничего удивительнаго, если многія нормы кд'-ской программы останутся все еще программными и черезъ десятокъ лѣтъ. Было бы слишкомъ оптимистичнымъ думать иначе.

Оптимизмъ, вполнѣ понятный психологически въ революціонной борьбѣ, часто исходитъ изъ предпосылокъ, не имѣющихъ объективнаго значенія. Такъ, наиболѣе обычнымъ является въ такіе моменты безсознательное предположеніе, что

*) Соотношеніе, конечно, должно быть нѣсколько измѣнено въ пользу буржуазныхъ группъ, такъ какъ данныя относятся къ 97 г.

то соотношеніе силъ, которое мы видимъ въ активной революціонной борьбѣ партій, господствуетъ и во всей странѣ, совпадаетъ съ дѣйствительнымъ соотношеніемъ силъ общественныхъ классовъ. Въ силу этого еще недавно казалось, напримѣръ, что пролетаріатъ, бывшій тогда сильнѣйшей революціонной партіей, является сильнѣйшимъ классомъ страны и можетъ пріобрѣсти политическое—если ужъ не соціальное—господство. Вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣивались и третировались, какъ ничтожныя, либеральныя партіи, тогда какъ онѣ—слабыя по революціонной роли за короткій революціонный моментъ и еще не успѣвшія организоваться—имѣли за собой значительныя массы въ обществѣ, да и большіе шансы на ближайшее будущее, разъ вся революція была главнымъ образомъ на пользу имъ. Совершенно такъ же теперь к-д'ты, упоенные парламентскими успѣхами, третируютъ умѣренныя и реакціонныя вражескія силы, смѣшивая партіи съ феодальными реакціонными группами, а эти группы въ ихъ настоящемъ „революціонномъ“ видѣ (съ отколовшимся крестьянствомъ) съ полной общественной массой реакціи. Къ тому же они отдѣляютъ отъ этихъ силъ правительство, какъ что-то особое—и въ нѣкоторомъ тревожномъ почтеніи ихъ передъ этой силой, располагающей войскомъ, нечаянно прорывается коррективъ къ слишкомъ субъективной оцѣнкѣ реакціи.

Нечего и говорить, насколько неправильно это распространеніе партійныхъ оцѣнокъ на соціальныя силы страны. Партіи, какъ передовые и сравнительно ничтожные организованные отряды классовъ, образуются и собираются съ силами не одновременно въ разныхъ слояхъ общества. Такъ, въ началѣ революціи соціализмъ выступилъ съ готовой уже организаціей, созданной въ подпольѣ прежняго режима; либерализмъ, мало боровшійся раньше, былъ мало и организованъ вначалѣ, а феодальные классы, жившіе въ своемъ режимѣ, ничего не добивавшіеся, не имѣли почти никакой организаціи. Уже по одному этому значеніе партій не соотвѣтствовало значенію классовъ. Съ другой стороны, и характеръ борьбы не меньше нарушаетъ это соотвѣтствіе. Партіи и классы, не склонные къ рискованной революціонной борьбѣ —какъ совы къ наслажденію дневнымъ свѣтомъ — оказываются часто очень сильными въ безобидной парламентской

борьбѣ: а вѣдь лишь послѣдній типъ борьбы является въ концѣ концовъ рѣшающимъ, такъ какъ всякая революція заканчивается имъ же.

Въ связи съ этимъ находится другое оптимистичное представленіе: о легкости революціоннаго з а х в а т а—власти, 8 час. рабочаго дня и проч. Но если и предположить удачу, ясно, чѣмъ проявить себя соціальная закономѣрность. Установленныя такимъ путемъ формы будутъ, конечно, не долговѣчны. Созданныя побѣдившей п а р т і е й, онѣ падутъ, какъ только общество перейдетъ съ революціоннаго положенія на относительно мирное; тогда всѣ классы, въ большинствѣ стоявшіе вдали, примутъ равное участіе въ опредѣленіи формъ государства и... возстановятъ обычное равновѣсіе. Да если бы и уцѣлѣли формы—мы знаемъ, дѣло не въ нихъ, а въ ихъ осуществленіи, въ фактической степени свободы общественныхъ отношеній, (ср. Англію и Францію). А это уже предполагаетъ наличность извѣстной культурности массъ, т.-е. такія условія, которыя... не поддаются революціонному захвату.

Въ связи съ утопизмомъ этого рода находится и другое, уже совсѣмъ обывательское воззрѣніе, особенно обычное у либерализма. Мы разумѣемъ фантастическія представленія о послѣреволюціонной реакціи, неизбѣжность которой кажется какимъ-то таинственнымъ и безусловнымъ закономъ. Предполагаютъ даже въ немъ біологическую подкладку: „утомленіе“—и это особенно характерно для либерализма. Намъ думается, что эти представленія нѣсколько метафизичны, а послѣднее и не совсѣмъ вѣрно. Тѣ, кто боролся въ революцію, если и находятся при реакціи въ положеніи отдыхающихъ, то обыкновенно по независящимъ обстоятельствамъ. Если же „утомленіе“ предполагается у болѣе нейтральныхъ слоевъ, то является вопросъ; почему же оно наступаетъ раньше у тѣхъ, кто меньше боролся? А попытаемся мы разрѣшить этотъ вопросъ — мы столкнемся съ точкой зрѣнія, при которой уже не нужны ни метафизика, ни біологія. Оригинальное раздѣленіе труда, когда одни борются, а другіе утомляются и это свое утомленіе возводятъ подъ конецъ въ г о с п о д с т в у ю щ і й общественный фактъ—означаетъ, конечно, распространеніе борьбы на болѣе широкіе круги с ѣ р о й публики. А далѣе сказывается какъ разъ то

несоотвѣтствіе революціонной видимости и соціальной дѣйствительности, о которомъ мы говорили выше. Когда партійная борьба революціи захватываетъ нереволюціонныя массы и растворяется въ нихъ, соотношеніе силъ сильно измѣняется; отсюда и реакція. Это — проявленіе соціальной закономѣрности, крушеніе субъективныхъ партійныхъ оцѣнокъ подъ объективнымъ механизмомъ исторіи.

Къ вопросу о закономѣрности прошлаго революціи и ея вѣроятнаго будущаго можно подойти и съ другой стороны. Есть не лишенное основательности соціологическое наблюденіе: та или иная степень политическаго развитія общества, качество фактическаго режима его стоитъ въ прямой связи съ высотой его культурнаго развитія, и въ особенности экономическаго. Ясно, что это соотношеніе стремится дать нѣкоторый объективный критерій въ пониманіи общественнаго развитія. Не удивительно поэтому, что когда оно приходило въ голову оптимистамъ нашего Sturm und Drang'a, его энергично отвергали; все дѣло, говорили тогда, въ данномъ соотношеніи соціальныхъ силъ, а не въ этихъ слишкомъ общихъ схемахъ *). И такъ какъ соотношеніе соціальныхъ силъ мѣрили при этомъ соотношеніемъ партій, да еще на революціонной аренѣ, то ясно, что для субъективнаго чувства данныя были очень заманчивы. Но такой взглядъ на соціологическое обобщеніе неправиленъ. Оно не противостоитъ анализу соціальныхъ силъ, а обнимаетъ его и не можетъ давать существенно отличныхъ отъ него показаній. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ признаки, по которымъ мы судимъ о высотѣ экономическаго развитія страны, являются въ то же время и показателями относительной силы „старыхъ“ и „новыхъ“ классовъ, степени распространенія новаго способа производства: да иначе и не можетъ быть въ обществѣ, въ которомъ дальнѣйшій экономическій прогрессъ не можетъ принять иной формы, кромѣ буржуазно-капиталистической.

Болѣе существенный недостатокъ критерія заключается въ его неопредѣленности. Неизвѣстно, чѣмъ именно характеризуется экономическое развитіе или общая культура страны, какія количественныя данныя могутъ служить ея

*) См. напр. „Борьба“ № 2, „Монархія или революція?“ Енатто.

надежнымъ показателемъ. Съ другой стороны, для отдѣльнаго народа высота развитія каждаго процесса (экономическаго, политическаго) не фиксируется въ опредѣленныхъ стадіяхъ съ опредѣленными границами — такъ, чтобы, напримѣръ, можно было приводить въ связь опредѣленную стадію одного процесса (экономич.) съ извѣстной стадіей другого (политич.) въ предѣлахъ одной страны.

Но при желаніи имѣть хотя грубое приближеніе, послѣднее затрудненіе устранится, если будемъ имѣть въ виду только сравнительный методъ опредѣленія, сопоставляя данную страну съ другими аналогичными по типу и направленію культуры. Тогда не надо никакихъ стадій, и дѣло обстояло бы примѣрно такимъ образомъ. Допустимъ, что намъ извѣстно мѣсто извѣстной страны въ экономической градаціи другихъ странъ. Если послѣднія однотипны съ нашей и ихъ политическая градація совпадаетъ съ экономическою, мы получаемъ возможность судить о вѣроятной политической организаціей нашей страны.

Что касается другого затрудненія—въ способѣ опредѣленія высоты экономическаго развитія или культурности,— то изъ него можно выйти такимъ образомъ. Сравнительная высота экономическаго развитія разныхъ капиталистическихъ странъ характеризуется очень различными признаками, поддающимися учету: концентраціей населенія въ городахъ, высотой заработной платы, потребленіемъ, производительностью и проч. Если каждый изъ этихъ признаковъ, взятый отдѣльно, не можетъ быть надежнымъ показателемъ высоты развитія, то можно допустить такое значеніе за группой важнѣйшихъ изъ нихъ. Если градаціи, проведенныя по разнымъ характернымъ признакамъ, даютъ согласныя показанія для данной страны, то это уже устанавливаетъ съ нѣкоторой вѣроятностью высоту ея экономической культуры, а за ней и политической.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Степень капиталистическаго развитія характеризуется довольно близко, при современныхъ условіяхъ, ростомъ неземледѣльческаго населенія. Капиталистическія страны располагаются по этому признаку въ слѣдующемъ порядкѣ:

Процентъ неземледѣльческаго населенія въ 90 годахъ.

Англія . . .	83	
Германія . .	64,5	
Франція . .	54	См. Стат. ежегодн. Мин. Фин. 1904 года.
Италія . . .	40	
Испанія . . .	27	
Россія. . . .	22,2	

Развитіе путей сообщенія характеризуетъ высоту развитія обмѣна, товарнаго хозяйства, а по связи съ нимъ — и капиталистическаго. Снабженіе населенія и территоріи желѣзными дорогами, при практикующемся разсчетѣ по средней геометрической между $\frac{\text{длина дорогъ}}{\text{колич. населенія}}$ и $\frac{\text{длина дорогъ}}{\text{площадь территоріи}}$, осуществляется разными странами въ слѣдующемъ порядкѣ.

Англія . . .	9,21	
Германія . .	8,04	
Франція . .	7,85	См. Майо-Смитъ: „Статистика и экономія“.
Австрія. . .	4,80	
Италія . . .	4,10	
Россія. . . .	1,27	

Еще ближе характеризуютъ его данныя о количествѣ внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ (ввозъ + вывозъ) на душу населенія:

Англія	18,4	ф. ст.	
Франція	8,9	„	
Германія	6,4	„	изъ сопоставленныхъ данныхъ „Толковаго тарифа“ Д. Менделѣева (по Мельгаллю) о торговыхъ оборотахъ и данныя о количествѣ населенія въ его „Ученіи о промышленности“ стр. 160.
Италія	3,3	„	
Австрія.	2,9	„	
Испан. и Португ.	2,8	„	
Россія.	1,1	„	

Не менѣе выразительны данныя о богатствѣ народовъ — количествы капитала на душу населенія:

Англія	2,9	тыс.	руб.
Франція	2,4	„	„
Германія	1,5	„	„
Испанія.	1,3	„	„
Австрія.	1	„	„
Италія	1	„	„
Россія	0,6	„	„

Приведено по Мельгаллю у Д. Менделѣева „Ученіе о промышленности“ стр. 175.

Заработная плата сельскохоз. рабочихъ:

Англія . . .	775	фр.
Франція . .	625	
Германія . .	450	
Италія . . .	250	
Россія . . .	153	

см. Масловъ „Усл. разв. с. х. въ Россіи“.

Примемъ во вниманіе, наконецъ, такой общекультурный признакъ, какъ смертность.

Смертность въ 1884—93 гг.:

Англія.	19.2	
Франція.	22,4	
Германія.	24,6	(тамъ же)
Италія.	26,9	
Австрія	28,8	
Россія.	34,7	

Данныя этого рода могли бы быть значительно продолжены. Про нихъ можно только сказать, что они, говорятъ безъ словъ“. Политическія перспективы, какія выглядятъ изъ-за нихъ, знаменуютъ собой „будущее разочарованіе“. Если ихъ сопоставить съ вѣрой и надеждой революціи въ въ лицѣ ея главныхъ агентовъ, съ показаніями субъективнаго мышленія отдѣльныхъ группъ—различіе получается прямо обидное. Активное соціальное чувство не склонно мириться съ этимъ. Безусловность вѣры, переоцѣнка своихъ силъ, оптимистическая тенденціозность оцѣнокъ — все это еще прочно сидитъ въ нашей психикѣ и особенно даетъ себя знать въ моменты, когда обостренное чувство получаетъ господство въ мышленіи.

Но не есть ли это—необходимая принадлежность всякой борьбы за идеалъ? не понижаетъ ли, напротивъ, послѣднюю объективный апализъ, въ которомъ чувствуется тенденція къ „практической политикѣ“, къ борьбѣ лишь за непосредственно осуществимыя цѣли? Мы думаемъ, что если и существуетъ такая связь между объективизмомъ и бѣдностью активнаго „идеализма“, то развѣ лишь психологически. Логической, необходимой связи здѣсь нѣтъ. Вѣрить въ осуществленіе идеала и быть увѣреннымъ, что это будетъ з а в т р а—совершенно различныя вещи. Если я не вѣрю въ осуществимость нормы на завтра, нисколько не понижается вѣра въ нее, какъ принципъ, осуществимый вообще и, главное, не понижается способность борьбы за нее и сегодня. Эта борьба повышаетъ степень распространенія нормы, ея относительную силу на завтра, хотя и не обязательно ведетъ къ ея господству въ этомъ „завтра“; но тѣмъ вѣрнѣе это будетъ послѣ-завтра. Какъ борьба за соціализмъ ведется внѣ связи съ непосредственной осуществимостью, такъ же точно она можетъ вестись и за другіе принципы: полную политическую демократію, полное избирательное право, восьмичасовой рабочій день и пр. Для борьбы важна цѣнность принципа и его общая осуществимость, но осуществимость „завтра“—это нужно лишь для спеціальнаго вида борьбы—борьбы, ставящей много „на карту“. И ее главнымъ образомъ имѣемъ мы въ виду, говоря о перспективахъ.

В. Мечъ.

Въ горахъ Кавказа.

Революціонное движеніе въ сѣверной Осетіи.

Въ нашу печать почти совершенно не проникаютъ извѣстія о томъ грозномъ броженіи, которое замѣчается сейчасъ среди горцевъ въ глухихъ дебряхъ кавказскихъ горъ.

Великая борьба россійскаго пролетаріата и аграрное движеніи, могучей волной разлившееся внутри Россіи нашли, себѣ откликъ въ такихъ глухихъ мѣстахъ, гдѣ мертвую тишину природы нарушаетъ лишь крикъ орла, да эхо выстрѣловъ охотника за турами.

Та борьба, которая съ такимъ упорствомъ, съ такой массой усилій, жертвъ и крови ведется во имя воли и земли— находитъ себѣ самую горячую симпатію въ сердцахъ кавказскихъ горцевъ, пробуждая въ нихъ страстное желаніе лучшаго будущаго. Въ настоящей замѣткѣ я хотѣлъ бы коснуться нѣкоторыхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ Сѣверной Осетіи, тѣсно связанныхъ съ освободительнымъ движеніемъ охватившимъ всю Россію.

Если гдѣ существуетъ малоземелье — то это въ горной Осетіи, — если, гдѣ царствуетъ полный административный произволъ—то это среди горцевъ Кавказа. Трудно представить себѣ ту массу беззаконій, хищеній, насилій и поборовъ, совершаемыхъ разными законными властями на законныхъ основаніяхъ въ этихъ глухихъ уголкахъ, откуда вопль обиженнаго не можетъ достигнуть ничьего слуха. Повѣсть жизни горцевъ также грустна, какъ и повѣсть жизни многострадальнаго русскаго пахаря.

Когда-то осетины привольно раскинулись у предгорій Сѣвернаго Кавказа, представляя изъ себя многочисленный и могущественный народъ. Но потокъ народнаго движенія изъ-за каспійскаго моря отодвигалъ ихъ все дальше и даль-

ше вглубь Кавказа, пока осетины не оказались загнанными въ самыя глухія горныя ущелія и запертыми у входа въ ущелья враждебными племенами. Здѣсь на небольшомъ пространствѣ, на высочайшихъ горныхъ крутизнахъ, безопасныхъ отъ вражьяго нападенія, скучился весь осетинскій народъ и долгое время жилъ своимъ патріархально-родовымъ бытомъ. На занятыхъ мѣстахъ родовыя общины должны были начать упорную борьбу за существованіе съ суровой горной природой. Нужно было повсюду прокладывать горныя дороги, постоянно уничтожаемыя дождями, нужно было бороться съ бурными потоками, адскаго труда стоило созданіе на этихъ горныхъ высотахъ мѣстъ годныхъ для засѣва хлѣбами. Поколѣніе за поколѣніемъ вело эту страшную борьбу съ природой, изнуряемыя одновременно постоянной междуусобной войной.

Тотъ трудъ, который затрачивалъ родъ на расчистку и удобреніе захваченной имъ земли и являлся основаніемъ права владѣнія.

Переходя по наслѣдству, родовыя земли дробились на мелкіе куски и частно-владѣльческій характеръ земельнаго пользованія являлся всегда основнымъ въ горныхъ трущобахъ Осетіи — слишкомъ интенсивной обработки требовала земля, слишкомъ обильно поливалась онъ потомъ и кровью горца для того, чтобы находиться въ общинномъ пользованіи.

Только лѣсъ и пастбища являлись и являются общиннымъ достояніемъ. Какъ передаютъ старики, въ эти далекія времена клочекъ земли въ пространство занимаемое шкурой коровы цѣнился за столько же, сколько стоила корова.

Русскіе, появившись на Кавказѣ, искусно воспользовались безвыходнымъ положеніемъ осетинъ, запертыхъ въ горахъ враждебными племенами. Покоривъ Осетію, они предложили части осетинъ выселиться на плоскость, что тѣ охотно и сдѣлали, и въ дальнѣйшемъ русскіе пользовались осетинами, какъ незамѣнимымъ боевымъ матеріаломъ при покореніи остального Кавказа.

Въ теченіе долгаго времени осетины, будучи самымъ покорнымъ, самымъ лойяльнымъ народомъ изъ туземцевъ Сѣвернаго Кавказа — являлись, занимая два самыхъ военныхъ кавказскихъ перевала военно-грузинскую и военно-

осетинскую дороги, опорой русскаго владычества и „удостоились“ цѣлаго ряда „лестныхъ“ отзывовъ отъ разныхъ „высокопоставленныхъ“ лицъ и народнаго знамени отъ Императора Николая I за беззавѣтную храбрость въ борьбѣ съ враждебными русскимъ племенами.

Теперь эти же осетины изъ горскихъ племенъ первые примкнули къ тому движенію, которое охватило такой широкой и могучей волной всю Россію.

Освободительное движеніе въ Осетіи выразилось въ борьбѣ за лѣсъ, въ борьбѣ противъ духовенства, противъ осетинскихъ феодаловъ помѣщиковъ, и наконецъ принимая все болѣе и болѣе сознательно политическій характеръ, оно переходило на почву революціоннаго самоуправленія и бойкота правительственныхъ учрежденій и установленій, пока правительство въ лицѣ мѣстной администраціи, пользуясь повсемѣстной реакціей, временно не задавило движенія суровыми репрессіями.

Я уже говорилъ, что нѣтъ мѣста, гдѣ бы малоземелье такъ чувствовалось, какъ въ горной Осетіи; тамъ семейство имѣющее одну десятину земли считается зажиточнымъ, большинство имѣетъ не болѣе $^1/_2$ десятины, но много и совершенно безземельныхъ. Эта полная земельная необезпеченность ведетъ къ тому, что все взрослое населеніе горъ съ наступленіемъ весны отправляется на „плоскость“ на заработки: кто стремится заарендовать клочечекъ земли, кто поступаетъ работникомъ, кто вообще стремится какими либо средствами запастись на плоскости хлѣбомъ, чтобы не пришлось ему голодать въ теченіе долгой зимы. Это необезпеченное положеніе горца съ каждымъ годомъ все ухудшается и ухудшается. Нужно замѣтить, что не въ лучшемъ положеніи находится, напримѣръ, горцы-чеченцы. Вотъ, что писалъ еще 1882 году Бернсе *):

„Все населеніе чеченскаго округа, состоящее изъ 81,361 души, стѣснилось на пространствѣ 76 кв. миль; такимъ образомъ на каждое семейство приходится въ аулѣ 5—10 десятинъ, т. е. не болѣе 2 десятинъ на душу (принимая во вниманіе, что большинство горныхъ земель не годно для обработки, этотъ расчетъ является далеко невѣрнымъ. А. Ц.)

*) „Русс. Стар.“ 1882 г. № 10, стр. 10.

При такой тѣснотѣ не только развитіе хозяйства, но даже существованіе народа не можетъ считаться обезпеченнымъ. Теперь не проходитъ весны, чтобы аулы, во время начала полевыхъ работъ, не начинали споровъ изъ-за двухъ-трехъ десятинъ,—споровъ кончающихся всегда схватками и убійствами".

Это было въ 1882 году, за это время населеніе значительно возросло, а между тѣмъ часть земель чеченскаго народа успѣла отойти подъ казачьи станицы и на подарки кумыкскимъ князьямъ и др. лицамъ. Такова земельная необезпеченность испытываемая горцами Кавказа. Для большей выпуклости я хотѣлъ бы провести параллель между положеніемъ горцевъ въ смыслѣ земельной обезпеченности и казачьимъ населеніемъ. По вычисленіямъ Терскаго календаря за 1904 г. душевой надѣлъ въ казачьихъ станицахъ колеблется отъ 11,2 десятинъ въ Сунженскомъ отдѣлѣ до 29,1 десятинъ въ Кизлярскомъ отдѣлѣ.

Такъ какъ въ большинствѣ станицъ земельные надѣлы превышаютъ рабочую норму, то излишки земли сдаются станичными обществами въ аренду. Въ большинствѣ случаевъ арендаторами этихъ земель являются туземцы—горцы Кавказа.

Въ четырехъ отдѣлахъ Терской обл. Кизлярскомъ, Пятигорскомъ, Сунжанскомъ и Моздокскомъ за 1903 годъ было сдано въ аренду, 280489 десятинъ 19,1% всей станичной земли.

Но не одна только земельная необезпеченность гнететъ горца. Онъ переживаетъ сейчасъ тяжелое переходное время. Гибнетъ натуральное хозяйство со своимъ патріархально-родовымъ бытомъ. Торговля и обмѣнъ съ стихійной силой врываются въ обиходъ горца; все, что производилось прежде домашними средствами, начинаетъ замѣняться товарами, приходящими изъ города. Произведенія мануфактурной и заводской промышленности вытѣсняютъ окончательно произведенія домашняго и кустарнаго хозяйства.

Прежде горецъ былъ до нѣкоторой степени и кузнецомъ и плотникомъ и оружейникомъ и вообще всѣ продукты, нужные по хозяйству, онъ выдѣлывалъ самъ по мѣрѣ силъ и и разумѣнія; теперь всѣ его старыя знанія стали совершенно излишними, такъ какъ тѣ же самые продукты труда,

но только обработанные лучше, болѣе красивые и пригодные онъ можетъ купить на городскомъ рынкѣ. Прежде каждый горецъ считалъ своей обязанностью держать у себя козъ и барановъ, такъ какъ послѣдніе давали шерсть, изъ которой женская половина семьи горца ткала матеріалъ на одежду членамъ семьи; теперь эти же самыя вещи—но только болѣе красивыя и фасонистыя можно купить въ любой лавкѣ, и овцеводство совершенно упало. Понемногу рынокъ начинаетъ захватывать горца всецѣло въ свои руки, предоставляя къ его услугамъ всѣ произведенія человѣческихъ рукъ въ ихъ наилучше-обработанномъ видѣ. Домашнее хозяйство горца гибнетъ окончательно, но потребности горца растутъ съ сказочной быстротой. Карты, табакъ, самоваръ можно встрѣтить теперь чуть ли не въ каждой семьѣ.

Жизнь требуетъ отъ горца только одного—денегъ. Жажда денегъ становится для горца мучительной, въ погонѣ за ними горецъ готовъ пуститься на какія угодно рискованныя авантюры.

Раньше горецъ часто предавался разнымъ похожденіямъ. Каждый горецъ считалъ необходимымъ составить себѣ имя, проявивъ свою храбрость, доблесть, отвагу. Если горецъ угонялъ темною ночью лошадей, то онъ кралъ ихъ съ помпой, такъ чтобъ объ этомъ всѣ знали, чтобы слава объ его удали повсюду гремѣла. Дѣвушки охотнѣе выходили замужъ за такихъ отважныхъ людей.

Въ этой кражѣ, совершенной горцемъ ему важнѣе всего было проявленіе своей удали — онъ не искалъ матеріальныхъ выгодъ; — теперь горецъ крадетъ осторожно, иногда гнусно у своего же бѣдняка сосѣда и старается сейчасъ же реализовать свои похожденія въ золото и серебро. Въ то же время мѣняются и взгляды горца — онъ, съ презрѣніемъ относившійся къ торговлѣ, теперь только и мечтаетъ о лавкѣ. Лавка—можно безъ преувеличенія сказать—мечта каждаго горца-осетина.

Вмѣстѣ съ ломкой натуральнаго хозяйства гибнетъ весь общинно-родовой бытъ горца; всѣ его вѣрованія, обычаи, традиціи разлетаются прахомъ; всѣ его старинныя понятія о чести, о достоинствѣ исчезаютъ и горца можно встрѣтить теперь на всѣхъ перекресткахъ жизни, ищущимъ какихъ-либо занятій, готовымъ пойти на какую угодно должность,

какъ бы она не казалась позорной въ сравненіи съ его старинными понятіями, за которыя еще держатся однимъ краешкомъ его односельчане.

Теперь нерѣдко можно встрѣтить горцевъ-осетинъ лакеями у разныхъ баръ—эти осетины никогда не сознаются у себя въ селеніи даже въ тѣсномъ домашнемъ кругу, что они занимаютъ мѣста лакеевъ.

Послѣдній осетинъ-работникъ будетъ съ презрѣніемъ относится къ такому лицу, а между тѣмъ число лакеевъ осетинъ растетъ съ громадной быстротой.

До самаго послѣдняго времени родовой быть и родовая сплоченность не допускали существованія среди горцевъ-осетинъ, нищихъ просящихъ милостыню, теперь таковые начинаютъ появляться, увеличиваясь съ теченіемъ времени и можно уже встрѣтить даже первыхъ ласточекъ проституціи.

Да, нужно сказать, что волны того могучаго процесса промышленнаго развитія, которыя такъ властно хозяйничаютъ въ мужицкомъ царствѣ русскихъ деревень и дѣлаютъ его неузнаваемымъ, докатились до самыхъ глухихъ ущелій кавказскихъ горъ и начинаютъ переворачивать и тамъ все вверхъ ногами.

Зачатки классовой борьбы среди туземцевъ горцевъ Кавказа уже замѣтны для внимательнаго глаза наблюдателя. Къ характеристикѣ современнаго состоянія горцевъ нужно добавить еще,—огромные правительственные поборы и ужасный административный гнетъ. Начиная со старшины и кончая высшими чинами области—все продажно. Продажны и чины судебнаго вѣдомства. Школы, которыми дорожатъ горцы и которыя существуютъ почти въ каждомъ селеніи—испорчены миссіонерскимъ духомъ и явнымъ желаніемъ правительства обратить ихъ въ орудіе руссификаціи и сдѣлать разсадниками православія, самодержавія и народности.

Я долго жилъ въ горахъ Кавказа и достаточно насмотрѣлся на жизнь горцевъ. Я часто наблюдалъ картины, какъ будто взятыя изъ жизни русской деревни, картины способныя питать ненависть къ бюрократической машинѣ въ каждомъ живомъ человѣкѣ.

Съ высоты утеса, на которомъ лѣпилась сакля, бывшая моимъ временнымъ жилищемъ, открывался широкій видъ на глубокую котловину, перерѣзываемую посединѣ горнымъ

потокомъ Фіагдономъ и окаймленную громадными каменными горами, на вершинѣ которыхъ блистали вѣчные снѣга.

По всей котловинѣ были разбросаны небольшіе горные аулы, жизнь которыхъ проходила передъ мной какъ на ладони. Мнѣ часто приходилось наблюдать необычайное движеніе вокругъ небольшихъ домиковъ въ русскомъ стилѣ расположенныхъ въ центрѣ каждаго селенія и называемыхъ сельскими правленіями и я хорошо зналъ, что это значитъ: это сельскія власти, эти кровожадные щупальцы полицейско-бюрократическаго строя выжимали послѣдніе соки изъ какого-нибудь несчастнаго бѣдняги Каспулата, не раздобывшаго нужныхъ денегъ для уплаты правительственныхъ налоговъ и общественныхъ повинностей.

Старшина угонялъ послѣднюю корову и бѣдняга старался какъ-нибудь отбить ее обратно. Въ результатѣ сельская кутузка и протоколъ о сопротивленіи властямъ при исполненіи послѣдними служебныхъ обязанностей, влекущій за собой длинную процедуру поѣздки въ городъ въ судъ и почти вѣрную высидку.

Ежегодно горецъ-осетинъ долженъ уплатить разныхъ поборовъ и налоговъ не считая многочисленныхъ штрафовъ за порубку лѣса и др. 25—30—35 руб. Это платятъ люди, живущіе впроголодь, едва сводящіе концы съ концами. Даже многострадальная русская деревня не знаетъ такихъ цифръ. Обнищаніе туземцевъ и усиленіе разбоевъ и грабежей— явленія тѣсно связанныя между собой. „Власти зарѣзали насъ“ говорятъ осетины, и они вполнѣ правы.

Здѣсь мнѣ казалось бы умѣстнымъ привести одинъ историческій документъ съ широковѣщательными обѣщаніями русскаго правительства, дабы рельефнѣй выступила дѣйствительность:

„Прокламація горскимъ народамъ Кавказа. Главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, намѣстника кавказскаго, генералъ-адъютанта, генерала отъ инфантеріи графа Воронцова.

„Было бы вамъ извѣстно, что я по волѣ Всемилостивѣйшаго Государя Императора Русскаго назначенъ управлять здѣшнимъ краемъ. Его Величеству благоугодно и Его единственное желаніе есть, чтобы здѣсь былъ миръ и спокойствіе. Вамъ извѣстно, что упорная борьба ни къ чему не ве-

детъ болѣе, какъ къ убыткамъ и пролитію крови и это уже доказано предшествовавшими годами. Война эта, вамъ, вашимъ семействамъ не принесетъ ничего хорошаго, кромѣ бѣдствія и невозвратимыхъ потерь. Повѣрьте, что упорствомъ своимъ вы не только вынудите Россію поднять безчисленныя силы и безпощадно наказать васъ всей силою войны. Ужели вы не убѣдились еще въ обманчивыхъ думахъ (?)—что свары и совѣты дурныхъ людей, находящихся между вами, вмѣсто обѣщаннаго блаженства, котораго можно будто бы достигнуть безполезною войною, не приносили вамъ прежде и теперь не принесутъ ничего хорошаго, кромѣ бѣдствій и потерь.—Если вы не послушаете меня, будете вести себя по прежнему, то я буду вынужденнымъ поднять оружіе, разворять ваши села и подвергнуть васъ и семейства ваши неизбѣжнымъ бѣдствіямъ войны... Если совѣты мои послужатъ вамъ на пользу и вы послушаете меня и удовлетворите желаніе моего Великаго Сильнаго Государя, этимъ вы принесете мнѣ величайшее удовольствіе и я съ радостью готовъ излить на васъ щедроты моего Монарха и вы удивитесь Его милостямъ и будете прославлять миръ. Вѣрьте мнѣ, что все обѣщаемое вамъ есть истина, основанная на волѣ моего Государя Императора. Религія ваша, шаріатъ, адатъ, земля ваша, имѣнія ваши, а также все имущество, пріобрѣтенное трудами, будетъ неприкосновенною вашею собственностью и останется безъ всякаго измѣненія. Россійскія войска будутъ защищать васъ отъ враговъ, начальство будетъ заботиться о благоденстіи вашемъ и вы ни въ чемъ не встрѣтите нужды и никогда васъ не постигнетъ никакое бѣдствіе. Теперь я вамъ сказалъ все, что желаетъ мой Государь и что онъ поручилъ мнѣ передать вамъ. Отъ васъ зависитъ воспользоваться счастіемъ принять наше призваніе или нѣтъ; выбирайте одно изъ двухъ...

Еще разъ повторяю, что обѣщанія мои суть священны и они какъ бы собственныя слова моего Великаго Государя, которыя никогда не могутъ подлежать сомнѣнію. Воля моего Монарха и обѣщанія священны и Онъ довѣрителямъ своимъ, какъ и мнѣ ни въ чемъ не отказываетъ"...

Таковы были обѣщанія данныя горцамъ отъ имени русскаго царя. Посмотримъ, какъ они осуществились.

Прежде всего горцы были лишены своихъ лѣсовъ—они отошли въ казну. Затѣмъ и земля, на которой жили горцы, была объявлена государственной, а сами горцы обращены въ потомственныхъ арендаторовъ и переведены въ положеніе крестьянъ. Лѣса всегда считались горцами общественнымъ достояніемъ. Въ лѣсѣ горецъ чувствуетъ безконечную нужду. Нужно знать домашній обиходъ горца, чтобы понимать, какую важную роль въ его жизни играетъ лѣсъ. Одна конструкція жилищъ осетинъ, требующая зимой огромнаго количества дровъ—порождаетъ жгучую потребность въ лѣсѣ.

Правительство, объявивъ всѣ лѣса казенными, отводило горцамъ лѣсные участки на неприступныхъ горныхъ вершинахъ, куда могли забираться только дикіе звѣри. Оно не останавливалось и передъ тѣмъ, чтобы посягнуть на лѣса и земли, принадлежавшіе частнымъ лицамъ.

Сейчасъ мѣстные суды завалены массой земельныхъ и лѣсныхъ тяжбъ съ казной.

Ко всему мѣстная администрація отводила наилучшіе наиболѣе доступные участки въ пользованіе казачьимъ станицамъ.

Лѣсные порубки участились. Штрафы достигли грандіозныхъ размѣровъ. Усилились столкновенія съ объѣздчиками. Наконецъ населеніе не выдержало и взялось за оружіе. Въ короткое время лѣса были очищены отъ лѣсной стражи. Послѣдней было предложено или удалиться навсегда или подвергнуться риску быть убитымъ. Нѣсколько десятковъ лѣсныхъ сторожекъ и караулокъ были сожжены. Лѣсъ снова сдѣлался общественнымъ достояніемъ, однако, жители еще не оказались въ состояніи собственными средствами урегулировать пользованіе лѣсомъ и, боясь, что правительство постарается отобрать лѣса снова, они довольно хищнически начали истреблять лѣсъ.

Со времени этой борьбы за лѣсъ (начало 1905 г.) въ жизнь горцевъ начинаетъ проникать созидающее и организующее начало въ лицѣ осетинъ соціалъ-демократовъ. Соціалдемократія начинаетъ работу и въ глухой Осетіи. Въ далекихъ отъ всего культурнаго міра, въ дикихъ трущобахъ кавказскихъ горъ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ вѣчными льдами и снѣгами поднимается красное знамя и начинаетъ раздаваться страстное слово борьбы. Съ любопытствомъ прислу-

шиваются горцы къ страннымъ рѣчамъ и передъ ними открывается просвѣтъ, они находятъ откликъ своимъ затаеннымъ желаніямъ и близокъ тотъ часъ, когда свобода и ихъ окончательно захватитъ въ ряды своихъ неукротимыхъ борцовъ.

Соціалдемократамъ въ Осетіи приходится вести пропаганду и агитацію главнымъ образомъ на почвѣ программы minimum, не выдѣляя пока за недостаткомъ силъ и подходящей литературы на осетинскомъ языкѣ, особой организаціи пролетарскихъ и полупролетарскихъ элементовъ, годныхъ къ воспріятію соціалистическихъ идей. Вмѣстѣ съ гибелью натуральнаго хозяйства и общинно-родового быта классовая дифференціація въ Осетіи становится все болѣе и болѣе замѣтной, напоминая русскую деревню. Съ одной стороны нарождается сельская буржуазія, съ другой появляется масса элементовъ не обрабатывающихъ больше земли за недостаткомъ средствъ производства, сдающихъ свою землю въ аренду, а самихъ уходящихъ въ городъ на заработки. Не мало и пролетаріевъ чистой воды, работающихъ въ рудникахъ, на желѣзной дорогѣ, въ разныхъ мастерскихъ. Изъ проявленій классовой борьбы заслуживаетъ быть отмѣченной свыше чѣмъ полугодовая забастовка возчиковъ руды изъ Садонскихъ рудниковъ, сопровождавшаяся самыми разнообразными перипетіями вплоть до вооруженныхъ перестрѣлокъ съ казаками и окончившаяся частичной побѣдой. Сильное движеніе замѣчается и противъ остатковъ феодализма, представленнаго въ лицѣ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, захватившихъ въ свои руки громадныя земельныя угодія.

Борьба эта, готовая принять по мѣстнымъ условіямъ характеръ кровавой междуусобицы, была предотвращена соціалдемократами, чтобы не ослабить удара на правительство и не дать возможности вылиться революціонному движенію въ междоусобную рѣзню. Тактика, которой приходилось держаться въ этомъ вопросѣ, по особенностямъ мѣстныхъ условій оказалась значительно отличающейся отъ тактики рекомендуемой с—д—ей по отношенію къ помѣщикамъ внутри Россіи.

Осетинскій помѣщикъ феодалъ совершенно не похожъ на русскаго помѣщика, за исключеніемъ того развѣ, что тотъ и другой являются владѣтелями большихъ лятифундій

и предпочитаютъ отдавать землю мелкимъ арендаторамъ, вмѣсто того, чтобы самому вести хозяйство сообразно съ послѣднимъ словомъ техники.

Осетинскій помѣщикъ это тотъ же самый горецъ-осетинъ, но только гордящійся своимъ происхожденіемъ отъ предковъ, сумѣвшихъ воинской доблестью, а подчасъ хитростью и коварствомъ возвыситься надъ остальными осетинами и подчинить ихъ своему вліянію.

Этотъ бывшій феодалъ не бѣжитъ какъ русскій помѣщикъ изъ деревни, при первыхъ признакахъ аграрнаго движенія—онъ выросъ и жилъ всегда въ родномъ аулѣ среди своихъ помѣстій и городъ ему чуждъ и далекъ,—онъ созываетъ немедленно всѣхъ своихъ родичей и родственниковъ, онъ разсылаетъ гонцовъ къ сосѣднимъ племенамъ и призываетъ фамиліи, съ которыми онъ находится въ родственныхъ отношеніяхъ явиться съ помощью. И всѣ торопятся, и помѣстье феодала обращается въ вооруженный лагерь, въ которомъ всѣ согласно завѣтамъ старины рѣшаютъ лучше умереть славной смертью, нежели нести позоръ оскорбленія и безчестія. И нужно отдать имъ справедливость, эти люди не побѣгутъ, а лягутъ костьми въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ. Хорошо вооруженные, благодаря содѣйствію администраціи — осетинскіе помѣщики представляютъ внушительную силу и борьба съ этими феодалами должна была бы принять характеръ гражданской войны, если бы даже правительство сохраняло нейтралитетъ.

Какъ „меньшинство“ такъ и „большинство“ Р. С. Д. Р. П. въ своихъ послѣднихъ резолюціяхъ признало, что борьба съ помѣщиками есть въ то же время борьба съ современнымъ государственнымъ строемъ; въ процессѣ этой борьбы русскій крестьянинъ окончательно раскуситъ механику современнаго государства, окончательно излѣчится отъ нѣкоторыхъ иллюзій, и станетъ воспріимчивымъ къ идеѣ демократической республики. Ничего подобнаго не получается изъ борьбы осетинъ съ ихъ помѣщиками; если русскіе помѣщики тѣсно связаны съ современнымъ въ Россіи государственнымъ строемъ, съ гибелью котораго прійдется лишиться и имъ лакомыхъ кусочковъ, то осетинъ помѣщикъ, появившійся при иныхъ историческихъ условіяхъ, чуждыхъ русской государственной жизни, органически съ современнымъ

государственнымъ строемъ не связанъ. Здѣсь корень разницы въ тактикахъ, примѣнимыхъ въ Россіи и въ Осетіи.

Въ Осетіи борьба съ помѣщиками перевела бы центръ тяжести въ внутри-народныя отношенія, и гнетъ русскаго правительства, которое ограничилось бы ролью холоднаго зрителя въ этой междуусобной борьбѣ, пересталъ бы играть доминирующее значеніе въ народныхъ мысляхъ. Этого мало. Въ виду того, что всѣ помѣщики исповѣдуютъ магометанскую религію въ то время какъ большинство остальной Осетіи — христіане, неминуемо произошло бы то, что въ эту борьбу начались бы вноситься религіозныя мотивы, а это при существованіи армяно-татарской рѣзни и при возбужденности мусульманскаго міра, могло бы повести къ нежелательнымъ религіознымъ осложненіямъ и на Сѣверномъ Кавказѣ. При такихъ условіяхъ приходилось избѣгать столкновеній съ помѣщиками: центръ тяжести переносится на борьбу съ правительствомъ и на захватъ казенныхъ земель.

Но такое воздержаніе не можетъ продолжаться долго. Жизнь уже выдвинула и на Кавказѣ во всей полнотѣ тотъ аграрный вопросъ, который поставленъ на очередь дня могучимъ потокомъ крестьянскаго движенія, имѣющаго рѣшающее значеніе на развитіе всей русской революціи.—Понятно почему вопросъ этотъ вызывалъ и вызоветъ цѣлый рядъ изслѣдованій и проэктовъ разрѣшенія. Но всѣ эти изслѣдованіи и проэкты страдаютъ тѣмъ, что они исключительно посвящены центральнымъ губерніямъ и на окрайны и вообще на мѣстности съ большимъ количествомъ инородческаго элемента,—а вѣдь это громаднѣйшая площадь,—не обращено никакого вниманія. Если имѣется въ виду изданіе аграрной программы чуждой прожекторства и искусственности, то требуется детальное изученіе своеобразія аграрныхъ отношеній въ различныхъ концахъ нашего отечества.

Нужно ли теперь еще говорить, что пресловутые „отрѣзки“, принятые на второмъ съѣздѣ нашей партіи оказались совершенно непригодными не только въ Осетіи, но и на всемъ сѣверномъ Кавказѣ. И, если даже эти „отрѣзки“ будутъ пониматься въ смыслѣ придаваемомъ имъ тов. Рожковымъ, то и тогда они не встрѣтятъ сочувствія со стороны мѣстнаго населенія, которое думаетъ о полной и рѣшительной экспропріаціи.

Нужно замѣтить, что нарождающаяся среди мѣстнаго населенія соціалдемократія до послѣдняго времени обыкновенно стремилась избѣжать затрудненія, вызываемаго необходимостью разрѣшенія аграрнаго вопроса, ссылкой на учредительное собраніе съ четырехъ-членной формулой. Но такое разрѣшеніе вопроса—это поистинѣ „канцелярская отписка".

Соціалдемократія не можетъ уклониться отъ отвѣта, если она хочетъ играть доминирующую роль въ настоящій революціонный моментъ.

Я думаю вкратцѣ остановиться на главнѣйшихъ теченіяхъ въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса и разсматривать ихъ примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ Сѣвернаго Кавказа.

Если мы возьмемъ выдвигаемую усиленно въ послѣднее время идею націонализаціи земли, то будетъ ли она носить полный характеръ или частичный, она безъ сомнѣнія встрѣтитъ самый горячій отпоръ со стороны мѣстныхъ элементовъ, какъ русскихъ (казачество), такъ и туземцевъ. Все казачество поголовно возьмется за оружіе и будетъ отстаивать неприкосновенность громаднѣйшихъ войсковыхъ земель. Также враждебно отнесутся къ этому мѣропріятію и туземцы, которые ни въ коемъ случаѣ не позволятъ распоряжаться мѣстнымъ земельнымъ фондомъ центральному правительству. О націонализаціи же въ формѣ соціализаціи съ „уравнительнымъ землепользованіемъ" и говорить не приходится, такъ какъ, если областная единица будетъ заключать въ себѣ рядъ національностей, то придется у казаковъ напр. въ Терской области отрѣзать землю въ пользу горцевъ, также придется отрѣзать часть кабардинскихъ земель—а это поведетъ къ самой кровопролитной національной борьбѣ; если же предположить, что границы самоуправляющейся территоріальной единицы совпадутъ съ національными рамками, то „уравнительное землепользованіе" въ этихъ рамкахъ выльется въ внутри-національную борьбу, такъ какъ земельные надѣлы въ селькихъ обществахъ весьма разнообразны и ни одно сельское общество не откажется добровольно ни отъ одной пяди земли, которой оно уже владѣетъ. Когда на одномъ собраніи осетинъ былъ поднятъ вопросъ о захватѣ помѣщичьихъ земель и „уравнительномъ землепользованіи", то сейчасъ же однимъ изъ присутствующихъ простымъ осетиномъ былъ заданъ вопросъ, прійдется ли при „уравнительномъ землепользова-

ніи“ принимать въ расчетъ почти безземельныхъ горцевъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ замѣтилъ, что тогда намъ не только не достанутся помѣщичьи земли, а прійдется отказаться отъ нѣкоторой доли и своей, а на это мы никогда не согласимся.

Націонализація, въ видѣ ли соціализаціи, съ „уравнительнымъ землепользованіемъ“ или безъ него—не только не въ состояніи оплодотворить аграрнаго движенія на сѣверномъ Кавказѣ, но безъ сомнѣнія легко можетъ затормозить тамъ дѣло революціи.

Я не буду останавливаться ни на аграрной программѣ, выдвигаемой к.-д., ни программѣ выдвигаемой тов. Рожковымъ, такъ какъ холодная трезвенность первой, не чуждой охранительства помѣщичьяго кармана отъ посягательствъ разбушевавшагося моря крестьянской стихіи, и искусственность второй равно дѣлаютъ ихъ непригодными передъ запросами жизни. Я перехожу къ муниципализаціи и раздѣлу.

Товарищъ Масловъ, выдвинувшій идею муниципализаціи земли находитъ, что несмотря на разнообразіе условій, муниципализація земли должна быть тѣмъ принципомъ, который можетъ лечь въ основу нашей аграрной программы. Посмотримъ, что будетъ представлять изъ себя напримѣръ, Терская область, если будетъ осуществлена муниципализація.

Въ Терской области въ настоящее время существуютъ слѣдующія національности, говорящія на особомъ языкѣ и имѣющія опредѣленную земельную территорію:

Чеченцы	—204,594	жит.
Осетины	—107,015	„
Кабардинцы	— 87,154	„
Ингуши	— 50,371	„
Кумыки	— 32,403	„
Остальные горцы	— 37,683	„
Казаки	—192,264	„

Затѣмъ идетъ нѣкоторое количество нѣмецкихъ колонистовъ и выходцевъ изъ среднихъ губерній.

Если мы хорошо знаемъ, что различныя національности являются противниками передачи земельнаго фонда въ руки центральнаго правительства, то не меньшими противниками

явятся различныя народности и по отношенію къ передачѣ земельнаго фонда въ руки областныхъ самоуправленій, гдѣ интересы національностей будутъ перекрещиваться. Въ Терской области, гдѣ въ областной единицѣ при демократическомъ самоуправленіи большинство представителей безъ сомнѣнія будутъ туземцы, казачество явится рѣшительнымъ противникомъ такой областной муниципализаціи; не менѣе рѣшительнымъ противникомъ этой мѣры явятся и кабардинцы,—отличающіеся громаднымъ земельнымъ богатствомъ,—однимъ словомъ, всякая національная единица, остающаяся въ меньшинствѣ и не имѣющая гарантіи защиты своихъ земельныхъ интересовъ.

Масса туземцевъ инстинктивно сочувствуетъ идеѣ передачи въ руки націи, а не области, всего земельнаго фонда, расположеннаго въ предѣлахъ національной территоріи. Это была-бы, если можно такъ выразиться, „національная муниципализація". Укажемъ, что много лѣтъ, тому назадъ кабардинцы, безъ всякой сторонней агитаціи на одномъ изъ своихъ народныхъ собраній вынесли резолюцію, которую признаетъ теперь вся кабарда,—что всѣ земли, находящіяся на кабардинской территоріи, они признаютъ собственностью всего кабардинскаго народа и распоряжаются ею при помощи своихъ выборныхъ.

Конечно, самое практическое осуществленіе муниципализаціи въ выше приведенномъ видѣ, поведетъ за собою цѣлый рядъ серьезныхъ затрудненій. Какъ напримѣръ быть въ той же Терской области съ выходцами изъ Харьковской и Полтавской губерніи, расположенными хуторами въ центрѣ Осетіи на проданной имъ осетинскими помѣщиками землѣ? такіе же случаи будутъ и въ другихъ мѣстахъ.

Наряду съ муниципальными стремленіями въ вышеприведенномъ видѣ среди туземцевъ можно замѣтить и склонность къ раздѣлу земель. Но тутъ помимо извѣстныхъ принципіальныхъ соображеній, приводимыхъ сторонниками муниципализаціи противъ раздѣла, приходится сталкиваться еще съ слѣдующими затрудненіями: 1) раздѣлъ земель можетъ происходить только въ рамкахъ отдѣльныхъ національностей, иначе можетъ возникнуть междуусобная національная борьба; 2) земель подлежащихъ раздѣлу внутри каждой національности въ сравненіи съ спросомъ, слишкомъ незначительное

количество, а такъ какъ селенія находящіяся вблизи земель, подлежащихъ раздѣлу считаютъ себя первыми кандидатами на эти земли, не считаясь съ идеей справедливости, то появляется серьезный поводъ къ борьбѣ между различными сельскими обществами.

Одновременно съ борьбой за землю среди осетинъ подымается походъ и противъ духовенства и сельскихъ властей. Больше половины осетинъ христіане.

Осетинское духовенство ничѣмъ не отличается отъ русскаго и такъ же какъ послѣднее служитъ орудіемъ въ рукахъ свѣтской власти. Осетины народъ чуждый какихъ-либо мистическихъ наклонностей,—на религію они смотрятъ практическими глазами и руководствуются латинской пословицей do ut des. Одно старинное сказаніе мѣтко обрисовываетъ народный характеръ осетинъ въ религіозномъ отношеніи. Когда-то давно въ теченіе ряда лѣтъ Осетію посѣщалъ неурожай. Начался голодъ. Народъ безропотно переносилъ испытаніе. Наконецъ, невмоготу ужъ больше стало. Устроили громаднѣйшее народное собраніе. Долго судили, рядили и наконецъ порѣшили поймать ласточку и написать письмо Богу, что если онъ не дастъ урожая, то лишится приносимыхъ ему жертвъ и народъ предложитъ дзуарамъ (духамъ) смѣнить его по старости и негодности. Говорятъ, что угроза возымѣла должное дѣйствіе и страну посѣтилъ неслыханный урожай.

При такомъ отношеніи къ Богу осетины быстро оцѣнивали всю непроизводительность расходовъ на духовенство, тяжелымъ бременемъ ложившихся на ихъ тощій карманъ и порѣшили сократить аппетиты священниковъ, установивъ нормы за требы. Кое-гдѣ особо строптивые священники принуждены были бѣжать, а земля ихъ была отобрана въ пользу сельскихъ обществъ.

Подъ давленіемъ народнаго движенія, чувствуя, что послѣднія нити единенія съ народомъ обрываются и дальнѣйшее пребываніе въ селеніяхъ станетъ невозможнымъ, осетинскіе священники первоначально враждебные всякому народному движенію, вдругъ круто поворачиваютъ фронтъ и на своемъ съѣздѣ выносятъ резолюцію съ крайними политическими требованіями вплоть до созыва Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго прямаго равнаго и тайнаго

избирательнаго права, находя, что народъ доведенъ до крайности политическимъ гнетомъ и экономической необезпеченностью.

Между тѣмъ центральная администрація края обезпокоилась извѣстіями о тревожномъ положеніи дѣлъ среди туземцевъ Сѣвернаго Кавказа. Экстренно командируется особое лицо, которое должно было собрать представителей всѣхъ горскихъ обществъ, объявить имъ о милостяхъ правительства и выслушать просьбы и жалобы.

Представители осетинскихъ обществъ, собравшись предварительно, выработали рядъ требованій сначала общаго характера вплоть до созыва Учредительнаго собранія съ 4-членной формулой, а затѣмъ подробно изложили свои мѣстныя нужды. Гнѣвъ командированнаго лица не зналъ предѣловъ и оно отпустило депутацію съ угрозой расправиться съ крамольниками.

Результатомъ начавшагося броженія среди горцевъ было опубликованіе новыхъ правилъ о выборности старшинъ, а также обѣщанія многихъ милостей, если населеніе будетъ вести себя спокойно. Но движеніе остановить уже не представлялось возможности. Оно разросталось все сильнѣе и сильнѣе, принимая въ отдѣльныхъ мѣстахъ характеръ революціоннаго самоуправленія, какъ напр. въ Куртатинскомъ ущельѣ.

Манифестъ 17 октября послужилъ новымъ толчкомъ для развитія движенія. Митинги, устраиваемые въ селеніяхъ с.-д. выносили резолюціи о солидарности съ борьбой рабочаго и крестьянскаго люда, о необходимости созыва учредительнаго собранія взамѣнъ государственной думы, о признаніи руководства въ борьбѣ за свободу за мѣстнымъ с.-д. комитетомъ и т. д. Вскорѣ разыгралась знаменитая декабрьская забастовка, перешедшая во многихъ мѣстахъ въ вооруженное востаніе. Кавказъ оказался отрѣзаннымъ отъ Россіи; сношенія поддерживались только черезъ желѣзнодорожное бюро. Власти растерялись и во многихъ мѣстахъ самоустранились, ихъ мѣста заняли революціонныя правительства. Ростовъ былъ главнымъ пульсомъ сѣвернаго Кавказа и на немъ сосредоточилось вниманіе всѣхъ.

Тамъ происходила героическая схватка рабочихъ съ дикой ордой казаковъ-калмыкъ. Боевыя дружины спѣшили на помощь Ростову. Въ Осетіи происходила мобилизація отря-

довъ. Но Ростовъ скоро палъ и чувствовалось, что дѣло забастовки проиграно.

Какъ разъ въ это время во Владикавказѣ въ конномъ осетинскомъ дивизіонѣ былъ убитъ приставъ съ городовымъ, пришедшіе ночью сдѣлать обыскъ въ казармахъ. Утромъ дивизіонъ выгналъ всѣхъ офицеровъ, поставилъ патрули и принялъ видъ боевой готовности. Весь городъ страшно встревожился, ожидалось кровавое сраженіе, но власти не рѣшились пустить въ ходъ войско. Среди мѣстной пѣхоты (Апшеронскій полкъ) и артиллеріи замѣчалось броженіе и ожидался общій военный бунтъ. Дивизіонъ выработалъ цѣлый рядъ требованій и забастовалъ впредь до ихъ выполненія; вѣсть о происшествіи въ дивизіонѣ мигомъ распространилась по всей Осетіи и со всѣхъ сторонъ къ городу двинулись на помощь осетины. Однако дѣло не дошло до кровавой схватки. Власти уступили.

Къ сожалѣнію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ революціонная энергія вылилась среди осетинъ въ совершенно нежелательную сторону. Казаки опасались нападенія горцевъ и вотъ атаманъ станицы Ардонъ придумалъ хитрую штуку. Онъ пригласилъ къ себѣ извѣстныхъ разбойниковъ, напоилъ ихъ, предложилъ имъ оружія, если они нуждаются въ немъ и, настаивая на тѣсномъ братскомъ союзѣ между казаками и туземцами, указалъ на армянъ, какъ на общихъ враговъ, которыхъ нужно изгнать съ Кавказа и тогда, якобы Кавказъ вздохнетъ свободно. Для начала, недурно было бы по мнѣнію атамана, разграбить въ Ардонѣ армянскія лавки; онъ обѣщаетъ свое полное содѣйствіе. И вотъ назначается срокъ и происходитъ грабежъ лавокъ. Грабежъ принялъ сейчасъ же интернаціональный характеръ, такъ какъ у горцевъ нѣтъ никакого повода чувствовать какое либо враждебное отношеніе къ армянамъ—разграблены были всѣ лавки безъ различія національностей въ сел. Ардонъ, Алагиръ; волна хулиганская докатилась до Садонскихъ рудниковъ въ Алагирскомъ ущельѣ. Осетины являлись съ арбами, накладывали товары и уѣзжали во свояси. Никто не оказывалъ сопротивленія грабителямъ. Это хулиганское движеніе встрѣтило самое рѣзкое осужденіе со стороны громаднаго большинства населенія. Немедленно же устроенный съѣздъ представителей осетинскихъ сельскихъ обществъ въ сел. Алагиръ, вынесъ

хулиганамъ самое рѣзкое порицаніе. Этотъ съѣздъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ нѣсколько остановиться, такъ какъ на этомъ съѣздѣ намѣтились основныя политическія теченія, существующія въ Осетіи.

Черносотенцы во главѣ съ печальной славы присяжнымъ повѣреннымъ Гаппо Баевымъ*, нынѣ заступающимъ мѣсто владикавказскаго городского головы оказались въ весьма ничтожномъ меньшинствѣ. Политическая платформа ихъ; самодержавіе, православіе и народность. Другой присяжный повѣренный Джантемиръ Шанаевъ оказался лидеромъ небольшой группы осетинскихъ феодаловъ-помѣщиковъ; платформа—манифестъ 17 октября.

Затѣмъ группа націоналъ-демократовъ съ радикальной политической программой и, наконецъ, соціалъ-демократы. Руководство этимъ съѣздомъ соціалъ-демократы захватили въ свои руки. Предсѣдателемъ былъ выбранъ молодой учитель соціалъ-демократъ Гиго Дзасоховъ (арестованъ), редакторъ закрытаго, послѣ перваго же номера „Соціалъ-демократическаго Листка“ „Искра“, издававшагося во Владикавказѣ.

На этомъ съѣздѣ, на которомъ были представители изъ самыхъ глухихъ горныхъ ущелій, главнымъ образомъ выяснилась тактика революціонной борьбы, необходимость осуществленія революціоннаго самоуправленія, необходимость полнаго бойкота правительственныхъ учрежденій и необходимость подготовиться къ тому, чтобы силой отстаивать свои права. Громадное большинство примкнуло къ идеямъ революціонной тактики, и можно сказать, что черносотенцы и правые потерпѣли полное пораженіе.

Этотъ съѣздъ былъ лебединой пѣсней с.-д. въ Осетіи въ эпоху декабрскихъ событій. Реакція надвинулась быстро и рѣшительно. Власти принялись за крутыя мѣры. Тюрьмы переполнились. Многимъ пришлось немедленно же скрыться. Въ Осетію былъ двинутъ экзекуціонный отрядъ — пѣхота, кавалерія и артиллерія.

---

* Этотъ присяжный повѣрен. благодарилъ начальника области за объявленіе области на военномъ положеніи и просилъ отъ имени города продлить военное положеніе. Онъ устроитель черносотенныхъ манифестаціи и самый пламенный ораторъ патріотическихъ собраній.

Начальникъ отряда передъ выступленіемъ произнесъ передъ солдатами рѣчь, въ которой говорилъ о необходимости всегда находиться въ боевой готовности, постоять за царя и отечество и не жалѣть „татарву“. Началась ловля агитаторовъ, разстрѣлъ селеній и взиманіе контрибуцій за порубки „казеннаго“ и частновладѣльческихъ лѣсовъ, а также за разграбленіе лавокъ. Отбиралось огнестрѣльное и холодное оружіе.

Обыкновенно отрядъ, подойдя къ какому нибудь селенію и поставивъ орудія на позицію, требовалъ вынести немедленно контрибуцію и оружіе. Когда жители не исполняли этого требованія—то начиналась пальба изъ пушекъ, сначала мимо селенія, а потомъ въ самое селеніе. У начальства было стремленіе смѣшать хулигановъ съ революціонерами, оно требовало выдачи агитаторовъ наравнѣ съ выдачей конокрадовъ и разбойниковъ.

Были случаи грубаго насилія и издѣвательства. Такъ въ селѣ Христіанскомъ офицеръ приказалъ разрушить домъ одного осетина, братъ котораго студентъ, якобы замѣченъ въ агитаторствѣ. У бѣднаго осетина, должна была родить жена и никто не рѣшился въ селеніи пріютить этого осетина, боясь опалы. Осетинъ поставилъ свое критическое положеніе на видъ офицеру,—послѣдній отвѣтилъ, что даетъ 24 часа его женѣ, чтобы она родила за это время и выѣхала. Черезъ 24 часа, домъ былъ разрушенъ; къ счастью осетинъ успѣлъ со своей семьей выбраться изъ злополучнаго дома. Были случаи изнасилованія. Казаки сжигали сѣно, убивали скотъ и вообще неистовствовали, пока Ахульгинскій резервный батальонъ не предупредилъ ихъ, чтобы они немедленно прекратили безчинства. Угроза пѣхотинцевъ подѣйствовала на казаковъ. Нужно замѣтить, что когда была забастовка въ Ахульгинскомъ батальонѣ, (стоитъ въ Пятигорскѣ), то осетинскій дивизіонъ отказался усмирять его и это много способствовало дружелюбію Ахульгинцевъ къ осетинамъ; дружелюбію не замѣчавшемуся у другихъ частей войска.

Осетины, видя безполезность сопротивленія не оказывали и въ большинствѣ селеній экзекуція не сопровождалась особенными жестокостями. Только въ сел. Магометанскомъ оказались многочисленныя жертвы. Здѣсь начавшаяся неожи-

данная пальба изъ пушекъ по селенію, навела такую панику, что жители бросились изъ селенія.

И тутъ происходили страшныя сцены. Женщины разрѣшались въ снѣгу отъ беремени. Матери теряли своихъ дѣтей, которыя замерзали въ снѣгу.

Раненыхъ и убитыхъ въ этомъ сел. оказалось нѣсколько десятковъ.

За все время экзекуціи войска кормились на счетъ мѣстнаго населенія; во что это обходилось населенію, можно составить себѣ понятіе по одному тому, что въ сел. Христіанскомъ отрядъ простоявшій сутки съѣлъ 12 быковъ.

Размѣръ контрибуціи, наложенный на рядъ осетинскихъ селеній (плоскостныхъ) оказался настолько великъ, что они теперь совершенно разорены; приблизительно на каждую семью приходилось 100 руб. Селеніе Кадгаронъ должно заплатить 60000 руб., Ардонъ 40000 руб., Алагирь 60000 руб., Ногкау 12000 руб., Ново-Христіановское 20000 р. и т. д. Вотъ приблизительный размѣръ контрибуціи.

Заканчивая свой краткій обзоръ освободительнаго движенія въ сѣверной Осетіи, не могу не замѣтить, что осетины уже начинаютъ оправляться отъ паники, наведенной на нихъ отрядами генералъ-губернатора Кулебякина. Они получили цѣлый рядъ наглядныхъ политическихъ уроковъ и окончательно поняли доброжелательность правительства.

Ахметъ Ца-овъ.

Куртатинское ущелье.
1906 г., январь.

Національный вопросъ и пролетаріатъ.

Россійская революція выдвинула на ряду съ другими соціальными проблемами и національный вопросъ. Угнетенныя національности, раздѣляя съ кореннымъ населеніемъ мучительныя послѣдствія общаго безправія, должны еще сверхъ того испытывать всю тяжесть специфическаго національнаго гнета. Лишенныя вмѣстѣ со всѣми русскими гражданами политической свободы, онѣ еще сдавлены кольцомъ ограничительныхъ законовъ. А на помощь полицейской опричинѣ выступаютъ кровавыя бани и Варѳоломеевскія ночи погромныхъ дѣлъ мастеровъ. Провокація, пустившая въ ходъ конспирацію сыскного заговора и безшабашный разгулъ черной анархіи, изъ труповъ воздвигнула контръреволюціонныя баррикады. Понятно, что въ борьбѣ за лучшій порядокъ инородческій пролетаріатъ вложилъ всю страстность измученной души, весь гнѣвъ затаившейся обиды, весь пламень святой ненависти. Ликвидація стараго порядка, ликвидація царства кнута и кабалы, крѣпостническаго озорства и бюрократическаго своеволія, означала для него конецъ безпросвѣтнаго существованія парія, конецъ непрерывной цѣпи униженій и истязаній, конецъ кровавыхъ экспериментовъ агентовъ застѣночнаго отдѣленія и охранной инквизиціи.

Соціалъ-демократія, какъ партія демократическая par excellence прежде всего заинтересована въ уничтоженіи національнаго угнетенія, въ устраненіи національныхъ привилегій, въ полномъ уравненіи гражданскихъ, политическихъ и культурныхъ правъ всѣхъ угнетенныхъ народностей. Но есть еще одна сторона національнаго вопроса, который касается ея какъ партіи соціалистической. Національная борьба мѣшаетъ развитію клас-

совыхъ противорѣчій, сплачиваетъ единоплеменныхъ соціальныхъ противниковъ, разъединяетъ разноплеменныхъ соціальныхъ единомышленниковъ и, такимъ образомъ, задерживаетъ ростъ и проникновеніе соціалистическихъ идей. Поэтому ни одна партія не можетъ конкуррировать съ соціалъ-демократіей въ смыслѣ цѣльности и послѣдовательности требованій, выставляемыхъ въ пользу угнетенныхъ національностей. Буржуазія, какъ таковая, не можетъ покончить съ національными противорѣчіями. Западно-европейская буржуазія, пережившая грозы и бури великой революціи, не уладила національныхъ конфликтовъ.

Однимъ изъ тяжелыхъ наслѣдій, неразрѣшенныхъ вѣкомъ просвѣщенія, является безъ сомнѣнія и національный вопросъ. Когда провозглашена была декларація правъ человѣка и гражданина, когда всѣ общественныя учрежденія, религіозныя вѣрованія, научные догматы, философскія суевѣрія были подвергнуты критикѣ неумолимаго разума, когда молодая буржуазія праздновала медовый мѣсяцъ, увы, непродолжительнаго союза съ прогрессомъ, казалось, что всѣ соціальныя противорѣчія разрѣшены критикой просвѣщеннаго ума. Абсолютный разумъ долженъ былъ стать единственнымъ нелицепріятнымъ судьей, но его абсолютность сама находилась въ зависимости отъ общественныхъ условій. До тѣхъ поръ, пока были скрыты зародыши противорѣчій капиталистическаго общества, абсолютный разумъ могъ еще удерживать свое суверенное верховенство, но по мѣрѣ выступленія тѣневыхъ сторонъ господства новыхъ историческихъ хозяевъ, стала проявляться и дисгармонія между провозглашаемымъ принципомъ и дѣйствительностью. Абсолютный разумъ принималъ все болѣе абстрактный характеръ, пока не превратился въ голую метафизическую идею, враждебную конкретному содержанію жизни. Но въ эту абстрактную форму идеологи господствующихъ классовъ нисколько не затруднялись вмѣстить самое реакціонное содержаніе. Возвышенность принциповъ въ мірѣ „вещей въ себѣ“ и самая низменная практика въ мірѣ явленій. Человѣкъ, какъ самоцѣль въ метафизическихъ высяхъ и человѣкъ, какъ товаръ въ промышленныхъ низахъ. А если бы наивному реалисту вздумалось обратить вниманіе на вопіющее противорѣчіе между формальными абстракціями и ихъ практическимъ воплощеніемъ, то ему, разумѣется, растолковали бы, что міръ дѣйствительности только миражъ, жалкій обманчивый міръ, пестрая смѣна призрачныхъ

явленій, что однѣ „вѣчныя цѣнности“ за то прочны и устойчивы. Такова иронія судьбы, карающая не только отдѣльныя личности, но и цѣлые классы.

Освобожденіе угнетенныхъ національностей было также одной изъ тѣхъ историческихъ ироній, постигшихъ буржуазію. Въ вѣкъ открытій и изобрѣтеній, въ томъ числѣ и „правъ человѣка“, угнетенныя національности были очарованы радужными надеждами. Новыя хозяйственныя формы повидимому болѣе всего благопріятствовали наступленію братской близости. Промышленный капиталъ уничтожилъ цеховыя заставы, растворилъ изолированныя экономическія группы, торговля, ставши всемірной, охватила тѣснымъ кольцомъ все человѣчество. Купецъ несъ знамя сближенія между самыми отдаленными странами. Войны, всегда сопровождающіяся глубокими потрясеніями народнаго хозяйства, должны были отойти въ область преданій. Но мирному сожительству націй капиталистическій способъ ставитъ такіе же неумолимые предѣлы, какъ и въ другихъ сферахъ соціальной жизни. Милитаризмъ выросъ въ видѣ огромнаго полипа, истощающаго хозяйственный организмъ. „Просвѣтительная“ колоніальная политика приняла форму жестокихъ авантюръ, ведущихъ къ истребленію туземцевъ[1]) Не лучше обстоитъ дѣло у себя дома по отношенію къ подчиненнымъ національностямъ. Вражда, преслѣдованіе, гнетъ, экономическое и культурное ослабленіе инородческихъ элементовъ—такова внутренняя политика.

Національныя противорѣчія, раздирающія общество, могутъ быть объяснены только въ связи съ современной экономической структурой. Національная политика не есть нѣчто изолиро-

---

[1]) Усердно рекомендуемый гуманитарнымъ „соціалистомъ“ г. Франкомъ—„идеалистъ“ проф. Виндельбандъ въ своихъ „Прелюдіяхъ“ старается обосновать высшую „нравственную цѣнность“ „грубого права силы“ въ колоніальной политикѣ. „Мы, нисколько не колеблясь,—пишетъ апологетъ огнестрѣльной морали и проповѣдникъ бронированной справедливости,—выражаемъ безусловное одобреніе, когда европейское общество при помощи своей цивилизаціи, при помощи своихъ миссій и завоеваній, при помощи огнестрѣльнаго оружія и броненосцевъ физически и морально разрушаетъ одинъ дикій народъ за другимъ и постепенно стираетъ ихъ съ лица земли. Этимъ нашимъ одобреніемъ мы освящали бы лишь грубое право силы, *если бы мы не были убѣждены, что побѣдоносное общество является носителемъ высшей нравственной цѣнности*“

ванное отъ производственныхъ отношеній, она есть ихъ продолженіе, принявшее національную форму. Какіе классы являются застрѣльщиками шовинистической политики? Кто создаетъ легенды о желтой, черной опасности? Кто мечтаетъ о новыхъ гунскихъ походахъ въ далекія страны? Конечно крупная буржуазія, ищущая сбыта для своихъ товаровъ, домогающаяся выгодныхъ торговыхъ трактатовъ. И этотъ туманъ реакціонной политики заволакиваетъ кругозоръ и мелкаго мѣщанства.

Для клейнбюргера, не имѣющаго надежды въ будущемъ, опоры въ настоящемъ, національная слава является тѣмъ идейнымъ опіумомъ, которымъ тѣмъ охотнѣе она наркотизируется, чѣмъ непригляднѣе дѣйствительность. Такъ обстоитъ дѣло въ государствѣ національномъ (однородномъ по племенному составу), государствѣ же національностей (разнородномъ по племенному составу) шовинистическая возбудимость поднимается уже до температуры кипѣнія. Чтобы достигнуть извѣстнаго вліянія на внѣшнемъ рынкѣ, господствующая національность, въ лицѣ своей буржуазіи, стремится къ сліянію разнородныхъ національныхъ частей внутри государства. Чѣмъ слабѣе внутреннее національное треніе, чѣмъ однороднѣе составъ населенія, тѣмъ большимъ вліяніемъ она можетъ пользоваться на міровомъ рынкѣ, тѣмъ успѣшнѣе оттѣсняетъ она своего конкуррента. Вотъ почему буржуазія господствующей національности стремится къ претворенію разнородныхъ составныхъ частей, нивеллировкѣ ихъ культурныхъ особенностей; съ другой стороны буржуазіи подчиненныхъ національностей являются слишкомъ опасными конкуррентами и на внутреннемъ рынкѣ. Для внутренняго преуспѣянія требуется другая политика—политика угнетенія и изолированія. Пользуясь аппаратомъ принадлежащей ей государственной власти, господствующая буржуазія обрушивается на болѣе слабыя національности, тормозя ихъ культурное и экономическое развитіе. Если во внѣшней политикѣ ея интересы заключаются въ сліяніи, то во внутренней какъ разъ обратно—въ національной обособленности, если за предѣлами своего отечества она выступаетъ отъ имени однороднаго цѣлаго, то внутри его она рѣзко подчеркиваетъ свою національную исключительность. Экспропріируя инородческіе элементы, отчуждая ихъ отъ роднаго языка, культуры, она вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ имъ возможности свободно пріобщаться къ государственной культурѣ, третируетъ ихъ какъ чужаковъ. Ассимилированіе и изолированіе

по отношенію къ подчиненнымъ націямъ—вотъ еще одно изъ многочисленныхъ противорѣчій капиталистическаго государства.

Но въ какой же мѣрѣ болѣе слабымъ національностямъ угрожаетъ подобная майоризація со стороны преобладающей? При самодержавномъ режимѣ грубое право силы проявляется въ самой беззастѣнчивой и циничной формѣ. Въ цѣляхъ „огражденія“ коренного населенія, инородцы ограничиваются въ правахъ передвиженія, владѣнія и доступа въ культурно-просвѣтительныя учрежденія. Создается „черта осѣдлости“ не только для живыхъ, но и для мертвецовъ, которые даже не могутъ быть похороненными внѣ мѣстности, „гдѣ евреямъ жить дозволено“. На почвѣ этого безправія „сверху“, создается безправіе „снизу“. Темная и невѣжественная масса начинаетъ смотрѣть на инородцевъ, какъ на „чужаковъ“, „отверженныхъ“. Всякое посягательство на жизнь и имущество не только покровительствуется, но и поощряется. Національная борьба въ царствѣ всеобщей нивеллировки и всеобщаго безправія не имѣетъ даже самостоятельныхъ корней. Тамъ, гдѣ только тлѣетъ искра національныхъ недоразумѣній, администрація раздуваетъ ее въ пожаръ національной вражды. Абсолютизмъ сталкиваетъ лбами различныя національныя группы. Такъ было въ татаро-армянской рѣзнѣ, такъ было въ чертѣ еврейскихъ погромовъ.

Тамъ же, гдѣ нельзя было инсценировать нападеніе одной части населенія на другую, тамъ спеціально выписывалась горсть босяковъ, которые, въ качествѣ статистовъ отъ контръ-революціи, долженствовали изображать собой населеніе, и вся „черная работа“ непосредственно переходила къ полицейской и военной опричинѣ. Такъ было въ послѣднемъ военномъ погромѣ въ Гомелѣ.

Но если при режимѣ абсолютизма ослабленіе инородца достигается путемъ лишенія цѣлыхъ группъ гражданскаго равноправія, то-есть путемъ выработки спеціальнаго ограничительнаго законодательства, то буржуазное „свободное“ государство, конечно, не можетъ заниматься подобнымъ изъятіемъ. На знамени буржуазіи написано laissez-faire, laissez-passer, она допускаетъ „свободную“ игру конкуррирующихъ между собою общественныхъ силъ. Правда, временами съ тоской она вспоминаетъ объ исключительныхъ законахъ и объ отмѣнѣ конституціонныхъ гарантій для цѣлыхъ группъ населенія. Но мечты объ „упрощенныхъ“ способахъ встрѣчаютъ уже слишкомъ опредѣленную

оппозицію. Зато господствующіе классы находятъ другіе способы ослабить конкуррента въ сферѣ культурно-національной жизни. Тамъ, гдѣ инородецъ выступаетъ какъ гражданинъ, онъ неуязвимъ, конституціонная броня такъ же любовно облекаетъ его, какъ и „коренного", но стоитъ ему появиться въ качествѣ еврея, латыша, поляка, стоитъ ему пожелать школы, суды, общественныя учрежденія на родномъ и понятномъ ему языкѣ, тотчасъ же обнажается ахиллесова пята, въ которую пускается градъ стрѣлъ, отравленныхъ ядомъ національной вражды. „Въ области культурныхъ функцій—народной школы, какъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій, вѣдающихъ дѣла языка, науки и искусства, и сконцентрируется вся накопившаяся энергія воинствующаго націонализма; и эта область должна будетъ стать центральной площадью національныхъ треній. Сюда будетъ выливаться вся воспитанная реакціонными силами ненависть противъ „чужой" національности, не находящая себѣ простора въ другихъ сферахъ государственной жизни и концентрирующаяся какъ въ фокусѣ въ этой области проявленія національныхъ особенностей par excellence. Здѣсь будетъ находиться то русло, по которому направятся ассимиляторскія вожделѣнія, то орудіе, при помощи котораго будутъ проводиться въ жизнь шовинистическіе планы подавленія количественно слабыхъ національныхъ группъ". („Вѣстникъ Бунда" № 5.).

Ослабленіе культуры чужой національности, запрещеніе пользоваться естественными и доступными средствами общенія и принужденіе пользоваться въ школахъ, судахъ и общественныхъ учрежденіяхъ только тѣмъ непонятнымъ для массы языкомъ, которымъ говоритъ господствующая буржуазія или чиновники, ею же поставляемые, это тоже вѣдь одинъ изъ способовъ успѣшной конкурренціи.

Итакъ, національная борьба не ликвидируется съ ликвидаціей стараго режима, а переносится только на другую арену. Грубыя формы безправія и погромовъ—все это остается въ кладовой исторіи, зато тѣмъ большаго вниманія удостоиваются новыя утонченныя средства.

Но оттого, что борьба ведется за культуру, она не превращается еще въ культурную форму борьбы. Конституціонныя государства довольно далеки отъ мирнаго разрѣшенія національныхъ конфликтовъ, такъ какъ тотъ или другой культурный перевѣсъ даетъ и матеріальное преобладаніе.

Изъ-за указа о языкахъ въ 1898 г. возникли волненія въ Вѣнѣ, введено военное положеніе въ Прагѣ и закрытъ былъ парламентъ. Изъ-за предложенія ввести обученіе на словенскомъ языкѣ въ начальныхъ школахъ Штиріи пало министерство Виндишгреца въ 1898 г. Изъ-за открытія итальянскаго университета произошли уличныя схватки. Въ восточныхъ провинціяхъ Германіи тенденція къ онѣмеченію польскаго населенія принимаетъ формы невѣроятныхъ эксцессовъ. Такіе факты, какъ экзекуція дѣтей въ Врешенѣ за отказъ ихъ учиться по нѣмецкому катехизису и послѣдовавшіе затѣмъ суровые приговоры за мирную демонстрацію врешенскихъ жителей противъ экзекуціи, какъ запрещеніе польскихъ собраній подъ предлогомъ непониманія нѣмецкими комиссарами чужого языка, выдѣляются только на общемъ фонѣ культурнаго безправія.

Какъ же отражается національная борьба на классовомъ сознаніи рабочихъ массъ. Опасность предстоитъ двоякая: во-первыхъ, пролетаріатъ, попираемый въ своей культурѣ, лишаемый одного изъ средствъ общенія—свободнаго развитія языка—не можетъ энергично вести свою классовую борьбу. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ орудій борьбы пролетаріата является солидарность интересовъ. Общеніе является выраженіемъ этой солидарности. Но формой этого общенія служитъ языкъ, искусство, литература. Всякое посягательство на эти творческія формы народа парализуетъ объединеніе пролетаріата. Участіе въ общественной жизни ограничивается для него своеобразнымъ образовательнымъ цензомъ, реакціонный характеръ котораго тѣмъ яснѣе выступаетъ, чѣмъ легче имущимъ классамъ, обладающимъ и деньгами и досугомъ, дополнить этотъ пробѣлъ изученіемъ господствующаго языка. Плохо усваивая чужой, встрѣчая препятствія въ развитіи своего языка, онъ въ конечномъ результатѣ не знаетъ ни своего, ни чужого, становится культурно-отсталымъ и не можетъ использовать въ полной мѣрѣ могущественнаго орудія борьбы—средства общенія. Во-вторыхъ, національная борьба, которая для буржуазныхъ классовъ является громоотводомъ протестующей энергіи рабочихъ массъ, мѣшаетъ объединенію пролетаріата различныхъ народностей и стушевываетъ классовыя противорѣчія одной и той же національности. Выступая съ проповѣдью соціальнаго мира, идиллическаго сліянія противоположныхъ интересовъ, имущіе классы „обороняющихся“ національностей рѣзко подчеркиваютъ

внѣшніе конфликты, чтобы легче предупредить—внутренніе. „Насъ одинаково угнетаютъ, одинаково ненавидятъ, одинаково преслѣдуютъ", твердитъ буржуазія своему „родному" пролетаріату, и безсознательныя его части поддаются вліянію этихъ рѣчей, начинаютъ итти въ хвостѣ шовинистическихъ теченій. Націоналистическая амальгама покрываетъ соціалистическія воззрѣнія, а буржуазной идеологіей просвѣчивается пролетарское сознаніе.

Для нейтрализаціи крайностей шовинизма, для возможнаго въ предѣлахъ капиталистическаго строя устраненія внутреннихъ національныхъ конфликтовъ, необходимо выставить опредѣленную конкретную программу, которая разрѣшила бы національныя противорѣчія и въ то же время не суживала бы поля дѣятельности классовой борьбы. Здѣсь уже недостаточно ограничиться требованіемъ національнаго самоопредѣленія, не всѣ виды котораго въ интересахъ пролетаріата. Буржуазные классы угнетенныхъ національностей выставляютъ конкретные лозунги, за нихъ они борются и если пролетаріату обождать, пока сами націи не опредѣлятъ формы своего политическаго существованія, то ему пришлось бы въ будущемъ преклоняться передъ фальсифицированной буржуазными идеологами волей націи. Конкретнымъ лозунгамъ буржуазныхъ классовъ должны быть противопоставлены конкретные лозунги пролетаріата. И партійная программа должна содержать извѣстныя конституціонныя гарантіи и указать на юридическія учрежденія, необходимыя для регулированія національныхъ отношеній.

До сихъ поръ въ разрѣшеніи національныхъ отношеній господствовалъ одинъ принципъ—территоріальный. Нація или возстановляла свое государство на отдѣльной территоріи или же выдѣлялась въ область на федеративныхъ или автономныхъ началахъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ нація выкраивалась по историческимъ территоріальнымъ границамъ. Но такое разрѣшеніе было бы дѣлесообразно, если бы населяемая территорія была бы сплошь однородной по своему національному составу. На самомъ же дѣлѣ у насъ на ряду съ типомъ національнаго государства. Nations-staat, имѣется типъ государства національностей, Nationalitäts-staat, какъ Австро-Венгрія, Турція, Россія, гдѣ націи живутъ смѣшанно, не заселяя сплошь всей территоріи, гдѣ на ряду съ національнымъ большинствомъ

живутъ и національныя меньшинства. Никакая территоріальная геометрія не въ состояніи тогда выкроить область съ однороднымъ по племенному составу населеніемъ. Можно ли достигнуть національнаго умиротворенія даже при проведеніи самаго совершеннаго вида отдѣленія, какъ обогащеніе географической карты новыми государствами.

Но спрашивается какъ провести границы? По историческимъ традиціямъ? Но онѣ не всегда совпадаютъ съ этническими. Напр. въ составъ коронныхъ земель Польши входитъ Сувалкская губернія съ большинствомъ литовскаго населенія. По этническимъ признакамъ? Но тогда придется заниматься черезъ извѣстныя промежутки времени новымъ перекраиваніемъ границъ при всякомъ измѣненіи состава населенія. Забудемъ о томъ, что тотчасъ же поднимется ожесточенный споръ о границахъ между представителями историческаго территоріализма съ одной стороны и—этническаго съ другой, что одна и та же нація въ тѣхъ случаяхъ, когда ей будетъ выгодно, будетъ придерживаться одного принципа, въ другихъ—другого, что самое періодическое перекраиваніе должно сопровождаться націоналистическими эксцессами. Во всякомъ случаѣ, въ предѣлахъ одной области всегда образуется національное меньшинство, которое постоянно будетъ находиться подъ угрозой преобладающаго большинства. Даже та нація, которая въ одной области воспользуется привилегіей большинства—въ другой обречена на жребій мученичества меньшинства

Тоже самое произойдетъ при всякомъ другомъ территоріальномъ разграниченіи федеративномъ или автономномъ. Поле дѣятельности пролетаріата раздѣлено пограничными барьерами, а національные конфликты не только не улажены но и обострены. „Территоріальная автономія—говоритъ Каутскій—совмѣстима съ духомъ буржуазнаго общества, такъ какъ этимъ путемъ каждая нація отдѣляется отъ другой, поднимаясь до степени обособленнаго индивидуума“ (Каутскій. Національный вопросъ въ Россіи). Но и она является еще неудовлетворительной съ точки зрѣнія устраненія національныхъ конфликтовъ. Передача культурно-національныхъ дѣлъ изъ центральнаго законодательнаго парламента областнымъ органамъ ознаменовала собою передачу узурпаціи правъ національныхъ меньшинствъ изъ рукъ господствующей въ государствѣ національности въ руки преобладающей въ области, и территоріалисты, рекомендующіе намъ топить

щуку племенной ненависти... въ воду, послѣдовали бы только примѣру крыловскихъ судей, имена которыхъ сохранились въ архивахъ...

Можно пожалуй возразить, что для обезпеченія національнаго меньшинства *въ области* могутъ быть изданы законы, ограждающіе право на культурное самоопредѣленіе.

Но если бы это возраженіе было бы состоятельно, тогда обезпечивающіе законы были бы достаточны и для національныхъ меньшинствъ *въ государствѣ*. Не зачѣмъ тогда организовать областное самоуправленіе для удовлетворенія *національныхъ* нуждъ. Эти нужды могли бы быть предусмотрѣны общимъ законодательнымъ парламентомъ.

На такой же почвѣ стоитъ союзъ 17 октября, который тоже предоставляетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ культурное самоопредѣленіе, только... безъ соотвѣтствующаго органа—безъ автономіи. Можно всецѣло игнорировать національныя нужды и смѣло итти по стопамъ союза 17 октября и другихъ реакціонныхъ партій, провозглашающихъ „недѣлимость и ненарушимость". Но нельзя регулировать національныя отношенія такъ, чтобы большинство было обезпечено юридическимъ органомъ, въ данномъ случаѣ, областнымъ самоуправленіемъ, а меньшинство охранялось бы только законами, безплодными безъ соотвѣтствующихъ юридическихъ органовъ.

Національное законодательство всегда останется на бумагѣ, пока не будутъ воплощены въ жизнь спеціальныя государственныя учрежденія, гарантирующія правильное функціонированіе законовъ. Австрійское законодательство прекрасно подтверждаетъ эту мысль.

Статья 19 отдѣла основного государственнаго закона объ общихъ правахъ гражданъ австрійской конституціи гласитъ: „Всѣ народности государства равноправны, и каждая народность имѣетъ неприкосновенное право на сохраненіе и развитіе своей національности и своего языка.

„Государство признаетъ равноправность всѣхъ мѣстныхъ языковъ въ школѣ, въ учрежденіяхъ, въ общественной жизни.

„Въ земляхъ, гдѣ имѣется нѣсколько народностей, государственныя учебныя заведенія должны быть такъ устроены, чтобы не будучи вынуждаемы къ изученію второго мѣстнаго языка, принадлежащіе къ каждой изъ этихъ народностей были поставлены въ возможность получать образованіе на своемъ языкѣ".

Итакъ, австрійское законодательство обезпечиваетъ право каждой національности получать образованіе на своемъ языкѣ. На дѣлѣ же законъ остается мертвой буквой, такъ какъ народности, составляющія меньшинство, фактически лишены возможности проводить свои требованія въ жизнь.

Этому традиціонному австрійскому территоріализму платятъ дань существующія партіи. Наши земцы исключительно въ областной автономіи видятъ панацею противъ всѣхъ золъ національныхъ раздоровъ; они дальше австрійской политики, противъ которой давно уже энергично борется австро-венгерская соціалъ-демократія, не пошли. Вотъ почему, когда реакціонные противники польской автономіи на съѣздѣ земскихъ дѣятелей выступили въ столь несвойственной имъ роли защитниковъ національныхъ меньшинствъ, живущихъ въ Польшѣ, автономисты ничего не нашли лучшаго, какъ сослаться на законодательную защиту національнаго меньшинства, которая сама по себѣ, конечно, не можетъ гарантировать отъ майоризаціи преобладающаго населенія.

Они могли бы еще указать и на либеральнаго профессора Градовскаго, утверждающаго, что „на первый разъ всѣ умы заняты *безспорными* странами, то-есть такими, въ которыхъ все народонаселеніе или по крайней мѣрѣ большинство его принадлежитъ къ одной и той же національности“, (Градовскій, т. VI). Но такое рѣшеніе конечно только утвердило бы хищническую политику по отношенію къ цѣлому ряду другихъ національностей, живущихъ въ этихъ „безспорныхъ“ странахъ. Что польская буржуазія не прочь предвкушать пріятное состояніе пожиранія, объ этомъ свидѣтельствуетъ записка гр. Тышкевича и Генриха Сенкевича, въ которой требуется, чтобы польскій языкъ былъ оффиціальнымъ во *всѣхъ* отрасляхъ гражданскаго управленія, въ судѣ и языкомъ преподаванія во *всѣхъ* учебныхъ заведеніяхъ“. („Право“ № 28, 1905 г.). Эта записка совершенно игнорируетъ интересы другихъ національностей и въ то же время, какъ бы безмолвно соглашается на культурное безправіе поляковъ, живущихъ внѣ Польши въ числѣ около 1100000 человѣкъ, то-есть около $^1/_7$ части польскаго населенія Россіи по даннымъ переписи 1897 г. (всего поляковъ въ Россіи 7350000).

Литовскій съѣздъ потребовалъ, чтобы Сувалкская губернія, входящая въ составъ Польши, была присоединена къ будущей

литовской автономной области. Здѣсь мы уже видимъ зародышъ національной борьбы за областное преобладаніе.

Сіонисты, полагая, что еврейскій вопросъ можетъ быть только разрѣшенъ съ возрожденіемъ самостоятельной государственной жизни на родной территоріи, конечно, не претендуютъ на территоріальную автономію въ Россіи. Но пока Палестина рѣетъ въ отдаленныхъ мечтахъ, „реальные политики“ наигрываютъ на шовинистическихъ чувствахъ. Территоріи нѣтъ, но территоріализмъ существуетъ въ видѣ тенденціи надѣлить національно-автономныя учрежденія функціями территоріальныхъ. Что имъ „хедерная“ автономія бундистовъ, эта новая разновидность „общества распространенія просвѣщенія между евреями“? То ли они—широкіе политики. „Ихъ“ національная автономія должна предоставить имъ вести „свою“ національную экономическую борьбу, „свое“ національное мѣстное хозяйство, она должна вмѣстить въ себѣ и признаки областного самоуправленія, несмотря на всю противоестественность подобнаго сочетанія. Нужды нѣтъ, что по вопросамъ соціальнымъ интересы еврейскаго пролетаріата сливаются съ интересами рабочихъ всѣхъ остальныхъ національностей, что мѣстное хозяйство сближаетъ гораздо болѣе жителей одной и той же области, хотя бы и разноплеменныхъ, чѣмъ членовъ одной и той же національности, но живущихъ въ различныхъ областяхъ. Смыслъ одинъ — нужно отгородиться, обособиться по всѣмъ линіямъ общественной и политической жизни. Необходимо образовать еврейскій блокъ вплоть до національной куріи въ парламентѣ. Вмѣсто высокихъ стѣнъ позорнаго гетто должны вырости еще болѣе высокія стѣны національной обособленности. Самостоятельная еврейская политика должна замѣнить территоріальные барьеры, воздвигнутые между отдѣльными національностями. А къ чему приводитъ тактика самостоятельной еврейской политики — объ этомъ повѣдалъ намъ г. Ахадъ-Гаамъ, этотъ вождь духовнаго сіонизма на февральскомъ съѣздѣ союза еврейскаго полноправія. „Если бы оказалось необходимымъ,—заявилъ онъ,—комбинація съ союзомъ 17 октября, я бы ничего противъ этого не имѣлъ; я не пойду правѣе только потому, что партія правового порядка и другія высказываются противъ равноправія евреевъ“.

Соціалъ-народники также не оставляютъ точки зрѣнія территоріализма. Отказавшись отъ прежняго принципа—„дѣлежа“

—федеративной республики, они все же вводятъ его въ свою новую программу подъ видомъ возможнаго болѣе широкаго примѣненія федеративныхъ отношеній между отдѣльными національностями, т.-е. въ концѣ концовъ приближаются опять-таки къ типу федеративнаго государства, нисколько не ограничивая федерализма исключительно сферой культурно-національныхъ дѣлъ. Но подобное территоріальное разграниченіе національностей раздробитъ только силы пролетаріата и сузитъ поле соціальной борьбы, нисколько не разрѣшая національныхъ конфликтовъ въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ. Таковы результаты господства территоріализма.

Для того, чтобы правильно разрѣшить національный вопросъ, необходимо его правильно поставить. Одна изъ самыхъ невѣрныхъ постановокъ этого злополучнаго вопроса заключается въ томъ, что потребности націи смѣшиваются съ потребностями окраины, что территоріальное разграниченіе, удовлетворяющее потребности *мѣста* примѣняется къ группамъ, вовсе *не связаннымъ мѣстомъ*. Національность это экстерриторіальный союзъ, область —территоріальная единица. Національность можетъ быть разсѣяна въ нѣсколькихъ областяхъ одного государства, нисколько не теряя своихъ культурно-психологическихъ чертъ, быта, языка; въ одной области могутъ жить нѣсколько національностей, нисколько не теряя связи по вопросамъ мѣстнаго хозяйства.

„Національность—говоритъ Шпрингеръ—имѣетъ свою внутреннюю природу и не имѣетъ никакого отношенія къ области. Ея не теряешь, если покидаешь область, ея не пріобрѣтаешь, если овладѣваешь ею или нѣсколькими стами гекторовъ ея части. Всякое здоровое національное сознаніе должно протестовать противъ подобнаго пониманія національной принадлежности. Нація—союзъ мыслящихъ и говорящихъ въ одинаковыхъ формахъ, культурная общность людей, не связанныхъ землей. (Springer. „Der Kampf der Oesterreichischen Nationen um den Staat“. S. 35). Самоуправленіе области не можетъ замѣнять самоуправленія націи. Область, отдаленная отъ центра, имѣетъ право на самоуправленіе, если бы она сплошь была заселена кореннымъ русскимъ населеніемъ. Центральный парламентъ не можетъ быть правильно освѣдомленнымъ о мѣстныхъ нуждахъ далекихъ окраинъ, не можетъ своевременно издавать изъ Петербурга необходимыя постановленія. Областная автономія вытекаетъ изъ необходимости административной децентрализаціи

управленія огромнымъ государствомъ. Наши земства представляютъ въ зачаточной формѣ автономное устройство. Въ проведеніи областного самоуправленія должны быть заинтересованы всѣ жители данной области безъ различія національности, потому что кругъ вопросовъ, входящій въ вѣдѣніе органовъ областныхъ самоуправленій, одинаково затрагиваетъ интересы всѣхъ жителей данной области. По вопросамъ мѣстнаго хозяйства жители одной области различныхъ національностей болѣе солидарны, чѣмъ жители различныхъ областей, хотя бы одной народности. Но такъ какъ въ области живутъ нѣсколько народностей, то изъятіе культурно-національныхъ дѣлъ изъ сферы компетенціи областныхъ органовъ становится также необходимымъ, какъ ихъ изъятіе изъ центральныхъ органовъ управленія. Регулированіе культурно-національныхъ дѣлъ должно покоиться на другихъ началахъ, ничего общаго не имѣющихъ съ областными территоріальными рамками. Органомъ культурно-національныхъ дѣлъ должно быть національное же самоуправленіе. Націи должны размежеваться по линіи наибольшаго обостренія своихъ противорѣчій, чтобы тѣмъ тѣснѣе слиться въ общей государственной дѣятельности, отгородиться въ естественно-обособленной сферѣ культурно-національныхъ дѣлъ, чтобы тѣмъ легче разрушить искусственные барьеры и пограничныя заставы между однородными соціальными группами различныхъ національностей. Дифференціація во имя интеграціи, частичное размежеваніе во имя общаго соединенія, культурно-національная автономія во имя государственнаго единства. Но для этого нужно отказаться отъ фетиша территоріализма. „Территоріальный принципъ—пишетъ Springer—говоритъ: живешь ты въ моей области—то подчиняйся мнѣ, моему праву, моему языку. Онъ является выраженіемъ господства, но не равноправія. Изъ этого вытекаетъ и внутриобластная борьба національнотей, и областное политиканство, и національная геометрія народностей въ государствѣ. И подобно тому какъ противъ политической избирательной геометріи имѣется только одно вѣрное средство—пропорціональная система выборовъ, т.-е. сплачиваніе людей съ однородными политическими убѣжденіями независимо отъ округа, точно также противъ національной геометріи единственымъ средствомъ является конституированіе націй, какъ персональные союзы вмѣсто областного преобладанія“ Національное сам

опредѣленіе ставится въ зависимости отъ личнаго сознанія каждаго члена государства. Личности, объявляющія себя принадлежащими къ одной и той же національности, организуются въ національный союзъ для удовлетворенія своихъ культурныхъ нуждъ. Національныя нужды, какъ и конфессіональныя, принадлежа къ сферѣ духовной жизни, должны быть удовлетворены независимо отъ какихъ бы то ни было территоріальныхъ рамокъ. Принципъ „cujus regio, ejus natio“ долженъ быть также изжитъ, какъ начало cujus regio, ejus religio. Если наша мысль эмансипировалась отъ навязыванія чужого культа въ зависимости отъ области, благодаря возможности конституировать религію, какъ персональный союзъ, то необходимо точно также эмансипироваться отъ навязыванія чужого языка, чужой школы и въ сферѣ культурно-національной жизни, организуя націи, какъ союзы лицъ. Только тогда не будетъ мѣста ни національному большинству, ни національному меньшинству, — этимъ двумъ коррелатамъ, питающимъ другъ друга шовинистической возбудимостью, въ свою очередь питающимся областнымъ территоріализмомъ.

Но если нація, подобно религіи, въ сферѣ культурныхъ задачъ должна отдѣлиться отъ государства и отъ области, то это еще не значитъ, что національные союзы подобно религіознымъ, должны превратиться въ privatsache, что государство можетъ только ограничиваться предоставленіемъ національнымъ организаціямъ частной иниціативы, какъ это мыслится по отношенію ко всякимъ другимъ персональнымъ союзамъ. Для государства, поручающаго важнѣйшіе свои интересы—культурно-просвѣтительныя учрежденія дифференцировавшимся отъ него органамъ, вовсе не безразлично, будутъ ли они удовлетворительно поставлены или нѣтъ. Нельзя объявить частнымъ дѣломъ то, что по существу является государственной задачей. Если центральный государственный органъ не въ состояніи успѣшно справиться съ культурно-просвѣтительными цѣлями, то это еще не значитъ, что государство непосредственно не заинтересовано въ успѣшномъ ихъ проведеніи. Но проведеніе въ жизнь просвѣтительныхъ мѣропріятій требуетъ финансовыхъ средствъ, которыя не могутъ покрываться добровольными взносами. Эти средства могутъ быть получены или путемъ участія каждой національности, пропорціонально своей численности, въ общегосударственномъ бюджетѣ, или принуди-

тельнаго финансоваго самообложенія, или сочетанія обоихъ этихъ началъ. Очевидно, культурно-національная автономія неизмѣнно связана съ идеей государственнаго принужденія въ цѣляхъ же государственныхъ. Она не только отдѣляетъ отъ государства культурно-просвѣтительныя цѣли, но и отчуждаетъ отъ него долю государственныхъ полномочій. Идея государственнаго принужденія обыкновенно примѣнялась только къ территоріальнымъ единицамъ: областному самоуправленію, губернскимъ, уѣзднымъ земствамъ, городскимъ муниципалитетамъ. Персональные союзы мыслились, какъ частные союзы, не облеченные государственными полномочіями. Культурно-національная же автономія сочетаетъ экстерриторіальность персональнаго союза и частичныя государственныя полномочія территоріальнаго самоуправленія. Разумѣется, принудительная власть, связанная хотя бы съ финансовымъ обложеніемъ, не можетъ означать запрещенія перехода изъ одного національнаго союза въ другой. Каждая личность свободна въ выборѣ той или другой національной организаціи. Но это обстоятельство нисколько не колеблетъ принципа государственныхъ полномочій культурно-національной автономіи, какъ нисколько не колеблетъ его для территоріальнаго самоуправленія вслѣдствіе переселенія жителей изъ одной области въ другую. Съ переходомъ въ другой національной союзъ личность переноситъ туда же сферу своихъ обязанностей, связанныхъ съ извѣстнымъ подчиненіемъ принудительной власти.

Національное самоуправленіе является, такимъ образомъ, органомъ экстерриторіальнаго національнаго союза, обладающаго частью государственныхъ полномочій.

Культурно-національная автономія не конкуррируетъ съ областной, но ставится рядомъ съ ней. Первая не исключаетъ второй, но дополняетъ ее. Вмѣстѣ съ тѣмъ расчлененіе функціи между двумя типами автономныхъ органовъ нейтрализируетъ ихъ обоихъ отъ крайностей сепаратическихъ эксцессовъ и сохраняетъ значеніе государства, освобожденнаго, поскольку это мыслимо въ капиталистическомъ обществѣ, отъ національныхъ и окраинныхъ противорѣчій, главнымъ образомъ, какъ выразителя классовой борьбы. Только тогда классовыя противорѣчія могутъ выступать во всей своей рѣзкой непримиримости.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что сама идея культурно-національной автономіи связана съ опасностью сепара-

тизма. Вѣдь пролетаріатъ и буржуазія соединятся вмѣстѣ для удовлетворенія своихъ *общихъ* нуждъ. Здѣсь фактически осуществляется status in statu, маленькое національное гетто, въ которомъ потонутъ классовыя противорѣчія. Но такія опасенія имѣли бы мѣсто, если бы у единоплеменныхъ пролетаріевъ и буржуа были бы дѣйствительно общія культурныя цѣли. На аренѣ всякой парламентской дѣятельности происходитъ часто внѣшнее объединеніе соціальныхъ противниковъ, то-есть совмѣстное участіе въ государственной жизни. На самомъ же дѣлѣ это совмѣстное участіе увеличиваетъ пропасть между противоположными соціальными группами. Только поверхностный анархизмъ можетъ не замѣчать углубленія и проясненія классоваго сознанія, благодаря участію пролетаріата въ современномъ представительствѣ. Не будетъ этого соціальнаго объединенія и на почвѣ культурно-національныхъ цѣлей. Изъ самаго элементарнаго анализа можно убѣдиться, какое различное содержаніе вкладываетъ въ понятіе національности пролетаріатъ и буржуазія, какіе противоположные интересы затрогиваетъ оно. Поскольку буржуазія будетъ стремиться наложить печать національной обособленности на всю культурную жизнь, сдѣлать школу орудіемъ привиллегированныхъ классовъ, постольку же пролетаріатъ будетъ бороться противъ всякаго проявленія шовинизма, будетъ отстаивать полную демократизацію школы. И на почвѣ культурныхъ цѣлей разыграется классовая борьба внутри одной и той же націи. Подъ давленіемъ общаго врага—вмѣшательства буржуазіи преобладающей національности, дѣйствительно предстоитъ угроза стушевыванія классовой противоположности, которая можетъ только яснѣе окристаллизоваться съ устраненіемъ этого вмѣшательства. Національная борьба тогда не только не будетъ заволакивать пролетарскаго сознанія, но и классовая непримиримость выступитъ на почвѣ „общихъ“ культурно-національныхъ интересовъ. Соціальная борьба не понизится до національной исключительности, но и національно-культурная дѣятельность поднимется до классоваго самосознанія.

Кто не хочетъ сепаратизма, тотъ прежде всего долженъ позаботиться, чтобы духъ національнаго партикуляризма не проникалъ въ парламенты ни областные, ни общіе, чтобы избирательная агитація не сплачивала единоплеменныхъ соціальныхъ противниковъ въ общій національный блокъ. Кто вѣритъ, что аксіома — „прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками“

примѣнима къ области соціальныхъ явленій, тотъ конечно не сочтетъ нужнымъ позаботиться о спеціальныхъ національныхъ юридическихъ учрежденіяхъ, которыя бы послужили плотиной противъ напора шовинизма. Но для, того кто внимательно слѣдитъ за разыгрывающейся оргіей національной вражды, кто видитъ неустанныя стремленія усыпить пролетарскую бдительность націоналистическими конфликтами, кто опасается подчиненія малосознательной части рабочаго класса идеологіи буржуазіи, тотъ конечно не будетъ считать національный вопросъ слишкомъ маловажнымъ, чтобы предоставить всецѣло его разрѣшеніе буржуазнымъ партіямъ. „Пролетаріатъ,—говоритъ Каутскій,—нуждается въ разрѣшеніи національнаго вопроса, такъ какъ *только тогда, когда государство королевствъ и земель замѣнится такимъ государствомъ, въ которомъ національности будутъ автономно жить рядомъ и совмѣстно работать,—только тогда можетъ проявиться классовая борьба пролетаріата въ своемъ чистомъ видѣ.* Самостоятельность націи является естественно необходимой предпосылкой всякой современной классовой борьбы; народъ долженъ быть свободнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, лишь тогда пролетаріатъ будетъ въ состояніи выступить противъ своего соціальнаго противника во всеоружіи. Пролетаріатъ для своего нормальнаго и всесторонняго развитія нуждается въ независимости своей націи не менѣе, чѣмъ во всеобщемъ избирательномъ правѣ, въ свободѣ собраній и печати. Пролетарская интернаціональность означаетъ не игнорированіе національности, а свободу и равноправіе націй. (Каутскій. Борьба національностей и государственное право въ Австріи).

Въ этомъ же духѣ австрійская соціалъ-демократія на Брюннскомъ партейтагѣ въ 1899 г. вынесла резолюцію по національному вопросу. Исходя изъ того, что „національныя распри въ Австріи препятствуютъ всякому политическому развитію..., и продолженіе національной борьбы является однимъ изъ тѣхъ средствъ, которыми господствующіе классы обезпечиваютъ себѣ свое господство“ брюннскій партейтагъ, считаетъ, что „окончательное рѣшеніе національнаго вопроса и вопроса о языкахъ въ Австріи въ духѣ равноправія и благоразумія является прежде всего культурной необходимостью, а потому одной изъ насущнѣйшихъ потребностей пролетаріата“. Для того чтобы національности могли бы автономно управлять своими націо-

нальными дѣлами, австрійская соціалъ-демократія однимъ изъ своихъ требованій выставила:

„Вмѣсто историческихъ коронныхъ земель образуются *національно отграниченныя* самоуправляющіяся единицы, законодательства и управленіе которыхъ сосредоточиваются въ національныхъ палатахъ, избранныхъ на основаніи всеобщаго и прямого избирательнаго права".

Такое рѣшеніе даетъ возможность предоставить культурную самостоятельность и тѣмъ національностямъ, которыя, по историческимъ условіямъ своего развитія, не могутъ претендовать на коронную область. Конституированіе націй внѣ сферы исторической территоріи устраняетъ необходимость отдѣлять козлищъ отъ овецъ и сортировать націи по признаку территоріальной самостоятельности. Такъ, наприм. часто оспаривалась примѣнимость культурно-національной автономіи къ потребностямъ еврейскаго пролетаріата, при чемъ въ качествѣ аргумента фигурировало отсутствіе у евреевъ территоріи. Если во всякомъ сужденіи, основанномъ на силлогизмѣ: „всѣ люди смертны, Кай—человѣкъ, слѣдовательно Кай—смертенъ", весь центръ тяжести логическаго мышленія сосредоточивается въ доказательствѣ первой общей посылки, частный же случай, какъ бы естественно подводится подъ общую, то въ данномъ вопросѣ приходится останавливаться и на аргументаціи второй посылки. Нашъ силлогизмъ: „ко всѣмъ націямъ примѣнима культурно-національная автономія, евреи—нація, слѣдовательно и къ нимъ примѣнима культурно-національная автономія", не будетъ достаточно убѣдителенъ, пока не выяснится несомнѣнное существованіе евреевъ, какъ національности. Но такъ какъ это привело бы къ самостоятельной темѣ—къ проблемѣ еврейской національности, то приходится лишь въ общихъ чертахъ изложить аргументы по данному вопросу. Если понятіе національности тѣсно связывать съ понятіемъ самостоятельной территоріи или существованія подобныхъ традицій, гдѣ она утрачена, то въ этомъ смыслѣ евреи дѣйствительно перестали быть національностью. Но государственной самостоятельностью не исчерпывается національная жизнь, которая можетъ достаточно проявляться въ сферѣ культурнаго творчества. Въ этомъ только смыслѣ и примѣнима къ еврейскому народу культурно-національная автономія, которая ничего не можетъ имѣть общаго съ воскрешеніемъ засохшей муміи самостоятельныхъ государственныхъ формъ.

Слѣдующее возраженіе заключается въ томъ, что послѣ гражданскаго уравненія правъ евреевъ, они разсѣются по всей Россіи, перестануть употреблять еврейскую разговорную рѣчь и сольются съ кореннымъ населеніемъ. Подобное возраженіе подкрѣпляется еще ссылкой на примѣръ западноевропейскихъ евреевъ, которые послѣ своей эмансипаціи слились съ кореннымъ населеніемъ. Что касается ссылки на западно-европейское еврейство, то необходимо замѣтить, что, будучи ничтожнымъ по своей численности, по своей соціальному составу оно принадлежитъ къ буржуазнымъ группамъ, классовый инстинктъ которыхъ толкаетъ на путь ассимиляціи. Становясь подъ флагомъ преобладающей національности, онѣ сами заражались духомъ „господскаго“ шовинизма и сливаясь съ кореннымъ населеніемъ, мѣняли только національстическую окраску. Ассимиляторъ въ сущности ничто иное, какъ поставленный внизъ головой націоналистъ, и всякій разъ какъ антисемитическое умопомраченіе начинало овладѣвать европейскимъ обществомъ, онъ часто опять становился на ноги, то-есть превращался въ сіониста.

Русское еврейство въ 70-хъ годахъ также находилось подъ вліяніемъ идеи ассимиляціи. Ея революціонное и просвѣтительное значеніе, заключавшееся въ уничтоженіи узкихъ національныхъ заставъ, въ разрывѣ инородческихъ массъ съ религіознымъ фанатизмомъ и невѣжествомъ, было огромно. Но ассимиляція, явившись теоретическимъ выраженіемъ практической потребности промышленности, должна была на извѣстной стадіи своего развитія стать въ противорѣчіе съ народившейся общественной силой—еврейскимъ пролетаріатомъ. По мѣрѣ обостренія капиталистическихъ противорѣчій внутри еврейской національности, духовная эмансипація еврейскихъ массъ завершается не подъ руководствомъ буржуазныхъ апологетовъ внѣклассоваго просвѣтительства, а подъ знаменемъ интернаціональной солидарности соціалъ-демократіи. Да и сама ассимиляція постепенно теряетъ свою болѣе симпатичную сторону—просвѣтительную, и вырождается въ трусливое заигрываніе съ господствующей бюрократіей и въ рабское бездушное копированіе чужой національности. Не черезъ буржуазную ассимиляцію еврейскій пролетаріатъ пріобщится къ благамъ европейской цивилизаціи, а черезъ сознаніе своей классовой солидарности съ пролетаріатомъ всего міра.

Тѣ, которые возражаютъ, что, по достиженіи гражданскаго

равноправія, евреи разсѣются по необъятному пространству Россіи, не считаются съ тѣмъ обстоятельствомъ, что скученность еврейскаго населенія въ чертѣ осѣдлости не вызывается естественнымъ перенаселеніемъ, а особеннымъ безправнымъ положеніемъ еврейскаго народа. Уравненіе гражданскихъ и политическихъ правъ евреевъ, улучшеніе экономическихъ условій деревни и увеличеніе ея потребительныхъ силъ, дальнѣйшій ростъ капитализма безъ сомнѣнія должны увеличить емкость и населенія въ чертѣ осѣдлости. Во всякомъ случаѣ, переселеніе во внутреннія губерніи Россіи произойдетъ насчетъ того огромнаго эмиграціоннаго потока, который въ настоящее время устремляется въ заатлантическую республику подъ вліяніемъ несносныхъ условій существованія въ современной Россіи. Но все же это еще далеко до превращенія еврейства въ національную пыль, которая должна развѣяться по всему русскому государству. Послѣ нѣкотораго естественнаго разрѣженія, которое можно ожидать съ уничтоженіемъ кордоновъ, мѣшавшихъ евреямъ переступать запретныя границы „черты“, дальнѣйшее ихъ переселеніе ничѣмъ существеннымъ не будетъ отличаться отъ передвиженія всѣхъ остальныхъ народностей. Еврейскій языкъ также останется языкомъ широкихъ массъ. Такое явленіе вполнѣ отвѣчаетъ природѣ пролетарскаго движенія. Политическое пробужденіе инородческаго пролетаріата знаменуетъ собою пробужденіе и народныхъ діалектовъ. Широкая агитація на родномъ языкѣ расчищаетъ почву и для болѣе высокой литературы. Тотъ самый языкъ, на которомъ массы усваиваютъ истины соціализма, на которомъ онѣ изучаютъ произведенія Маркса, Энгельса, Лассаля, получаетъ дальнѣйшее развитіе. Богатству идей начинаетъ соотвѣтствовать и гибкость формы, и языкъ агитаціи становится языкомъ литературы.

„Въ девятнадцатомъ столѣтіи,—пишетъ Каутскій,—школьное образованіе массъ становится экономической необходимостью... На ряду съ книжной литературой возникаетъ газетная, и обѣ проникаютъ все въ болѣе и болѣе широкіе слои народа. Благодаря этому и среди мелкихъ націй появляется собственная литература, прежде всего газетная, которая качественно бываетъ довольно сомнительнаго свойства, но которая расчищаетъ почву для высшихъ формъ оригинальной національной литературы и которая впервые вводитъ въ сознаніе массъ чувство общности ихъ языка и ихъ національной особенности.

Всѣ эти основы современнаго національнаго движенія глубоко коренятся въ тенденціяхъ развитія современнаго общества. Исторически онѣ вполнѣ оправдываются и всякое искусственное препятствіе ихъ росту равносильно преградѣ росту соціальнаго развитія.

Пролетаріатъ не только не настроенъ враждебно къ подобнаго рода національнымъ движеніямъ, но и самымъ непосредственнымъ образомъ заинтересованъ въ ихъ спокойномъ преуспѣяніи". (Каутскій. „Борьба національностей и государственное право въ Австріи").

Эти слова Каутскаго могутъ быть вполнѣ примѣнимы къ еврейскому разговорному языку, ростъ котораго идетъ параллельно съ развитіемъ пролетаріата. Тамъ, гдѣ капиталистическія условія раскололи уже національности на враждебные классы, изъ которыхъ классъ производителей начинаетъ дорожить роднымъ языкомъ прежде всего, какъ средствомъ общенія и выраженія классовой солидарности, тамъ заранѣе можно предсказать пораженіе ассимиляторскихъ тенденцій. Языкъ, поднявшись на такую высоту, что въ состояніи обслуживать пролетарскія нужды, получаетъ дальнѣйшіе импульсы для своего развитія. Въ этомъ смыслѣ развитіе жаргонной литературы является, конечно, не слѣдствіемъ требованія культурно-національной автономіи. Сама по себѣ культурно-національная автономія не можетъ прививать потребности въ родномъ языкѣ тамъ, гдѣ естественныя историческія условія толкаютъ на путь ассимиляціи. Являясь позитивнымъ творческимъ началомъ, какъ юридическій органъ, она ограничивается чисто негативной дѣятельностью въ смыслѣ огражденія отъ насилія, но не навязыванія своихъ національныхъ формъ.

Развиваемая въ настоящей статьѣ точка зрѣнія находитъ свое выраженіе въ резолюціи VI съѣзда Бунда, происходившаго въ октябрѣ 1905 г.

„Въ виду того, что національное угнетеніе во всѣхъ его формахъ самымъ вреднымъ образомъ отражается на интересахъ освободительной борьбы всего пролетаріата даннаго государства, затемняя его классовое сознаніе, а на рабочій классъ угнетаемой націи падаетъ всей своей тяжестью, задерживая развитіе его силъ во всѣхъ областяхъ его жизни и искажая его классовую борьбу, соціалъ-демократія обязана бороться противъ всякаго національнаго гнета, какъ прямого, такъ и косвеннаго, и

считаясь съ тѣмъ, что лишь соціализмъ, уничтоживъ въ корнѣ всѣ формы классоваго господства, принесетъ съ собою и полное освобожденіе отъ всякаго національнаго гнета,—должна въ предѣлахъ капиталистическаго строя стремиться къ завоеванію возможнаго въ буржуазномъ обществѣ максимума гарантій противъ національныхъ конфликтовъ.

Принимая далѣе во вниманіе, что такимъ обезпеченіемъ, помимо общей демократизаціи государственнаго строя и обычныхъ гарантій равноправія гражданскаго и политическаго, какъ и равноправія въ области языка, является лишь созданіе государственно-правовыхъ учрежденій, открывающихъ каждой націи возможность свободнаго культурнаго развитія; что при разноплеменномъ составѣ населенія россійскаго государства и невозможности территоріальнаго разграниченія населяющихъ его національностей, все болѣе перемѣшивающихся между собою по мѣрѣ развитія капиталистическаго хозяйства, указанныя государственно-правовыя учрежденія могутъ вылиться лишь въ экстерриторіальную форму національно-культурной автономіи".

Исходя изъ этого, Бундъ выставляетъ въ одномъ изъ своихъ пунктовъ, слѣдующее требованіе:

Національно-культурная автономія: изъятіе изъ вѣдѣнія государства и органовъ мѣстнаго и областного самоуправленія функцій, связанныхъ съ вопросами культуры (народное образованіе и пр.) и передача ихъ націи въ лицѣ особыхъ учрежденій: мѣстныхъ и центральныхъ, избираемыхъ всѣми ея членами на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

Примѣчаніе. Національно-культурная автономія не исключаетъ сохраненія за центральной законодательной властью права устанавливать нѣкоторыя обязательныя нормы по вопросамъ, общимъ всѣмъ населяющимъ Россію національностямъ, какъ-то: обязательность начальнаго образованія, свѣтскій характеръ обученія и пр., и права контроля за соблюденіемъ этихъ нормъ. („Евр. Рабочій" № 1).

Передъ лицомъ соціалъ-демократіи національный вопросъ выступаетъ на ряду съ другими соціальными проблемами. Для нея, какъ партіи пролетаріата, охватывающаго угнетенныя народности, далеко не безразлично, какое направленіе приметъ рѣшеніе этого вопроса,—сдѣлаются ли наши окраины ареной

національностической борьбы, или пойдутъ по пути мирнаго культурнаго развитія.

Въ національномъ гнетѣ до сихъ поръ обнаруживалась идеальная сущность бюрократіи. Здѣсь она достигала административной виртуозности. Погромы были ея обычными аргументами, безправіе—ея школой реакціонной доблести, національная ненависть—послѣдними фортами отступающаго стараго порядка. Этотъ долгій опытъ угнетателя по линіи наименьшаго сопротивленія сослужитъ великую службу и преемственной наслѣдницѣ феодализма—буржуазіи. За этими бастіонами національнаго угнетенія не прочь будетъ она укрѣпиться. Къ этому атавистическому прошлому не прочь будетъ она возвращаться всякій разъ, когда призраки будущаго внушатъ опасенія настоящему.

Но всякое обостреніе національныхъ конфликтовъ приведетъ только къ притупленію классовыхъ противорѣчій, мирное же улаженіе національныхъ распрей прояснитъ классовое сознаніе, увеличитъ революціонный размахъ пролетаріата. Въ то время, какъ бюрократія расчленяетъ Россію самодержавными сатрапіями, въ то время, какъ буржуазія стремится сдѣлать страну ареной безконечныхъ столкновеній между аггрессирующимъ большинствомъ и обороняющимся меньшинствомъ, соціалъ-демократія, выставляющая на своемъ знамени единство классоваго сознанія, является въ то же время носительницей идеи и государственнаго единства Но единство классоваго сознанія пролетаріевъ всѣхъ національностей можетъ найти свое выраженіе въ союзѣ автономно-управляющихъ своими культурными дѣлами націй. Единственный классъ, на который съ надеждой могутъ взирать угнетенныя національности,—классъ пролетаріевъ. Пролетаріатъ, по выраженію Энгельса, ловитъ всегда буржуазію на словѣ. Всякій разъ, когда она предъявляетъ какое-нибудь демократическое требованіе, онъ углубляетъ его, проводитъ его послѣдовательно. Русская революція, совершающаяся при активномъ участіи рабочихъ массъ, должна принести освобожденіе и стонущимъ подъ игомъ безправія національностямъ. И задача соціалъ-демократіи заключается, конечно, не въ томъ, чтобы спасти оппортунизмъ отъ революціи, а въ томъ, чтобы спасти революцію отъ оппортунизма. Только тогда дѣло національнаго освобожденія можетъ очутиться въ надежныхъ рукахъ.

Одна цѣпь сковала всю пролетарскую семью, но внутри ея

томятся отдѣльныя группы въ оковахъ національнаго гнета. Та энергія, которая уходитъ на сокрушеніе общей соціальной цѣпи, отчасти парализуется противодѣйствіемъ частичныхъ оковъ, и тотъ день, когда послѣднія спадутъ, всѣ отдѣльныя стремленія соединятся въ общій порывъ, всѣ разрозненныя движенія сольются въ могучую силу. Тогда наступитъ великій канунъ великаго „другого дня“ человѣческой исторіи.

Т. Гейликманъ.

Къ вопросу о формахъ пролетарской борьбы.

I.

Существуетъ такая схема пройденныхъ русской революціей этаповъ:

1) разрозненныя стихійныя стачки
2) всеобщія организованныя стачки
3) частичныя вооруженныя возстанія
4) всероссійское вооруженное возстаніе

Эта схема въ глазахъ тѣхъ, кто ее строитъ, имѣетъ не только значеніе констатированнаго факта, т.-е. является не только упрощеннымъ отраженіемъ дѣйствительнаго хода событій, но—построеніемъ, такъ сказать, іерархической лѣстницы революціи. Указанные четыре этапа служатъ такимъ образомъ не только чисто внѣшними вѣхами для описанія революціи, но въ то же время—ступенями, по которымъ революція поднимается все выше и выше.

При такомъ пониманіи хода нашей революціи предполагается, что первыя три ступени этапа уже окончательно ею пройдены и что для завершенія своего подъема ей осталось теперь пройти еще четвертый этапъ.

Въ указанной схемѣ различныя, не всегда хронологически послѣдовательныя, формы проявленія и методы революціонной борьбы смѣшиваются, повидимому, съ содержаніемъ революціоннаго процесса. Этотъ послѣдній, взятый въ цѣломъ, выражается въ колоссальномъ ростѣ самосознанія различныхъ классовъ общества, въ ростѣ ихъ организованности, въ мощномъ усиленіи классовой энергіи.

Глубина и интенсивность переживаній—вотъ что составляетъ ея суть. Революція съ этой точки зрѣнія есть кон-

центрированная борьба классовъ, постоянно протекающая на всемъ протяженіи исторіи современныхъ обществъ. Происходитъ чрезвычайно ускоренный процессъ соціально-политической кристаллизаціи, процессъ аналогичный физическому осѣданію твердыхъ кристалловъ изъ маточнаго солевого раствора. Этотъ процессъ захватываетъ все и вся. Нѣтъ болѣе безразличныхъ. Сознательно или стихійно, силою убѣжденія или силою вещей, но каждому члену общества приходится занять опредѣленную позицію, уйти въ какой-либо станъ. Этотъ процессъ идеологическаго размежеванія, политической разверстки—есть одна изъ интереснѣйшихъ и наиболѣе захватывающихъ чертъ революціи.

Ускореннымъ темпомъ совершается работа приспособленія „сознанія къ бытію“, или—выражаясь точнѣе—приспособленія психологіи людей къ уровню и характеру производственныхъ отношеній: это и есть революціонизированіе головъ, составляющее самую существенную цѣнность революціи. Этотъ пунктъ необходимо немного пояснить. Дѣло въ томъ, что революціонизированіе вещественной среды обычно опережаетъ сознаніе людей. Если бы они совершались параллельно, если бы рядомъ съ неуклонно совершающимися переворотами въ области производства, въ сферѣ всей экономической культуры—совершался неуклонный вполнѣ соотвѣтствующій ростъ общественнаго сознанія людей—то революціи потеряли бы то значеніе, на которое мы только что указали. Говоря объ общественномъ сознаніи, мы имѣемъ въ виду не отдѣльныя геніально-пророческія личности, сознаніе которыхъ иногда на цѣлый вѣкъ опережаетъ современную имъ эпоху, а всю массу народа, т.-е. главнымъ образомъ неимущіе, эксплуатируемые классы. Революціонизированіе послѣднихъ и поднимаетъ общество на болѣе высокую ступень. И этотъ процессъ въ гигантскихъ размѣрахъ совершается только въ тѣ періоды, когда все общество выходитъ изъ нормальной, обычной колеи, когда состояніе устойчиваго соціальнаго и политическаго равновѣсія переходитъ въ состояніе неустойчивости, неуравновѣшенности, когда прежній центръ тяжести утраченъ, а новый еще не найденъ. Традиціонное мышленіе—весь кругъ политическихъ и соціальныхъ идей-предразсудковъ, вся сумма представленій, потребностей и стремленій—имѣющее свои корни въ отжив-

шихъ или отживающихъ производственныхъ отношеніяхъ, подвергается крутой ломкѣ. Въ головахъ рождаются новыя идеи, загораются новыя стремленія, возникаютъ новыя потребности, соотвѣтствующія наличной экономической природѣ общества. Пока рабочіе покорно переносятъ свою судьбу, пока они не сознали необходимости сплоченной борьбы противъ капиталистовъ, пока не ощутили потребности въ болѣе короткомъ рабочемъ днѣ и жажды духовнаго развитія, пока они не задумываются надъ ролью государственной власти и надъ своимъ безправнымъ политическимъ положеніемъ,— они еще духовно, такъ сказать, не поровнялись съ капиталистическимъ обществомъ, а, наоборотъ, вся ихъ психика еще на добрую половину связана со старымъ феодально-крѣпостнымъ укладомъ хозяйственной жизни. Развитый капитализмъ предполагаетъ свободнаго рабочаго, свободнаго не только отъ орудій производства, но свободнаго также духовно. Быть свободнымъ духовно—значитъ, между прочимъ, умѣть достойно отстаивать свои интересы, свою личность.

Вотъ какъ Зомбартъ описываетъ въ своихъ интересныхъ „Очеркахъ къ исторіи развитія Сѣверо-американскаго пролетаріата“ [1]) типъ американскаго рабочаго: „Тотъ, кто когда-либо наблюдалъ хотя бы поверхностно американскихъ рабочихъ или работницъ въ ихъ образѣ жизни внѣ фабрики или мастерской, сразу же замѣчалъ, что онъ имѣетъ дѣло съ совершенно другимъ видомъ людей, чѣмъ у насъ въ Европѣ. Мы уже знаемъ, какъ шикарно и зачастую изящно одѣтыми рабочіе и въ особенности работницы отправляются на работу. На улицѣ они въ полномъ смыслѣ слова „граждане“ [2])—working-gen tlemen и working-ladies. Съ внѣшней стороны на нихъ не замѣтно никакого признака принадлежности къ особому классу, подобно тому какъ это имѣетъ мѣсто почти у всѣхъ европейскихъ рабочихъ. Американскій рабочій рѣзко отличается отъ своего европейскаго собрата также и по своему внѣшнему поведенію, по выраженію лица, въ бесѣдѣ съ вами. Онъ прямо и высоко держитъ голову, походка его эластична, взглядъ его свободный и жизнерадостный. Въ немъ совершенно

---

[1]) Archiv für Sozialwis. u. Sozialpol. XXI. 3 стр. 599.

[2]) По нѣмецки Bürger—значитъ и гражданинъ и буржуа.

отсутствуютъ пришибленность и приниженность. Онъ на самомъ дѣлѣ—а не только въ теоріи—со всякимъ держитъ себя, какъ „со своимъ равнымъ“. Вожакъ профессіональнаго рабочаго союза, участвующій въ торжественномъ банкетѣ также увѣренно ступаетъ по паркетному полу, какъ въ Германіи любое превосходительство; онъ, какъ и другіе, одѣтъ въ блестящую фрачную пару, на немъ лакированные штиблеты изящное бѣлье по послѣдней модѣ, такъ что и по внѣшности его трудно отличить отъ президента республики. Лакейство и пресмыкательство по отношенію къ „высшимъ классамъ“, такъ непріятно поражающее въ Европѣ, здѣсь абсолютно неизвѣстно. Ни одному половому, ни одному кондуктору трамвая или городовому не придетъ въ голову иначе держать себя съ „простымъ рабочимъ“, чѣмъ, напр. съ губернаторомъ Пенсильваніи. Это какъ никакъ укрѣпляетъ чувство личнаго достоинства какъ въ томъ, кто себя такъ ведетъ, такъ и въ пролетаріи, по отношенію къ которому себя такъ ведутъ“.

Въ глазахъ русскаго интеллигента, конечно, „блестящая фрачная пара и изящное бѣлье“ не дѣлаютъ американскаго рабочаго особенно симпатичнымъ; но тѣмъ не менѣе при объективномъ взглядѣ на дѣло, этотъ рабочій является в ы с ш и м ъ культурнымъ типомъ, по отношенію къ которому германскій, а тѣмъ болѣе русскій рабочій является типомъ к у л ь т у р н о низшимъ. Американскій рабочій въ громадномъ большинствѣ случаевъ не соціалистъ, напротивъ, онъ въ большей степени „буржуй“, чѣмъ любой рабочій на континентѣ Европы. Американскій рабочій—только пролетарій наиболѣе развитаго капиталистическаго общества, свободнаго отъ пережитковъ феодализма, потому онъ н а и б о л ѣ е п р и с п о с о б л е н ъ къ развитому капитализму, потому онъ въ то же время обладаетъ тѣми чертами свободнаго и независимаго человѣка, которыя описаны проф. Зомбартомъ. Дальнѣйшее экономическое развитіе Сѣверо-американскихъ Соедин. Штатовъ поведетъ къ тому, что ихъ пролетаріатъ будетъ все болѣе революціонизироваться и сдѣлается соціалистическимъ. Но этотъ процессъ революцинизированія психологически однородный съ тѣмъ, который совершается сейчасъ въ нѣдрахъ нашего пролетаріата, культурно-исторически будетъ занимать болѣе высокую ступень. Этотъ процессъ под-

готовить и приспособить сознаніе американскаго рабочаго уже не къ капиталистическому, а къ соціалистическому обществу. Надо полагать, что тотъ человѣческій матеріалъ, который создался на почвѣ развитаго американскаго капитализма, будетъ морально и интеллектуально такъ же достоинъ „занять мѣсто“ въ соціалистическомъ строѣ, какъ пролетаріатъ любой европейской страны съ сильной соціалдемократической партіей и нѣсколькими милліонами соціалдемократическихъ избирателей.

Русская революція тоже производитъ моральную и интеллектуальную революцію въ головахъ рабочихъ массъ. Смыслъ духовнаго перерожденія массъ, которое столь знаменательно для нашей и для всякой другой революціи состоитъ—съ развиваемой здѣсь точки зрѣнія—въ томъ, что психологія этихъ массъ какъ-бы гармонически сливается съ современнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ, и отъ такого слія-нія, которое рано или поздно закрѣпляется въ видѣ соотвѣтствующихъ политическихъ и соціальныхъ учрежденій, получается выраженный типъ новаго общества—буржуазно-демократическаго.

Но если таково, по нашему мнѣнію, объективное значеніе переживаемой нами революціи, то совершенно не таковымъ оно является въ субъективномъ сознаніи самихъ участниковъ ея. Для нихъ дѣло не можетъ ограничиваться богатствомъ психическихъ переживаній. Революціонное сознаніе претворяется въ революціонную волю. Проявленія массовой воли—есть то видимое и яркое, что выступаетъ на первый планъ въ революціонныя эпохи. Новыя стремленія и потребности превращаются въ мощныя требованія, за осуществленіе которыхъ „революціонный“, т.-е. находящійся въ процессѣ революціонизированія, народъ ведетъ борьбу тѣми путями и средствами, которыми онъ въ данный моментъ или въ данную эпоху располагаетъ. Эти акты потенцированной массовой воли, разряжающейся въ стачкахъ, въ аграрныхъ волненіяхъ, въ вооруженныхъ сопротивленіяхъ, нападеніяхъ и возстаніяхъ, въ уличныхъ манифестаціяхъ, въ массовомъ терроръ и т. д.—даютъ возможность судить о размѣрахъ накопившейся въ массахъ революціонной энергіи. Но строгаго и опредѣленнаго соотношенія между перечисленными формами борьбы и степенью зрѣлости революціи не существуетъ. На

ту или иную изъ нихъ нельзя смотрѣть, какъ на показателя революціонности массъ, понимая послѣднюю въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ здѣсь этому понятію. Народное движеніе поднимается на высшую степень не потому, что на сцену выдвигается та или иная форма борьбы, а потому что выдвигаются новыя цѣли, вовлекаются новыя соціальныя группы, происходятъ новыя перемѣщенія политическихъ силъ. Болѣе высокой ступени революціи отнюдь не соотвѣтствуетъ „болѣе высокая форма“ борьбы той схемы, которая приведена вначалѣ статьи. Многіе склонны какъ-будто объ этомъ забывать.

„Для того, чтобы имѣть возможность защищать свои права отъ посягательствъ и быть въ состояніи уничтожить законодательныя перегородки, затрудняющія ему доступъ къ политическому господству, классъ долженъ располагать реальной силой, неотъемлемыми средствами, съ помощью которыхъ онъ въ случаѣ нужды насильно могъ-бы осуществить свою волю. Эти средства могутъ быть различны. Они вполнѣ соотвѣтствуютъ степени экономическаго развитія и роли даннаго класса въ процессѣ производства данной эпохи“*). Послѣднія слова голландской соціальдемократки выражаютъ въ высшей степени цѣнную и глубокую мысль. „Реальныя неотъемлемыя средства борьбы“, которыми располагаетъ какой-либо классъ всегда будутъ сильнѣе тѣхъ средствъ, которыя не имѣютъ столь мощныхъ корней въ самыхъ производственныхъ отношеніяхъ; въ то время какъ первыя играютъ постоянную роль, послѣднія могутъ имѣть лишь эпизодическое значеніе. И никакія схемы не могутъ здѣсь ничего измѣнить.

Эта истина станетъ яснѣе, если иллюстрировать ее примѣрами историческаго прошлаго, что и дѣлаетъ, Г. Роландъ-Гольстъ въ своей интересной книгѣ.

A priori ясно, что методы и средства борьбы различныхъ классовъ въ разныя эпохи различны. Если средневѣковый феодалъ, возмутившійся противъ своего сюзерена, отказывался участвовать въ военномъ походѣ, предпринимаемомъ сюзереномъ, то такой отказъ являлся реальнымъ средствомъ борьбы, вытекавшимъ изъ положенія феодала въ средневѣ-

*) Г. Роландъ-Гольстъ. Всеобщая стачка и соціальдемократія, стр. 180-181.

ковомъ обществѣ. Притомъ если нѣсколько феодаловъ соединялись противъ короля, то они могли заставить его сдаться, потому что военная сила средневѣковой королевской власти ни качественно, ни часто количественно не превосходила вооруженной силы его вассаловъ.

Средства борьбы крѣпостного крестьянина противъ гнета помѣщиковъ—опять-таки въ силу производственныхъ отношеній, въ силу замкнутости тогдашняго народнаго хозяйства, оторванности одной деревни отъ другой, прикованности крестьянина къ своему клочку земли—были чрезвычайно ограничены. Только бѣгствомъ въ городъ или на далекія окрайны онъ могъ себя избавлять отъ притѣсненій, но этимъ не измѣнялось положеніе крестьянской массы; борьба-же въ собственномъ смыслѣ слова—крестьянскіе бунты крѣпостной эпохи были взрывами отчаянія, которые кончались обыкновенно самымъ плачевнымъ образомъ для возставшихъ.

Для средневѣковой буржуазіи городовъ однимъ изъ средствъ борьбы противъ усилившейся королевской власти былъ отказъ уже не отъ личной, вассальной повинности, какъ у феодаловъ, а отказъ отъ денежныхъ повинностей, отъ уплаты налоговъ. Финансовая зависимость королевской власти, боровшейся противъ феодализма, отъ кармановъ буржуазіи,—была такимъ образомъ очень важнымъ реальнымъ козыремъ въ рукахъ послѣдней, и она не разъ пользовалась этимъ орудіемъ въ своей борьбѣ съ абсолютизмомъ. Въ случаѣ-же попытки королевской власти вынуждать силою деньги у буржуазіи, ей приходилось имѣть дѣло съ городской вооруженной милиціей, ничуть не уступавшей княжескимъ и рыцарскимъ войскамъ.

Поскольку вообще дѣло доходило до вооруженной борьбы, шансы противниковъ въ средніе вѣка были почти одинаковы. Оружіе было примитивное, обладаніе имъ было доступно всѣмъ, не исключая крестьянъ. Наичаще рѣшающимъ моментомъ была просто физическая сила и храбрость, такъ какъ рукопашная борьба и кавалерійская атака играли преобладающую роль.

Реальная сила народа въ первой половинѣ XIX вѣка въ этомъ отношеніи стала меньше. Въ рукахъ государственной власти было хорошо вооруженное войско, народу т.-е. объединившимся для борьбы рабочимъ, ремес-

ленникамъ, лицамъ интеллигентныхъ профессій и лавочникамъ, приходилось уже не столько наступать, сколько защищаться. Новыя условія выдвинули новую тактику—баррикадную борьбу. Баррикада, какъ говоритъ Парвусъ, имѣетъ двоякаго рода значеніе: во-первыхъ—она служила сборнымъ пунктомъ и средствомъ организаціи, во-вторыхъ—прикрытіемъ народу и преградой войску. Однако, баррикада дѣйствовала на войска болѣе морально, чѣмъ матеріально. Она служила средствомъ пробудить въ солдатѣ человѣческую и гражданскую сознательность. „Войсками овладѣвало недовольство, нерѣшительность и растерянность, словомъ они деморализировались, и деморализація была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе втихомолку симпатизировали возстанію".

Какъ извѣстно, Энгельсъ, разбирая, въ извѣстномъ своемъ предисловіи къ „Классовой борьбѣ во Франціи въ 1848 году" Маркса условія побѣдоносности вооруженнаго народнаго возстанія въ прошломъ, приходитъ для настоящаго къ выводу о невозможности побѣдоносной вооруженной борьбы современнаго пролетаріата противъ арміи современнаго государства. И опьяненный успѣхами нѣмецкой соціалдемократіи въ избирательной борьбѣ, старикъ Энгельсъ видитъ именно въ этихъ успѣхахъ, въ завоеваніи парламентскаго большинства несомнѣнный залогъ побѣды рабочаго класса. Въ настоящее время рѣдко кто изъ германскихъ соціальдемократовъ раздѣляетъ тогдашній оптимизмъ Энгельса. Каутскій пишетъ о безсиліи германскаго рейхстага, Брингманъ въ своей брошюрѣ „der fünfte Gewerkschaftskongress und der Klassenkampf in Deutschland" приходитъ къ выводу, что „парламентаризмъ въ Германіи разлагается, и трехмилліонная побѣда на выборахъ 1903 года ничего въ этомъ отношеніи не измѣнила, она только ускорила этотъ процессъ разложенія парламентаризма".

Въ Германіи приходится все чаще и чаще задумываться надъ „реальными, неотъемлемыми средствами борьбы" пролетаріата, къ числу каковыхъ избирательное право въ парламентъ не относится, такъ какъ оно въ любой моментъ можетъ быть отнято правительствомъ при пособничествѣ имущихъ классовъ и при пассивности неимущихъ. Это доказала Саксонія и „республики" Гамбургъ и Любекъ, преспокойно лишившія рабочихъ избирательнаго права.

Какими же средствами борьбы располагаетъ современный пролетаріатъ, „средствами, обусловленными тенденціей общественнаго развитія и его собственнымъ положеніемъ въ процессѣ производства“? Главная основная общественная функція пролетаріата—это продажа имъ своей рабочей силы, его роль производителя „національнаго богатства“. Въ развитыхъ капиталистическихъ странахъ на долю пролетаріата, какъ производителя, приходится $^{9}/_{10}$, если не больше, всего промышленнаго производства страны. И если средневѣковый феодалъ отказывалъ въ своемъ оружіи, а буржуа—въ своихъ деньгахъ, то современный пролетарій, возставая противъ политическаго безправія и экономическаго гнета, отказываетъ прежде всего въ неотъемлемомъ своемъ орудіи, въ своей рабочей силѣ. „Специфически свойственнымъ пролетаріату средствомъ давленія и борьбы является организованный отказъ отъ работы—с т а ч к а“ *).

Отказъ поддержать правительственную власть силою своего оружія для современнаго пролетаріата означаетъ отказъ отъ военной службы. При все возрастающей роли, которую пролетарскій элементъ играетъ въ современной арміи, такой отказъ въ случаѣ единодушнаго его проведенія въ странѣ съ значительнымъ преобладаніемъ городского населенія привелъ-бы правительство въ смятеніе и трепетъ. Но, во-первыхъ, осуществленіе подобной всеобщей военной стачки натыкается на гораздо большія трудности, чѣмъ осуществленіе самой грандіозной всеобщей стачки обычнаго типа, во-вторыхъ, поскольку рѣчь идетъ о Россіи, армія ея носитъ еще ярко выраженный деревенско-крестьянскій характеръ.

Отказъ поддержать правительство своими деньгами для современнаго пролетаріата, лишеннаго всякой движимой или недвижимой собственности, означаетъ — сокращеніе предметовъ первой необходимости, на которые падаютъ главнѣйшіе косвенные налоги. Если въ борьбѣ съ отдѣльными предпринимателями бойкотъ (напр. пива или папиросъ опредѣленной фирмы) не связанъ ни съ какими жертвами и предполагаетъ лишь наличность элементарной классовой солидарности и хорошую освѣдомленность всѣхъ рабочихъ данной мѣстности, то бойкотъ съ цѣлью оказать давленіе на госу-

*) К. Каутскій—Общественныя реформы. Стр. 91.

дарство требуетъ абсолютнаго сокращенія потребленія предметовъ первой необходимости, притомъ въ теченіе продолжительнаго времени. Мы знаемъ, что въ прошломъ году рижскіе, лодзинскіе, варшавскіе рабочіе рѣшили бойкотировать казенную водку: съ одной стороны, имѣлось въ виду дѣлать такимъ образомъ сбереженія для цѣлей революціонной борьбы, съ другой—сократить доходы казны. Эта послѣдняя цѣль, конечно, не могла быть достигнута, но зато подобный бойкотъ производитъ впечатлѣніе яркой манифестаціи, свидѣтельствуя о высокомъ моральномъ подъемѣ рабочей массы.

Въ исторіи *борьбы* пролетаріата всѣхъ странъ его функціи массоваго потребителя товаровъ и поставщика вооруженной силы для государства не играли хоть сколько-нибудь внушительной роли. Эксплоатація рабочаго въ качествѣ производителя составляетъ основу капиталистическаго общества, поэтому онъ и борется какъ производитель, а не какъ потребитель: онъ заявляетъ свои требованія и манифестируетъ свою силу тѣмъ, что отказывается работать, а не тѣмъ, что перестаетъ ѣсть и пить. Стачка неотдѣлима отъ пролетаріата такъ-же, какъ эксплуатація рабочей силы отъ капитала. Всякая минута досуга, каждая лишняя копейка заработной платы, каждый атомъ культуры добыты пролетаріатомъ цѣною упорной стачечной борьбы. Она проходитъ красною нитью черезъ всю исторію рабочаго класса, и крупныя стачки являются поворотными моментами въ послѣдней.

„Революція—сказали мы—есть концентрированная борьба классовъ", и такъ какъ обычная форма классовой борьбы пролетаріата выражается въ стачкѣ, то и его „концентрированная", революціонная борьба выражается въ стачкѣ, но лишь болѣе грандіозной, болѣе воинственной, болѣе рѣшительной. И тутъ, слѣдовательно, характерной чертой революціи являются не новыя *формы* борьбы, а содержаніе, которое можетъ быть вложено и въ прежнія формы. Поэтому нисколько неудивительно, что при той громадной роли, которую пролетаріатъ игралъ и еще будетъ играть въ русской революціи, стачкѣ во всѣхъ ея видахъ,—въ видѣ одновременной стачки рабочихъ одной профессіи въ цѣломъ рядѣ городовъ, или стачки рабочихъ всѣхъ профессій въ одномъ или нѣсколькихъ городахъ, или затяжной всеобщей стачки

или, наконецъ, одновременно охватывающей всю Россію всеобщей стачки—суждено было занять такое выдающееся мѣсто. И до тѣхъ поръ пока революція не будетъ доведена до своего логическаго конца, пока степень демократизаціи государственной жизни не будетъ соотвѣтствовать жгучимъ потребностямъ и стремленіямъ пролетаріата, массовая политическая стачка не исчезнетъ изъ арсенала борьбы послѣдняго. И только схематизмомъ, не желающимъ считаться съ реальными условіями жизни, только гипнозомъ 4-хъ этаповъ, упомянутыхъ вначалѣ статьи, можно объяснить то обстоятельство, что вопросъ о всеобщей стачкѣ у насъ какъ-будто отходитъ въ область преданій. Въ то время какъ соціалистическая мысль на западѣ разрабатываетъ этотъ вопросъ во всѣхъ его деталяхъ, въ то время какъ въ Германіи два соціальдемократическихъ конгресса и одинъ конгрессъ профессіональныхъ союзовъ заняты были его обсужденіемъ, а во Франціи онъ не перестаетъ занимать умовъ пролетаріевъ—для насъ вопросъ о всеобщей стачкѣ, повидимому, потерялъ всякій интересъ. Русскій пролетаріатъ въ теченіе 1905 года явилъ всему міру цѣлый рядъ невиданныхъ доселѣ всеобщихъ стачекъ, впервые въ исторіи идея всеобщей стачки воплотилась въ жизнь въ столь гигантской формѣ—а между тѣмъ до сихъ поръ нашей соціальдемократической литературѣ не пришлось использовать этого новаго явленія; изученіе этихъ новыхъ, глубоко-интересныхъ и потрясающихъ своей грандіозностью фактовъ приходится оставить на долю болѣе свободныхъ европейцевъ.

Но не только наша соціальдемократическая теорія, но и соціальдемократическая практика не удѣляетъ болѣе вопросу о всеобщей стачкѣ никакого вниманія. Въ числѣ вопросовъ, намѣченныхъ для обсужденія на предстоящемъ 4-мъ съѣздѣ россійской С.-Д. Р. партіи этотъ вопросъ отсутствуетъ. Въ числѣ резолюцій, предлагаемыхъ къ принятію съѣздомъ—какъ фракціей большинства, такъ и фракціей меньшинства, а также южно-русской конференціей—нѣтъ ни одной, которая касается всеобщей стачки.

По нашему мнѣнію нельзя ссылаться на малую вѣроятность возникновенія въ ближайшее время всеобщей стачки, такъ какъ новая сильная революціонная волна должна съ желѣзной необходимостью снова выдвинуть это специфиче-

ское для пролетаріата орудіе борьбы. Измѣнится только историческая обстановка, а вмѣстѣ съ тѣмъ — характеръ и роль этого орудія. Какъ бы то ни было, если намъ предлагаютъ, съ одной стороны, собрать опытъ вооруженныхъ возстаній, имѣвшихъ мѣсто въ 1905 году, то мы такому предложенію противопоставили-бы собираніе и тщательное изученіе опыта стачечной борьбы, которая на всемъ протяженіи русской революціи до настоящаго времени играла первостепенную роль.

II.

Если не ошибаемся, первымъ, кто въ соціальдемократической литературѣ вполнѣ ясно и опредѣленно выдвинулъ вопросъ о массовой политической стачкѣ—былъ Парвусъ. Въ своихъ статьяхъ: Staatstreich und politischer Massenstrike*) онъ, противупоставляя всеобщую стачку политической массовой стачкѣ, говоритъ:

„Всеобщая стачка не представляетъ собою панацеи, внѣ связи съ политическими условіями она недѣйствительна и приводитъ къ разгрому рабочаго класса. Но дѣло идетъ не объ ней, а о массовой стачкѣ съ политическими цѣлями; примѣръ такой стачки дала Бельгія.**). Мы подчеркиваемъ выраженіе „массовая стачка“, потому что въ данномъ случаѣ совершенно не важно, чтобы въ стачкѣ принималъ участіе весь пролетаріатъ страны безъ исключенія. Политическая массовая стачка отличается отъ другихъ стачекъ тѣмъ, что она ставитъ себѣ цѣлью не достиженіе лучшихъ условій труда, а завоеваніе опредѣленныхъ политическихъ измѣненій, что она, стало-быть направлена не противъ отдѣльныхъ предпринимателей, а противъ правительства“.

Только о всеобщей стачкѣ въ приведенномъ смыслѣ и можетъ пока итти рѣчь у насъ въ Россіи. Нельзя, однако, пройти, отдѣлавшись небрежнымъ жестомъ, мимо идеи всеобщей не политической, а соціально-экономической (по терминологіи Г. Роландъ-Гольстъ) стачки. Дѣло въ томъ, что идея всеобщей стачки, какъ синонимъ соціальной революціи, какъ средство уничтоженія классоваго господства, т.-е. устра-

*) Die Neue Zeit (1895—96), стр. 389.

**) Рѣчь идетъ о бельгійской стачкѣ 1893 года. *(Прим. авт.).*

ненія экономическаго господства буржуазіи и ея орудія—государства—очень распространена и популярна въ большомъ числѣ рабочихъ круговъ, преимущественно во Франціи, Бельгіи, Испаніи, Италіи, а послѣднее время начинаетъ также пріобрѣтать сторонниковъ въ Германіи, гдѣ ея глашатаемъ является д-ръ Фридебергъ.

Идея подобнаго рода стачки всегда отвергалась международной соціалдемократіей, какъ несбыточная утопія.

Амстердамскій международный соціалистическій конгрессъ 1904 г. въ вынесенной имъ по этому вопросу резолюціи:

„считаетъ абсолютную всеобщую стачку, т.-е. такую, при которой долженъ быть пріостановленъ всякій трудъ—невыполнимой, такъ какъ такая стачка дѣлаетъ невозможнымъ всякое существованіе, а въ томъ числѣ и существованіе пролетаріата... Конгрессъ предостерегаетъ рабочихъ отъ увлеченія пропагандой всеобщей стачки со стороны анархистовъ, имѣющей цѣлью отвлечь рабочихъ отъ важной повседневной борьбы—борьбы профессіональной, политической и кооперативной".

Ту-же мысль еще задолго до Амстердамскаго конгресса высказалъ и Каутскій. „Всеобщая стачка—говоритъ Каутскій—въ смыслѣ прекращенія работы всѣми рабочими страны по данному сигналу предполагаетъ съ ихъ стороны такое единодушіе и такую организованность, которыхъ едва-ли когда можно будетъ достигнуть въ современномъ обществѣ. А если-бы удалось достигнуть такого единодушія и такой организованности, то это была-бы такая непобѣдимая сила, что рабочимъ незачѣмъ было-бы и прибѣгать ко всеобщей стачкѣ, далѣе, подобная стачка разомъ сдѣлала-бы невозможнымъ не только существованіе теперешняго общества, но и существованіе людей вообще, и притомъ существованіе пролетаріевъ еще скорѣе, чѣмъ существованіе капиталистовъ,—слѣдовательно, она неминуемо потерпѣла бы крахъ въ тотъ самый моментъ, какъ только она начала-бы оказывать свое революціонное дѣйствіе"*).

По поводу всѣхъ этихъ соображеній язвительно иронизируетъ одинъ изъ теоретиковъ французскаго революціоннаго синдикализма, Ж. Сорель, который въ статьѣ своей: „Reflе-

*) К. Каутскій. Общественныя реформы, стр. 92—93.

xions sur la Violence"*) высказываетъ довольно своеобразный взглядъ на всеобщую стачку.

„Много говорятъ насчетъ невозможности осуществленія всеобщей стачки. Одни возражаютъ, что соціалистическая борьба не можетъ разрѣшиться однимъ генеральнымъ сраженіемъ; другіе, люди умные, практики и теоретики, полагаютъ, что невѣроятно трудно двинуть въ бой такія громадныя массы пролетаріата; детально анализируютъ тѣ затрудненія, которыя возникнутъ въ случаѣ такой грандіозной борьбы. По мнѣнію соціалистовъ-соціологовъ, какъ и политиковъ, всеобщая стачка есть популярная мечта, характерная лишь для зачаточнаго рабочаго движенія; намъ указываютъ на авторитетъ Вебба, который рѣшилъ, что всеобщая стачка—иллюзія юности, отъ которой англійскіе рабочіе быстро излѣчились". Въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ Сорель проводитъ аналогію между значеніемъ идеи всеобщей стачки и вѣрой первыхъ христіанъ во второе пришествіе Христа, причемъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Если-бы даже революціонеры ошибались отъ начала до конца, создавши фантастическую картину всеобщей стачки, эта картина въ періодъ подготовки къ революціи все-же можетъ стать элементомъ первостепенной важности, если она придала совокупности взглядовъ революціонеровъ точность и твердость, которыхъ не были въ состояніи имъ дать другія формы мышленія. Чтобы оцѣнить значеніе идеи всеобщей стачки, необходимо оставить всѣ разглагольствованія, столь обычныя въ средѣ политиковъ, соціологовъ или людей, имѣющихъ претензію на практическія знанія; можно согласиться во всемъ съ оппонентами и тѣмъ не менѣе ни на іоту не уменьшить цѣнности того тезиса, который они желаютъ разбить; совершенно неважно, что всеобщая стачка осуществима лишь отчасти, что она—продуктъ народнаго воображенія... Всеобщая стачка—это мифъ, въ которомъ весь соціализмъ цѣликомъ, это резюмируется совокупность образовъ, способныхъ вызвать, инстинктивно, всѣ тѣ чувства, которыя соотвѣтствуютъ различнымъ формамъ борьбы, объявленной современному обществу соціализмомъ. Стачки порождаютъ въ пролетаріатѣ наиболѣе возвышенныя, наиболѣе глубокія и наиболѣе дѣятельныя чувства; всеобщая

*) Le Mouvement Socialiste № 172, стр. 261—267.

стачка собираетъ эти послѣднія въ одну цѣльную картину и даетъ каждому изъ нихъ максимумъ интенсивности; вызывая жгучія воспоминанія объ отдѣльныхъ столкновеніяхъ, она окрашиваетъ самымъ интенсивнымъ образомъ всѣ детали картины. Такимъ образомъ получается тотъ интуитивный соціализмъ, о которомъ нашъ языкъ не можетъ намъ дать вполнѣ яснаго представленія".

Читатель проститъ эту длинную цитату изъ статьи талантливаго и весьма авторитетнаго въ кругу революціонныхъ синдикалистовъ писателя. Она во всякомъ случаѣ показываетъ, какъ мало реальной опредѣленности въ идеѣ всеобщей стачки. Признавъ, что всеобщая стачка есть миѳъ, Сорель этимъ самымъ признаетъ ея неосуществимость; но это обстоятельство его весьма мало смущаетъ.

Между тѣмъ рабочіе одушевленные этой идеей отнюдь не склонны разсматривать ее какъ миѳъ, какъ фантазію. „Всеобщая стачка—говоритъ Луи де-Брукеръ—противополагается всеобщему избирательному праву", она должна скорѣе и вѣрнѣе привести къ побѣдѣ пролетаріата, чѣмъ это послѣднее. Революціонные синдикалисты презрительно относятся къ всеобщему избирательному праву въ парламентѣ, которое по ихъ мнѣнію не имѣетъ для дѣла эмансипаціи рабочаго класса никакой цѣнности. Такъ, анархо-соціалистъ д-ръ Фридебергъ, повторяющій идеи французскаго революціоннаго синдикализма, прямо заявляетъ: „мы ни одной слезы не прольемъ о потерѣ всеобщей, равной, прямой тайной подачи голосовъ". Парламентаризмъ, согласно теоріи революціоннаго синдикализма, есть специфическое орудіе эмансипаціи буржуазіи, борющейся противъ феодализма и абсолютизма, но онъ не можетъ быть средствомъ эмансипаціи рабочаго класса. Подобно тому какъ для буржуазіи парламентъ, такъ для рабочаго класса адэкватнымъ органомъ борьбы за освобожденіе является синдикатъ, профессіональный рабочій союзъ. „Съ профессіональными организаціями должны быть связаны всѣ надежды пролетаріата на будущее"—говоритъ Фридебергъ. „Нашу конечную цѣль—заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—введеніе соціалистическаго строя общества мы только тогда сможемъ осуществить, когда наши профессіональныя организаціи сдѣлаются носителями идеи новаго производства". Какъ видимъ, эта концепція со-

вершенно противоположна той, которая отводитъ профессіональнымъ союзамъ болѣе скромную роль организацій борьбы за улучшеніе положенія рабочаго класса, но въ рамкахъ существующаго капиталистическаго строя. Напротивъ, революціонные синдикалисты полагаютъ, что вся классовая борьба пролетаріата должна сосредоточиться въ профессіональныхъ союзахъ. По ихъ мнѣнію, синдикаты лучше другихъ организацій выставляютъ антагонизмъ интересовъ и идеологій, которые раздѣляютъ классы. При этомъ вопросъ объ увеличеніи заработной платы и частичномъ, хлопотливомъ уменьшеніи рабочаго дня на той, или другой фабрикѣ, въ той или другой профессіи—является для синдиката второстепенной частью задачи. Его миссія состоитъ въ организаціи рабочаго класса для болѣе обширной и всеобъемлющей борьбы противъ капиталистическаго міра вообще. Такимъ образовъ между антипарламентскимъ синдикализмомъ и идеей всеобщей стачки устанавливается логическая и фактическая связь. Именно синдикаты призваны осуществить всеобщую стачку или, что одно и то-же,—соціальную революцію.

Мы остановились на соціально-экономической всеобщей стачкѣ не потому, чтобы эта идея въ близкомъ будущемъ могла сдѣлаться популярной и у насъ въ Россіи.

Будучи тѣсно связана, какъ мы видѣли, съ антипарламентскимъ синдикализмомъ, эта идея можетъ охватить широкія массы пролетаріата именно тамъ, гдѣ парламентаризмъ въѣлся въ плоть и кровь государственной жизни, гдѣ память о другомъ, предшествовавшемъ парламентаризму, государственномъ строѣ исчезла, гдѣ поэтому всѣ темныя стороны буржуазнаго государства отожествляются съ наличной политической формой этого государства, съ парламентарнымъ строемъ. Такъ дѣло обстоитъ во Франціи. Но совершенно не то въ полуабсолютистской Германіи, гдѣ установленіе политической демократіи составляетъ еще идеалъ не особенно близкаго будущаго, гдѣ роль и значеніе парламента весьма ограничены, гдѣ призракъ государственнаго переворота сверху постоянно виситъ надъ страной. И если здѣсь раздаются и находятъ сочувственный откликъ анархо-соціалистическія рѣчи д-ра Фридеберга говорящаго о томъ, что не стоитъ проливать слезъ о потерѣ

всеобщаго избирательнаго права, то это можно объяснить, какъ продуктъ разочарованія, какъ реакцію противъ сильно въѣвшейся въ нѣмецкія рабочія массы вѣры въ творческія и революціонизирующія способности германскаго рейхстага. Но вмѣстѣ съ тѣмъ такой взглядъ на всеобщее избирательное право въ Германіи свидѣтельствуетъ о крайнемъ доктринерствѣ, не желающемъ считаться съ реальнымъ соотношеніемъ политическихъ правъ и гарантій. Вѣдь ясно, что разъ въ Германіи произойдетъ Coup d'Etat по отношенію къ избирательному праву, то одновременно будетъ сдѣлано покушеніе на всѣ остальныя права нѣмецкихъ рабочихъ: и на право коалицій, и на право собраній и на свободу рабочей печати. Будетъ отнята законная почва не только для политической борьбы, но и для борьбы профессіональной, которую Фридебергъ ставитъ во главу угла рабочаго движенія. При существующихъ въ Германіи условіяхъ, когда завоеваніе демократіи составляетъ неотложную задачу—проповѣдывать ничтожность и пренебреженіе къ избирательному праву и парламентаризму, значитъ двигать нѣмецкое рабочее движеніе не на болѣе высокую, революціонно-соціалистическую ступень, а наоборотъ, вытравить изъ него тѣ слабые ростки соціалистической сознательности и революціонности, которыми оно обязано исключительно участію рабочихъ въ парламентской борьбѣ, а слѣдовательно—свести его къ самому ограниченному заскорузлому тредъюніонизму.

Всѣ эти соображенія въ еще большей степени, конечно, примѣнимы къ Россіи, гдѣ рабочее движеніе, какую-бы форму оно ни приняло, равнодушнымъ къ политическому строю и къ политической демократіи никоимъ образомъ быть не можетъ. И если бы у насъ пропаганда всеобщей стачки во французскомъ духѣ нашла-бы своихъ адептовъ, то въ дѣйствительности, рабочіе, воспринявшіе эту проповѣдь, превратятъ всеобщую стачку въ орудіе политической, а не соціальной революціи, словомъ, всеобщая стачка превратится въ массовую политическую стачку.

Въ дѣйствительности и въ Европѣ всеобщая стачка, выдвигавшаяся анархистами въ противовѣсъ избирательному праву и парламентаризму всегда служила до сихъ поръ именно орудіемъ для завоеванія этого презрѣннаго избирательнаго права и политическихъ гарантій.

Бельгійская стачка 1893 года имѣла цѣлью завоеваніе всеобщаго избирательнаго права. Стачка въ Бельгіи 1902 г. охватившая до 300000 рабочихъ и потерпѣвшая неудачу поставила себѣ ту-же цѣль. Стачка въ Швеціи, имѣвшая лишь демонстративный характеръ, тоже велась подъ знаменемъ борьбы за всеобщее избирательное право. Голландская стачка 1903 года, продолжавшаяся отъ 5 по 10 апрѣля была актомъ сопротивленія и протеста противъ правительственнаго законопроекта, угрожавшаго желѣзнодорожнымъ служащимъ и рабочимъ въ общественныхъ учрежденіяхъ за стачку 4-хъ лѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ,а для остальныхъ рабочихъ крайне стѣснявшаго право коалицій. Эта стачка, потерпѣвшая фіаско, такимъ образомъ, тоже носила ярко политическій характеръ, будучи направлена противъ покушенія на самое насущное для рабочихъ политическое право — свободу коалицій. Наконецъ, итальянская генеральная стачка съ 16 по 20 сентября 1904 г. была могучимъ, больше стихійнымъ, чѣмъ организованнымъ, взрывомъ протеста и народнаго негодованія противъ кровавой расправы правительственныхъ карабинеровъ съ организованными рабочими. Итакъ, въ пяти перечисленныхъ случаяхъ, составлявшихъ до 1905 года весь опытный матеріалъ по вопросу о всеобщей стачкѣ, послѣдняя не имѣла цѣлью сокрушить основы капиталистическаго строя, она не была направлена противъ буржуазнаго общества, а наоборотъ, имѣла цѣлью защиту или завоеваніе буржуазныхъ свободъ. Поэтому болѣе, чѣмъ странно, когда Каутскій при своемъ, цитированномъ выше взглядѣ на всеобщую стачку, вдругъ заявляетъ слѣдующее: „политическая стачка есть чисто пролетарское средство борьбы, примѣнимое лишь въ такой борьбѣ, которую пролетаріатъ ведетъ одинъ, то-есть примѣнимое главнымъ образомъ тогда, когда борьба ведется противъ всего буржуазнаго общества“ *). Не менѣе странно, когда и Г. Роландъ-Гольстъ, говоря объ отношеніи войска къ всеобщей политической стачкѣ, заключаетъ: „при этомъ, въ виду того, что такая стачка ставитъ себѣ цѣлью низверженіе буржуазнаго и введеніе пролетарскаго режима, примкнувшимъ къ ней солдатамъ, въ слу-

*) К. Каутскій—l. c. стр. 94.

чаѣ побѣды, обезпечивается полная безнаказанность“ *). Подчеркнутыя нами слова показываютъ, что оба упомянутыхъ писателя все-же не очень-то далеки отъ мысли смотрѣть на массовую стачку, какъ на генеральную битву, въ которой рѣшается участь буржуазнаго міра вообще.—

Перейдемъ къ Россіи. Русское стачечное движеніе развивалось въ условіяхъ совершенно отличныхъ отъ западноевропейскихъ, американскихъ или австрійскихъ. Не будемъ уже говорить о томъ, что только въ одной Россіи, всякая стачка рабочихъ считается преступленіемъ, уголовно наказуемымъ,—такъ какъ жизнь дерзновенно и безповоротно перешагнула черезъ трупъ этого закона, и право коалицій хотя и не установленное закономъ, является фактическимъ, неотъемлемымъ правомъ русскаго рабочаго класса. Право коалицій—это такая стихійная потребность рабочихъ, что никакія карательныя плотины не въ состояніи задержать ея напора. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ профессіональными организаціями рабочихъ. Въ то время какъ стачка можетъ быть кратковременнымъ, мгновенно вспыхивающимъ соединеніемъ людей, связанныхъ единствомъ одной практической цѣли, одушевляющей всѣхъ участниковъ ея, профессіональный союзъ—есть соединеніе длительное, постоянное. При возникновеніи стачки психологическій моментъ, групповой афектъ играетъ часто рѣшающую роль; при организаціи союза на долю афекта, энтузіазма, вообще „психологіи толпы“ выпадаетъ весьма и весьма скромная роль: тутъ требуется спокойствіе, разсчетливость, а главное гарантія увѣреннаго существованія, гарантія противъ полицейскаго произвола, т. е. возможность легальнаго существованія. На западѣ повсюду стачка самымъ тѣснымъ образомъ всегда была связана съ профессіональной организаціей. Организація рѣшаетъ когда начать стачку, какія требованія выставлять, она она матеріально поддерживаетъ стачечниковъ, она ведетъ переговоры съ предпринимателями, она даетъ сигналъ къ прекращенію стачки. Такое вмѣшательство организаціи играетъ роль задерживающаго центра по отношенію къ рефлекторно-стихійному характеру стачечной борьбы, оно весьма часто отнимаетъ у послѣдней всю ея

*) Г. Роландъ-Гольстъ.—l. c. стр. 210.

боевую, грозную внѣшность и вводитъ ее въ спокойное русло тяжбы двухъ порвавшихъ договорныя отношенія сторонъ.

У насъ стачечное движеніе не опиралось на профессіональныя организаціи, возникновеніе и ростъ которыхъ при самодержавномъ режимѣ, въ силу указанныхъ выше условій, встрѣчали непреодолимыя препятствія. Безсильный противъ стачекъ, правительственный аппаратъ былъ достаточно силенъ, чтобы не допускать объединенія рабочихъ въ профессіональные союзы. И въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, полицейское правительство можетъ сказать о себѣ то, что Мефистофель говоритъ Фаусту:

Ich bin der Geist, der stets das
Böse will und stets das Gute schafft *).

Именно отсутствіе профессіональныхъ организацій наложило свою печать на наше стачечное движеніе. Правда, благодаря этому обстоятельству, весьма многія и многія стачки у насъ вспыхивали не во-время и этимъ обречены были на неудачу, далѣе потому также преобладающій у насъ типъ стачки—одно, двухъ или трехдневная стачка: во-первыхъ, стихійно-психологическая связь, достаточная, чтобы поднять рабочихъ на ноги не достаточна для того, чтобы долго поддерживать въ нихъ энергію борьбы; во-вторыхъ, отсутствіе матеріальныхъ средствъ заставляетъ рабочихъ скоро опять приниматься за работу на какихъ угодно условіяхъ. Эти темныя стороны нашего стачечнаго движенія—результатъ отсутствія проф. фракцій.

Но, съ другой стороны, оно же имѣло, какъ это ни странно, и благія послѣдствія, которыя особенно ярко выступили въ революціонное время. Профессіональные союзы являются своего рода средостѣніемъ между рабочими различныхъ профессій. Объединяя рабочихъ въ одинъ организмъ, они съ другой стороны, имѣютъ тенденцію разъединять ихъ. Въ этомъ отношеніи средневѣковый цеховой духъ не совсѣмъ чуждъ современнымъ профессіональнымъ союзамъ. Въ особенности тотъ типъ профессіональной организаціи, какой существуетъ въ Англіи и Германіи, типъ напримѣръ обще-національнаго центральнаго союза — со-

*) Я духъ, всегда хотящій зла, но творящій всегда добро.

здаетъ то, что если, въ Берлинѣ бастуютъ рабочіе какой-либо фабрики или всѣхъ фабрикъ механической обуви, то этотъ фактъ долженъ интересовать и затрагивать сапожниковъ Мюнхена, Кельна и Гамбурга, но весьма мало касается и совершенно безразличенъ, скажемъ, для портныхъ и шапочниковъ того же Берлина. Такимъ образомъ стачечная зараза, къ которой условія капиталистическаго производства дѣлаютъ столь воспріимчивой рабочую массу, благодаря этой изолирующей прослойкѣ, заложенной между отдѣльными разрядами рабочихъ въ видѣ объединяющей каждый изъ нихъ профессіональной организаціи — передается гораздо труднѣе, и—продолжая наше эпидеміологическое сравненіе—зараза локализируется. Вотъ, между прочимъ, причина, почему россійскія стачки сразу захватываютъ такія массы рабочихъ самыхъ разнородныхъ профессій. И нужно было только революціонное время, чтобы эта важная и кардинальная черта нашего стачечнаго движенія выступила съ яркостью, которая ошеломила Европу.

Вторая черта стачечной борьбы въ Россіи состоитъ въ томъ, что всѣ стачки въ Россіи имѣли политическое значеніе. Стачка всегда была нарушеніемъ существующихъ законовъ и фактическимъ разрушеніемъ тѣхъ рогатокъ политическаго безправія, которые воздвигнуты были полицейскимъ абсолютизмомъ. Къ стачечникамъ примѣнялась 1358 ст. улож. о наказаніяхъ, налагающая тяжелую кару за досрочное расторженіе найма. И именно потому, что законъ запрещалъ стачки, всякая болѣе или менѣе массовая стачка пріобрѣтала политическое значеніе, заставляла приходить въ большое волненіе бюрократическія сферы и вызывала съ ихъ стороны потуги законодательнаго творчества. Такъ было съ Иваново-Вознесенскими стачками 1885 года, то-же повторилось съ петербурской майской стачкой 1896 года г., то-же относится къ стачкамъ 1903 г. Первыя изъ нихъ вызвали появленіе на свѣтъ зачатковъ русскаго фабричнаго законодательства; вторая повлекла за собою законодательную нормировку рабочаго дня; третья имѣла своимъ послѣдствіемъ каррикатурный законъ о фабричныхъ старостахъ.— Стачки, стало-быть, чисто экономическаго характера, направленныя исключительно противъ хозяевъ и возникавшія на почвѣ требованій за улучшеніе условій труда заставляли работать

бюрократическую машину. Въ этомъ отношеніи чуткость русскаго правительства къ стачечной борьбѣ рабочихъ была гораздо больше, чѣмъ любого европейскаго правительства, для котораго стачка рабочихъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ пріобрѣтаетъ значеніе d'une affaire publique, по большей-же части они относятся къ ней, какъ къ явленію частнаго характера, т.-е. вполнѣ равнодушно.—Въ то время какъ соціальное законодательство европейскихъ государствъ имѣетъ своимъ источникомъ соціально-политическіе мотивы, русскіе фабричные законы продиктованы исключительно мотивами и соображеніями полицейскаго характера.

До 1905 года мы можемъ говорить, слѣдовательно, и то лишь съ вышеприведенной оговоркой, объ экономическихъ стачкахъ съ политическимъ значеніемъ, но никакъ не о массовыхъ политическихъ стачкахъ.

Подъ политической массовой стачкой, какъ извѣстно, разумѣютъ стачку, которая не будучи непосредственно направлена противъ предпринимателей, сознательно стремится оказать вліяніе на политическія условія даннаго государства. Для того, чтобы была возможна такая стачка массы пролетаріата должны быть проникнуты важностью и цѣнностью политическихъ правъ, въ нихъ должно быть живо сознаніе своего политическаго безправія и, кромѣ того, онѣ должны быть одушевлены пламеннымъ энтузіазмомъ и горячимъ стремленіемъ завоевать новый государственный порядокъ, добыть себѣ права. Стихійно-классовый инстинктъ долженъ превратиться въ политическое сознаніе гражданина.

Январско-февральская забастовочная волна 1905 года, въ которой мотивы политическіе звучали гораздо сильнѣе, чѣмъ во всемъ стачечномъ движеніи предшествующихъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе не была массовой политической стачкой. Г. Роландъ-Гольстъ такъ характеризуетъ указанный періодъ:

„Въ этомъ чудовищномъ лабиринтѣ перекрещивающихся и идущихъ одна на смѣну другой, крупныхъ и мелкихъ, стихающихъ и разгорающихся стачекъ раздается не только одинъ ясный и громкій боевой пароль, но, какъ голоса въ бурю, доносятся отдѣльные лозунги. Повышеніе заработной платы, сокращеніе рабочаго дня, восьмичасовой рабочій день, окончаніе войны, право собраній и союзовъ, созывъ народнаго парламента для выработки конституціи—таковы нѣкоторые,

наиболѣе важные лозунги. Но подобно тому, какъ въ бурю тысячи голосовъ сливаются въ одинъ могущественный гулъ, точно также всѣ различныя требованія сливаются въ одно желаніе, исходящее изъ революціоннаго стремленія сбросить экономическое, соціальное и политическое иго, въ одно желаніе—свергнуть абсолютизмъ“ *).

Въ общемъ, эта яркая характеристика соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Но въ настоящее время, когда мы можемъ обозрѣть гораздо болѣе обширный матеріалъ, чѣмъ тотъ, которымъ обладалъ нашъ Голландскій товарищъ, писавшая свою книгу въ маѣ 1905 года, для насъ очевидно, что январско-февральскій стачечный періодъ, какъ и стачечная буря, которая бушевала въ маѣ—были преимущественно стачками экономическаго характера, которыя, благодаря своимъ небывалымъ размѣрамъ стали событіями глубокаго политическаго значенія: онѣ совершенно измѣняли соотношеніе дѣйствовавшихъ силъ, онѣ передвинули центръ тяжести всего освободительнаго движенія влѣво. Онѣ подняли на ноги и расшевелили самые отсталые слои протаріата, онѣ всколыхнули милліонныя массы, словно живительная буря, онѣ пронеслись надъ всей страной и расчистили гнетущую атмосферу самыхъ темныхъ уголковъ и самыхъ забитыхъ профессій, гдѣ сотни тысячъ людей прозябали. Онѣ для этихъ многихъ сотенъ тысячъ были первой школой классовой солидарности и организаціи. Если верхи проелтаріата, его сознательный авангардъ въ столицахъ и нѣсколькихъ крупныхъ городахъ, весь смыслъ движенія усматривали въ тѣхъ политическихъ лозунгахъ, которые раздавались въ рѣчахъ на собраніяхъ и въ летучихъ листкахъ, то въ широкихъ массахъ какъ столичнаго, такъ и провинціальнаго пролетаріата эти лозунги еще не находили сознательнаго отклика.

Конечно, смутное революціонно-политическое настроеніе не было чуждо и этимъ слоямъ, но сознательно они возставали во-имя и ради улучшенія условій своего труда. Если-мы возьмемъ Царство Польское, гдѣ въ январско-февральскій періодъ стачечное движеніе носило наиболѣе всеобщій характеръ, гдѣ оно цѣликомъ почти проходило подъ руководствомъ соціалитическихъ организацій, гдѣ,—какъ напр. въ Варшавѣ,

*) Г. Роландъ-Гольстъ—l. c. стр. 103.

—въ первые дни стачки воздвигались баррикады, поджигались казенныя винныя лавки и было убито нѣсколько сотъ варшавскихъ гражданъ, то и тамъ политическій характеръ стачки не выступалъ на первый планъ. Борьба, вовлекшая въ свой водоворотъ всѣ слои пролетаріата—торговаго, ремесленнаго, желѣзнодорожнаго и фабрично-заводскаго—велась массами подъ знаменемъ экономическихъ требованій. Послѣ того какъ послѣднія были до извѣстной степени удовлетворены, забастовка на Варшавскихъ фабрикахъ и желѣзныхъ дорогахъ прекратилась. Польская прогрессивная публицистика оцѣниваетъ это движеніе, какъ „переоцѣнку условій труда", а реакціонная—какъ дьявольское навожденіе соціалистовъ.

Уже январьско-февральская стачечная волна обнаружила совершенно новый, для Европы непонятный фактъ, а именно чрезвычайную воспріимчивость къ этой пролетарской формѣ борьбы такихъ слоевъ и группъ населенія, которыя по своему соціальному положенію, по настроенію и по своимъ цѣлямъ въ сущности весьма далеки отъ пролетаріата. Не говоря уже о томъ, что стачка охватила обширные слои разнаго рода служащихъ и торговаго пролетаріата, стоявшихъ доселѣ вдали отъ борьбы рабочаго класса—она распространилась также на студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей, профессоровъ, наконецъ, на учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Идеѣ забастовки стали сочувствовать врачи, адвокаты, инженеры, вообще представители либеральныхъ профессій. Осуществившаяся въ царствѣ польскомъ. „гимназическая" забастовка имѣла цѣлью реформу средней школы въ Польшѣ, т.-е, освобожденіе ея отъ гнета руссификаціи; цѣлью начавшейся въ январѣ же забастовки профессоровъ и студентовъ было рядомъ съ широкой университетской автономіей, измѣненіе общаго политическаго режима. Такимъ образомъ перекинувшись на эти общественныя группы, забастовка сдѣлалась специфическимъ орудіемъ политической борьбы, орудіемъ давленія на правительство.

Нигдѣ еще и никогда стачка не имѣла того всеобъемлющаго значенія, какъ въ Россіи за этотъ годъ революціи. Если-бы требовалось еще доказательство первенствующей роли пролетаріата въ нашей революціи, то кажется, трудно найти лучшее, чѣмъ это всеобщее признаніе и усвоеніе специфически-пролетарскаго средства борьбы—стачки. Послѣд-

няя изъ орудія экономической борьбы главнымъ образомъ промышленнаго и отчасти ремесленнаго пролетаріата превращается не только въ орудіе борьбы всѣхъ рѣшительно слоевъ пролетаріата физическаго и интеллигентнаго труда, но вообще—всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ элементовъ, борющихся съ абсолютизмомъ. Форма барьбы, вытекающая изъ соціальнаго положенія рабочаго класса, т.-е. чисто классовая форма борьбы, становится общенаціональной формой борьбы. Но гегемонія пролетарскаго способа классовой борьбы безусловно свидѣтельствуетъ о томъ, что именно пролетаріатъ шелъ впереди революціоннаго движенія. Благодаря этой общности военныхъ дѣйствій создается почва для сближенія и объединенія разнородныхъ по своему соціальному положенію элементовъ и создается атмосфера, чрезвычайно благопріятная для проведенія всеобщей забастовки въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Это обстоятельство и сыграло немалую роль въ дѣлѣ организаціи «всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза», а, стало-быть и въ дѣлѣ осуществленія октябрской политической стачки.

Раньше, чѣмъ говорить о характерѣ этой послѣдней, намъ слѣдуетъ еще остановиться на сентябрской Московской стачкѣ типографовъ, представляющей собою чрезвычайно важное явленіе, обогатившей „военную технику“ пролетаріата новыми средствами, давшей громадный толчекъ его организованной борьбѣ. Сравнительно незначительная по своему объему (10,000 человѣкъ), объявленная во имя чисто экономическихъ требованій, эта стачка замѣчательна, вопервыхъ тѣмъ, что охвативши всѣхъ рабочихъ такой важной въ наше время профессіи, какъ типографское дѣло, она приковала къ себѣ вниманіе всей Россіи, ибо благодаря ей въ теченіе цѣлаго ряда дней выходъ газетъ въ Москвѣ прекратился. Но самое главное не это, а то, что она начата была подъ непосредственнымъ руководствомъ соціальдемократическаго типолитографскаго союза, и затѣмъ до самаго своего конца мы видимъ во главѣ ея стройную организацію—„общее собраніе депутатовъ типографскихъ рабочихъ“—руководящую всѣмъ движеніемъ, весьма авторитетную какъ въ глазахъ бастующихъ рабочихъ, такъ и въ общественномъ мнѣніи. „Парламентъ типографовъ“, засѣдавшій въ Капцовскомъ училищѣ не только сыгралъ большую

роль въ дѣлѣ объединенія типографскихъ рабочихъ Москвы, но далъ также другимъ группамъ московскихъ рабочихъ наглядный примѣръ и урокъ организованной борьбы. Тогда именно, въ эти сентябрскіе дни, впервые начала воплощаться мысль объ устройствѣ общегородского Совѣта рабочихъ депутатовъ. Этотъ видъ организаціи, наиболѣе приспособленный для революціоннаго времени, отвѣчалъ глубокой потребности сплоченія рабочихъ всего города. И именно стачка, необходимость ея организованнаго и солидарнаго проведенія всѣми рабочими, вызываетъ къ жизни совѣты рабочихъ депутатовъ, имѣвшіе въ дальнѣйшемъ ходѣ событій столь большое значеніе. Слѣдуетъ замѣтить, что осуществить подобную организацію удалось такъ легко благодаря отсутствію крѣпкихъ, устойчивыхъ профессіональныхъ союзовъ, тѣснѣе замыкающихъ рабочихъ въ кругъ интересовъ данной профессіи.

Революціонное возбужденіе, вызванное сентябрской стачкой типографовъ — присоединеніе къ ней нѣкоторыхъ другихъ профессій и цѣлаго ряда заводовъ, стачка по солидарности петербургскихъ типографовъ, пріостановившая на нѣсколько дней выходъ столичныхъ газетъ, митинги въ университетѣ и подъ открытымъ небомъ, столкновенія съ полиціей и войсками — естественно должно было вылиться въ болѣе широкое движеніе. Такимъ движеніемъ въ силу всего прошлаго, могла быть только всеобщая забастовка, отличающаяся какъ по формѣ, такъ и по своему характеру отъ прошлыхъ забастовокъ. Что касается формы, то пролетаріатъ въ общемъ сознавалъ вполнѣ отчетливо, что затяжная всеобщая забастовка, длящаяся мѣсяцами, причемъ движеніе въ одномъ мѣстѣ угасаетъ для того, чтобы вспыхнуть въ другомъ, а по истеченіи нѣкотораго времени возобновиться въ первомъ, вызываетъ, правда, затяжную дезорганизацію хозяйства и правительственнаго механизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ послѣднему возможность приспособляться. Эта форма забастовки должна, слѣдовательно, уступить мѣсто стачкѣ одновременно охватывающей всѣ главнѣйшія отрасли производства и въ особенности желѣзныя дороги, парализующей сразу дѣятельность правительства.

Несмотря на существованіе „всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза“, поставившаго во главу вопросовъ подлежа-

щихъ обсужденію на его іюльскомъ съѣздѣ—вопросъ о всеобщей желѣзнодорожной забастовкѣ, о срокѣ объявленія послѣдней, о внутренней организаціи и характерѣ ея—забастовка вспыхнула какъ-то неожиданно и для союза и для засѣдавшаго въ то время въ Петербургѣ перваго делегатскаго съѣзда желѣзнодорожныхъ служащихъ. Начавшись 6-го октября вечеромъ на Московско-казанской жел. дорогѣ забастовкой машинистовъ товарныхъ поѣздовъ, забастовка захватываетъ въ теченіе 2—3 ближайшихъ дней всѣ дороги московскаго узла за исключеніемъ маловажной Савеловской вѣтви. Движеніе на дорогахъ Петербургскаго узла прекращается нѣсколькими днями позже, между 12 и 16 октября, когда къ забастовкѣ присоединяется также Финляндская дорога. Уже къ 11-ому октябрю забастовка охватила цѣлыхъ 14 дорогъ, 16-го желѣзнодорожное сообщеніе прекратилось на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи.

Мы не будемъ здѣсь подробно останавливаться на исторіи и размѣрахъ октябрьской забастовки, такъ какъ это не входитъ въ нашу тему. Мы интересуемся формами пролетарской борьбы, причемъ эти формы должны быть не изобрѣтены, а открыты, т.-е. выведены изъ дѣйствительности, изъ конкретной борьбы рабочаго класса.

Въ центрѣ октябрьской стачки, какъ мы видѣли, стоитъ всеобщая желѣзнодорожная забастовка. Вокругъ послѣдней концентрируется, къ ней, какъ фокусу сходятся—всѣ прочія вспыхивавшія одна за другой, въ одномъ городѣ за другимъ—стачки.

Желѣзнодорныя стачки происходили еще въ январѣ и февралѣ, такъ напр. въ Царствѣ Польскомъ на всѣхъ дорогахъ она проходила очень дружно при громадномъ энтузіазмѣ участниковъ и сочувствіи публики. Кромѣ того цѣлый рядъ другихъ желѣзнодорожныхъ линій былъ охваченъ стачкой. Добившись кое-гдѣ нѣкоторыхъ реальныхъ уступокъ, а большею частью однихъ лишь обѣщаній—желѣзнодорожники успокоились. Однако, забастовки въ то время носили, какъ указывалось выше, преимущественно экономическій характеръ, хотя выставлялись нерѣдко и политическіе лозунги. Октябрьская желѣзнодорожная забастовка отличается отъ прежнихъ не только своими колоссальными размѣрами, но также и многими другими характерными чертами, которыя

необходимо здѣсь отмѣтить, такъ какъ именно благодаря имъ, она превратилась въ мощное всенародное движеніе, заставившее абсолютизмъ пойти на капитуляцію.

Прежде всего на лицо имѣлся „всероссійскій желѣзнодорожный союзъ", организація смѣшаннаго характера, включавшая въ свои ряды какъ служащихъ (высшихъ и низшихъ), такъ и рабочихъ. Благодаря наличности организаціи, для членовъ которой всеобщая забастовка въ идеѣ была дѣломъ давно рѣшеннымъ, она могла съ такой быстротою охватить всѣ дороги. И если все-же потребовалось цѣлыхъ девять дней для того, чтобы стачка распространилась на всѣ дороги, то это объясняется, во-первыхъ тѣмъ, что въ „всероссійскомъ желѣзнодорожномъ союзѣ" была организована лишь весьма незначительная часть россійской желѣзнодорожной арміи, во-вторыхъ, отсутствіемъ сильной централизаціи которая позволила бы по одному напередъ данному сигналу сразу остановить движеніе во всѣхъ концахъ государства. Такимъ образомъ и здѣсь успѣхъ и быстроту распространенія движенія слѣдуетъ въ большей мѣрѣ отнести на долю стихійной революціонности и воспріимчивости къ стачечной заразѣ.

Если январско-февральскія желѣзнодорожныя стачки имѣли преимущественно экономическій характеръ, то октябрьская была преимущественно политической, хотя выставлялись также профессіональныя требованія. Это и была первая въ Россіи массовая политическая забастовка. Она была-бы и массовой и политической даже въ томъ случаѣ, если-бы она не вышла за предѣлы желѣзнодорожнаго дѣла.

Желѣзныя дороги—это кровеносные сосуды и нервы хозяйственнаго и политическаго организма современнаго государства. Пріостановка желѣзнодорожнаго движенія вліяетъ на различныя части этого послѣдняго такъ-же, какъ перерѣзка сосуда или нерва: ихъ дѣятельность парализуется. По выражанію одной изъ резолюцій, желѣзнодорожная стачка сковала внутреннюю жизнь страны. Современный правительственный механизмъ, опирающійся въ своей автоматической работѣ на желѣзныя дороги, почту, телеграфъ и телефонъ—перестаетъ дѣйствовать. Мобилизація войска крайне затрудняется. Въ тоже время тревога и революціонное возбужденіе, вызванныя забастовкой съ каждымъ днемъ растутъ. Однимъ

взмахомъ все населеніе страны вовлекается въ атмосферу революціонной стачки, такъ какъ оно не можетъ не интересоваться ею. Цѣны на всѣ съѣстные припасы и главнѣйшіе продукты ростутъ, въ перспективѣ голодъ. Жители торопливо запасаются всѣмъ необходимымъ. Голодъ, однако, грозитъ не только людямъ, но и заводамъ и фабрикамъ, ощущающимъ недостатокъ топлива и сырья, подвозъ коихъ пре, кращенъ. Буржуазіей овладѣваетъ тревожное настроеніе-иллюстраціей котораго могутъ служить заявленія, посыпавшіяся въ дни забастовки отъ различныхъ организацій крупной буржуазіи. Такъ, предсѣдатель московскаго биржеваго комитета сообщаетъ по телеграфу министру финансовъ, что если забастовка желѣзныхъ дорогъ продолжится хотя-бы недѣлю московскія крупныя фабрики пріостановятся. Московская хлѣбная биржа доводитъ до свѣдѣнія того-же министра, что вслѣдствіе забастовки грозитъ острый продовольственный кризисъ. Уже въ этихъ заявленіяхъ, направленныхъ по адресу высшаго правительственнаго чиновника слышится упрекъ правительству и требованіе принять мѣры. А вотъ и прямые требованія. Избранная отъ московскихъ фабрикантовъ комиссія въ своемъ докладѣ генералъ-губернатору говоритъ, что „лучшей мѣрой для успокоенія умовъ является дарованіе русскому народу основныхъ свободъ и реорганизація положенія о государственной думѣ на конституціонныхъ началахъ“. Петербургская городская дума еще два мѣсяца тому назадъ принесшая вѣрноподаническую благодарность за Булыгинскій парламентъ 6-го августа, теперь почти единогласно принимаетъ резолюцію, указывающую „на необходимость принятія со стороны правительства безотлагательно мѣръ къ удовлетворенію назрѣвшихъ экономическихъ и политическихъ требованій населенія“.

Всего этого можетъ быть, было-бы уже вполнѣ достаточно для оказанія давленія на правительство. Забастовка служащихъ въ цѣломъ рядѣ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ, а также городскихъ, забастовка въ банкахъ, конторахъ и страховыхъ обществахъ, всеобщія забастовки въ Вильнѣ. Одессѣ, Оршѣ, Тамбовѣ, Лодзи, Пабіаницахъ, Згержѣ, Ревели, Тифлисѣ и многихъ другихъ городахъ, наконецъ, забастовка правительственныхъ чиновниковъ—не создавали, а только усложняли крайнюю дезорганизацію всей правитель-

ственной машины, всей капиталистической торговли и промышленности. Но съ другой стороны именно это разростаніе желѣзнодорожной забастовки до размѣровъ какой-то неимовѣрно гигантской лавины придавало октябрскому движенію характеръ той побѣдоносной мощи, передъ которой нельзя не отступить. И самодержавіе 17-го октября отступило!

Въ дни октябрьской забастовки зародился въ Петербургѣ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, объединительный органъ борьбы петербургсаго пролетаріата, тѣсно связывавшій рабочія массы съ революціей. Вплоть до декабрскихъ дней совѣтъ рабочихъ депутатовъ сталъ центромъ революціонной инициативы, квартирой генеральнаго штаба для революціи. Возникновеніе такого инициативнаго штаба, вершавшаго судьбы революціи, создало ослѣпительно-блестящую иллюзію, будто пролетаріатъ Петербурга представляетъ собою необыкновено стройно организованную армію, для снаряженія въ бой которой достаточно рѣшенія и плана объединяющаго центра. Это была иллюзія, потому что нѣсколько сотъ организованныхъ въ совѣтѣ, правда, вліятельныхъ и авторитетныхъ въ глазахъ своихъ товарищей пролетаріевъ отожествлялись съ организаціей полумилліоннаго пролетаріата Петербурга.

Напряженность революціонной атмосферы была, однако, настолько сильна, что спустя всего двѣ недѣли послѣ октябрьской забастовки, Петербургскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ могъ рѣшиться на призывъ столичнаго пролетаріата къ всеобщей стачкѣ—демонстраціи, по поводу Кронштадскихъ событій и объявленія Польши на военномъ положеніи. Петербургкіе рабочіе съ энтузіазмомъ послѣдовали призыву своего Совѣта. 2-го ноября, въ полдень на всѣхъ болѣе крупныхъ фабрикахъ и заводахъ началась забастовка на сей разъ чисто политическая, безъ предъявленія требованій профессіонально-экономическаго характера. Забастовали также желѣзныя дороги и типографіи, такъ что Петербургъ былъ отрѣзанъ отъ всей Россіи и западной Европы. Всеобщая демонстративная стачка удалась великолѣпно, и Совѣтъ рабочихъ депутатовъ постановилъ прекратить ее 7 ноября, въ 12 часовъ дня. Петербургскіе рабочіе по сигналу данному Совѣтомъ стали на работу такъ-же единодушно, какъ пять дней передъ тѣмъ они ее прекратили.

Ноябрьская стачка замѣчательна двумя новыми чертами: во-первыхъ, она была ярко-политической стачкой,—во-вторыхъ, она произошла не стихійно, а организованно по данному сигналу рабочей организаціи. Такой громадный успѣхъ, передъ внушительной силою котораго буржуазія и правительство пришли въ полное недоумѣніе—долженъ былъ придать Совѣту рабочихъ депутатовъ еще больше увѣренности и подкрѣпить ту иллюзію, о которой я говорилъ выше. Казалось, что Совѣтъ рабочихъ депутатовъ въ состояніи превратить революцію—стихію, въ революцію—планомѣрную битву. Вмѣстѣ съ тѣмъ являлось горделивое сознаніе, что коль скоро полумилліонная истинно-пролетарская армія готова по первому зову подняться, то нечего особенно заботиться о подкрѣпленіяхъ, со стороны элементовъ не-пролетарскихъ, т.-е. буржуазно-демократическихъ.

Всѣ указанные здѣсь моменты, на которыхъ мы не можемъ останавливаться подробнѣе, наложили свою печать на дальнѣйшій ходъ событій, на дальнѣйшую борьбу пролетаріата. Декабрьское возстаніе должно было быть той „послѣдней всероссійской схваткой“, революціи съ самодержавіемъ, о которой говоритъ резолюція вынесенная Петербургскимъ С. Р. Д. вечеромъ 5 ноября. Вмѣсто этого оно оказалось п е р в о й всероссійской схваткой самодержавія съ революціей, результаты которой на цѣлые мѣсяцы парализовали революцію.

Не забудемъ, что сила какъ Петербургскаго, такъ и другихъ Совѣтовъ рабочихъ депутатовъ заключалась не въ нихъ самихъ, а въ революціонномъ настроеніи массъ, въ той боевой атмосферѣ, которая была разлита и въ столицахъ и въ провинціальныхъ городахъ. Въ этомъ настроеніи масса съ готовностью воспринимаетъ призывъ къ выступленію, въ особенности, когда такой призывъ исходитъ отъ организаціи объединяющей представителей рабочихъ. Тамъ, гдѣ такого настроенія у ж е не было,—что можно утверждать относительно Петербурга—рабочіе весьма вяло откликнулись на призывъ своего Совѣта. Тамъ, гдѣ революціонная готовность еще не истощилась предшествовавшей борьбой, достаточно было твердаго рѣшенія Совѣта, чтобы пролетаріатъ, какъ одинъ человѣкъ, выступилъ на борьбу.

Что новаго внесли декабрьскіе дни въ организованную

борьбу пролетаріата. Обогатили-ли они ее новымъ содержаніемъ, подвинули-ли они ее на болѣе высокую ступень? Петербургъ какъ мы знаемъ, остался почти въ сторонѣ отъ декабрьскаго движенія. Послѣ ноябрьской забастовки, имѣвшей характеръ генеральныхъ маневровъ, онъ не былъ ужъ въ состояніи подняться по новому призыву Совѣта. Сказалось въ полной мѣрѣ, несоотвѣтствіе между фактической неорганизованностью м а с с ъ и иллюзіями представительнаго органа этихъ массъ—С. Р. Д. Но въ то-же время Москва и другіе города Россіи, теперь подвинулись на такой же шагъ, на какой Петербургъ подвинулся въ ноябрѣ. Забастовка въ нихъ была дѣломъ Совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, по призыву которыхъ жизнь въ городѣ моментально останавливалась. Въ этомъ отношеніи ноябрьская Петербургская стачка не только дала „новый урокъ царскому правительству“ *), но была и прообразомъ борьбы, для русскихъ пролетаріевъ въ декабрѣ.

Московское возстаніе, упорная партизанская баррикадная борьба совершенно заслонила собою всеобщую декабрьскую политическую забастовку. Поскольку, онако, рѣчь идетъ о декабрьской борьбѣ пролетарскихъ м а с с ъ въ Россіи, послѣдняя выразилась не въ постройкѣ баррикадъ и въ вооруженныхъ войскахъ, а именно въ массовой политической стачкѣ, характерной и новой стороной которой является иниціатива въ большинствѣ случаевъ Совѣтовъ рабочихъ депутатовъ...

Нашъ краткій и по необходимости крайне сжатый обзоръ позволяетъ намъ сказать, что на всемъ протяженіи русской революціи стачка въ той или иной формѣ, съ тѣми или иными лозунгами, была основной формой борьбы не только для пролетаріата но и для другихъ, участвовавшихъ въ революціи слоевъ и группъ населенія. Экстенсивность и интенсивность распространенія стачки, ея характеръ—были моментами опредѣляющими поступательное движеніе и повороты революціи, поскольку послѣдняя совершалась въ городахъ. На стачкѣ, какъ на главномъ фонѣ вырастаетъ многообразіе деталей, эпизодовъ и картинъ революціонной борьбы, усложняющихъ и подчасъ заслоняющихъ собой самый фонъ.

Это, какъ мы видѣли, не случайное явленіе, но вполнѣ

*) Изъ резолюціи 5-го ноября.

закономѣрное, вытекающее изъ той роли, которую пролетаріатъ играетъ въ современномъ обществѣ и въ россійской революціи—въ частности...

Революція не кончена. Въ близкомъ будущемъ предстоитъ еще страшная борьба противъ укрѣпляющаго свои позиціи абсолютизма. И пролетаріатъ долженъ быть готовъ выступить во всеоружіи своихъ силъ. Сила пролетаріата въ его организаціи.

„Пролетаріату, говоритъ Г. Роландъ-Гольстъ, нужны дисциплина, опытность и выучка, нестолько для того, чтобы вступить въ борьбу, сколько для того, чтобы продолжать ее; главнымъ же образомъ, чтобы не позволить врагу запугивать и обманывать себя. Недисциплинированный и неорганизованный пролетаріатъ, въ особенности, въ моменты возбужденія, можетъ также быть храбрымъ бойцомъ, иногда даже болѣе храбрымъ, чѣмъ организованный и дисциплинированный пролетаріатъ, потому что онъ меньшимъ рискуетъ; но онъ въ гораздо меньшей степени способенъ на продолжительную борьбу. Масса неорганизованнаго пролетаріата находится во власти настроеній. Ея мужество то растетъ, то спадаетъ, какъ волна; сегодня она отважно устремляется на гораздо болѣе сильнаго врага, завтра она бросается вразсыпную передъ воображаемой опасностью. Она легко пугается всякой угрозы, обезоруживается каждой приманкой, приводится въ ярость малѣйшимъ подзадориваніемъ. Не такъ поступаетъ дисциплинированный, опытный, организованный пролетаріатъ. Правда, и онъ доступенъ человѣческимъ настроеніямъ страха и надежды, но онъ не позволяетъ имъ завладѣвать собою, а самъ становится ихъ господиномъ. Даже въ волненіи онъ сохраняетъ хладнокровіе; боевой опытъ выучилъ его остерегаться малодушія и излишняго задора. Только опытный пролетаріатъ можетъ противопоставить непоколебимую рѣшимость всѣмъ угрозамъ, провокаціямъ и заманиваніямъ.“

З. Ленскій.

Мѣстное самоуправленіе въ годъ революціи.

I.

Хотя основной моментъ опредѣлявшій и опредѣляющій группировку и распредѣленіе политическихъ силъ въ странѣ достаточно выяснился, тѣмъ не менѣе, процессъ ихъ дифференціаціи еще не совсѣмъ закончился, политическія партіи большей частью зародились только въ процессѣ революціи, и эти обстоятельства не только затрудняютъ возможность дѣлать прогнозъ о роли каждой партіи въ будущемъ, но и заставляетъ возможно осторожнѣе подводить итоги ихъ дѣятельности въ прошедшемъ. Есть, однако, одна общественная организація, которая уже сказала свое послѣднее слово, и чтобы ни случилось въ будущемъ, какіе бы размѣры и формы ни приняла все усложняющаяся русская революція—эта общественная организація ничего новаго не скажетъ. Мы говоримъ о мѣстномъ самоуправленіи—земскомъ и городскомъ—нынѣшней ихъ соціально-юридической конструкціи.

Исторія сыграла съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, въ особенности съ земскимъ, злую шутку. Фигура земскаго дѣятеля была въ глазахъ обывателя долгое время окружена какимъ-то поэтическимъ флеромъ. Буржуазные идеологи, не переставая, говорили о „сверхъ“ и надклассовой природѣ земскаго дѣятеля, цѣнность его политическихъ вожделѣній они неизмѣнно объясняли особо присущимъ земскому дѣятелю, какъ таковому, стремленіемъ къ „истинно культурнымъ“ формамъ общежитія, стремленіемъ свойственнымъ

истинно-просвѣщеннымъ“ людямъ. На рынкѣ либерализма политическая мѣновая цѣнность господъ земцевъ котировалась не только какъ высокопробная потенція къ „освобожденію“, но и какъ нѣчто, создавшее освободительное движеніе. Только соціалистическая демократія не плѣнялась либеральной фразой и, отдавая дань подчасъ мученическому облику земскаго либерала, всегда указывала на классовую подоплеку т. наз. земской оппозиціи. И представители соціалистической демократіи были за то объявлены односторонними, невѣжествами, грубыми людьми, задавшимися цѣлью обезцѣнить культуру и сладость сверхклассоваго бытія. Въ лучшемъ случаѣ, свободолюбивые буржуазные идеологи замалчивали соціалдемократовъ и третировали ихъ какъ узкихъ, неимовѣрно фанатическихъ изувѣровъ и догматиковъ матеріализма. И что же? Началась революція, и дѣленіе общества на политическія партіи чуть ли не совпало съ тѣмъ, кто, сколько имѣетъ десятинъ земли, орудій производства, фондовыхъ бумагъ, содержанія на общественной или государственной службѣ. Свободолюбивѣйшіе земцы апеллируютъ не столько къ истинному гуманитаризму, дѣйствительной соціальной справедливости, сколько къ „освященныхъ вѣками священнымъ правамъ собственности“, подсказывающихъ имъ требованіе вознагражденія за землю по „справедливой оцѣнкѣ“. Какимъ-то чудеснымъ образомъ случилось такъ, что въ крестьянскомъ союзѣ нѣтъ либеральныхъ помѣщиковъ, а либеральные городскіе и земскіе дѣятели—противъ хозяйственной дезорганизаціи, вносимой забастовками. По странному стеченію обстоятельствъ земско-городскіе дѣятели отгораживались отъ революціи послѣ октябрскихъ контр-революціонныхъ злодѣяній и съ негодованіемъ говорили „о забастовочныхъ комитетахъ“ послѣ декабрьскихъ ужасовъ...

Всѣ эти чудеса и странности настолько обезцѣнили буржуазно-либеральныя цѣнности, что, казалось, звѣзда земскаго либерализма окончательно закатилась, что народная масса окончательно уяснила себѣ соціальную природу и психологію либерализма, однако, благодаря реакціи и отчасти тактической ошибкѣ демократіи, устранившей себя отъ выборовъ, либерализмъ снова воспрянулъ, и выступаетъ снова въ роли спасителя отечества.

Мы не сомнѣваемся, конечно, въ томъ, что солнце, возсіявшее надъ русскимъ либерализмомъ будетъ свѣтить не долго, хотя бы по одному тому, что развивающаяся революція еще представитъ ему не мало случаевъ обнаружить свои буржуазно-владѣльческіе когти, но и теперь, въ апогеѣ своей славы, онъ не въ состояніи прикрыть или умалить значеніе того факта, что мѣстное самоуправленіе въ собственномъ смыслѣ, т.-е. безъ „третьяго элемента“,—занимающаго такое видное мѣсто въ рядахъ конституціонно-демократической партіи, представляетъ въ массѣ своей поразительное зрѣлище идейнаго убожества и жалкихъ попытокъ проявлять свои феодалистическіе аппетиты и реакціонныя вожделѣнія. Поучительно въ этомъ отношеніи сравненіе земскихъ сессій 1904—1905 и 1905—1906 г.г.

II.

Земскія собранія сессіи 1904—1905 г. состоялись подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ незадолго передъ тѣмъ состоявшагося перваго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей (6—9 ноября). Не считая отдѣльныхъ заявленій политическаго свойства, заявленій, которыя и раньше въ разное время дѣлали земцы, земскій съѣздъ 6—9 ноября 1904 года былъ первымъ такъ или иначе организованнымъ политическимъ выступленіемъ представителей всѣхъ земскихъ губерній. Эти заявленія были робки, нерѣшительны, земская резолюція выражала „надежды, что верховная власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести страну на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа“. Корень всѣхъ золъ земцы усматривали „въ розобщенности правительства и общества“, и, слѣдовательно, подходящее лекарство есть „созданіе живого и тѣснаго общенія и единенія представителей власти съ обществомъ“. Другими словами, это былъ новый варіантъ старыхъ разговоровъ о средостѣніи между „обществомъ“ и верховной властью. Земскіе представители еще не предвидѣли тогда, что скоро подымутся низы, vulgus, что для того, чтобы претендовать на званіе общественныхъ представителей и разсчитывать на поддержку

массъ народа, необходимо, хотя бы приличія ради, въ своихъ публичныхъ заявленіяхъ выражать интересы этихъ массъ и выступать съ той или другой программой соціальныхъ реформъ. Земцы этого не сдѣлали, по своему общественному происхожденію не могли этого сдѣлать, тѣмъ не менѣе, ихъ организованное выступленіе при тогдашней обстановкѣ имѣло извѣстное прогрессивное значеніе.

Земцы выступили, какъ люди „облеченные довѣріемъ". Хотя ихъ выбиралъ не народъ, а кучка феодоловъ и владѣтельной буржуазіи, но самозванной бюрократіи, къ которой г.г. земцы обращались, они могли говорить, если не отъ имени общества, съ которымъ они отожествляютъ народъ, то по крайней мѣрѣ отъ лица земствъ. Что первый земскій съѣздъ выражалъ взглядъ большинства земствъ видно изъ того, что его резолюція встрѣтила на мѣстахъ сильную поддержку. Отдѣльные протестующіе голоса вродѣ заявленія московскихъ охранителей въ лицѣ Самарина и др. нельзя, конечно, принять въ счетъ. Наоборотъ, земскія собранія сессіи 904—905 г.г. съ успѣхомъ проводили резолюціи, въ духѣ принятой съѣздомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, обстановка въ которой проходила декабрьская сессія собраній была необычайная, въ высшей степени благопріятная для либеральныхъ и совершенно неблагопріятная для реакціонныхъ элементовъ. Возбужденіе и недовольство въ странѣ было всеобщее. Каждое пораженіе на Дальнемъ Востокѣ молотомъ ударяло по наболѣвшему сердцу народа. Промышленный кризисъ и безконечныя мобилизаціи обезсилили и разорили страну. Масса народа, лишеннаго свободы собраній, ходила на земскія собранія и тамъ съ неимовѣрнымъ напряженіемъ ждала, что скажутъ тѣ, кто мнитъ себя общественными дѣятелями. Лихорадочнымъ блескомъ глазъ, ясно выраженной на лицахъ готовностью поддержать всякое постановленіе, сколько-нибудь отвѣчающее накипѣвшей потребности возможно рѣзче протестовать противъ преступнаго режима деспотіи и авантюризма, всѣмъ этимъ, говоримъ мы, публика толкала гг. земцевъ на либеральныя заявленія.

Какъ реагировали на это земцы? Приведемъ крайне характерную для опредѣленія сущности либеральнаго стиля рѣчь, произнесенную въ Орловскомъ губернскомъ собраніи

гласнымъ В. А. Потуловымъ. „Министръ внутреннихъ дѣлъ въ недавней своей рѣчи,—сказалъ упомянутый гласный,—упомянулъ о довѣріи къ обществу. Поставленный властью Монарха, онъ высказалъ эти слова съ изволенія Монарха, явился добрымъ вѣстникомъ Монарха. Вотъ почему наши сердца наполнились радостью. Довѣріе съиздавна укрѣпляло Россію, довѣріе давало ей ростъ и силу. Что, какъ не довѣріе, заставило нашихъ предковъ итти на сѣверъ искать себѣ князя? Что же, какъ не довѣріе, заставило князя принять правленіе? 300 лѣтъ тому назадъ, то же довѣріе, поддержало и спасло Россію. Что же, какъ не довѣріе, заставило итти въ далекій монастырь, чтобы призвать на царство молодого юношу Михаила Ѳеодоровича, перваго царя изъ дома Романовыхъ? Что же, какъ не довѣріе побудило князя принять выборъ?“. Разсказавъ далѣе о томъ, что „недобрые“ люди сѣяли всюду недовѣріе, г. Потуловъ продолжаетъ: „Какъ вдругъ съ престола раздались слова о довѣріи. Вотъ почему мы воспрянули духомъ, нашлись силы, вотъ почему явилась готовность вести дѣло, которое поручено намъ Царемъ... Люди земли понесутъ свои слезы къ престолу, безъ страха и лести выскажутъ свои чувства. Не изъ рапортовъ канцелярій, онъ узнаетъ наши стремленія. У его ногъ мы сложимъ свои наболѣвшія нужды. И любвеобильное сердце его найдетъ, какъ уврачевать сердца вѣрноподданныхъ, какъ спасти гибнущихъ, слабыхъ и колеблющихся. Я предлагаю повергнуть къ стопамъ Его Им. Вел. выраженіе чувствъ вѣрноподданической преданности и готовности цѣною жизни оправдать высказанное довѣріе *).

И эта невѣжественная, грубая и насквозь пропитанная византійщиной самаго дурного вкуса патетическая рѣчь, окончательно побѣдила собраніе, настроила его на либеральный ладъ, и оно приняло адресъ „въ духѣ Калужскаго“. Калужское собраніе было первымъ по времени губернскимъ собраніемъ, и адресъ его послужилъ образцомъ для многихъ другихъ земствъ.

Въ адрессѣ Калужскаго собранія въ возвышенномъ, высокоторжественномъ стилѣ, намекается на необходимость

*) Нар. Хоз. Ян.—Фев. стран. 118.

свободы слова, совѣсти, личности, равенства національностей и, главное, „мощной рати“ выборныхъ представителей. Конечно, гг. калужскіе гласные не преминули упомянуть о томъ, „что земскіе работники и всѣ лучшіе люди, облеченные довѣріемъ Его Величества и довѣріемъ общества, сплотятся вокругъ Великаго престола, готовые защитить его отъ враговъ твердаго правопорядка“. Конечно, здѣсь умалчивается объ избирательной системѣ, амнистіи, свободѣ стачекъ, какъ о томъ же умалчивается въ адресахъ: Полтавскаго, Рязанскаго, Орловскаго и другихъ собраній, но вѣдь это именно и было то, что вполнѣ соотвѣтствовало резолюціямъ 6—9 ноября. Екатеринославскіе земцы, „на основаніи принятой ими присяги: объ ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, коль скоро о томъ увѣдаютъ, не токмо благовременно объявлять но и всякими мѣрами отвращать и допускать тщатися“, говорили о земскомъ соборѣ. Нижегородское собраніе привѣтствовало указъ 12 декабря, „дающій надежды на поступательное движеніе русской жизни“. Изъ всѣхъ собраній, состоявшихся до января, только Саратовское, подъ сильнымъ давленіемъ рабочихъ и публики, представившихъ собранію записки, требовало всеобщаго и равнаго избирательнаго права, а Черниговское—требовало созыва Учредительнаго собранія. Только послѣ 9 января, земская оппозиція довольно рѣзко сбросила съ себя сервилистическій казенный кафтанъ и проявила больше гражданскаго достоинства. Страшное преступленіе 9-го января потрясло и земцевъ. Нѣсколько собраній были совсѣмъ сорваны гласными, на другихъ—ассигновались или собирались деньги въ пользу пострадавшихъ Петербурга. Тверское собраніе требовало созыва народныхъ представителей на основѣ 4-хъ степенной формулы, Владимирское—толковало и необходимости свободы стачекъ и т. д. Такимъ образомъ, хотя далѣе общихъ разговоровъ о народномъ представительствѣ земскія собранія за ничтожнымъ исключеніемъ не шли, но въ этихъ предѣлахъ, въ предѣлахъ очерченныхъ ноябрьскимъ земскимъ совѣщаніемъ, земскія собранія обнаружили единодушіе съ земскимъ совѣщаніемъ. Изъ 34 земскихъ губерній, въ 19 либиральное направленіе прошло значительнымъ большинствомъ, а изъ остальныхъ — ноябрьская резолюція встрѣтила поддержку довольно значительнаго мень-

шинства во многихъ губерніяхъ. И этотъ фактъ мы считаемъ весьма знаменательнымъ для опредѣленія земскаго либерализма.

Обратившись къ оппозиціи городскихъ думъ, видимъ, что политическимъ выразителемъ ихъ требованій явилась Московская Дума. Московская дума, чуть-ли не первой вышла изъ сферы обсужденія, по казенной терминологіи, „мѣстныхъ нуждъ“. Оттого она возбудила къ себѣ всеобщее вниманіе. Оттого Московская дума въ лицѣ городскаго головы, стала организаціоннымъ центромъ будущаго совѣщанія городскихъ головъ, всѣхъ большихъ городовъ. Свое политическое credo Московская дума, выразила въ своемъ извѣстномъ постановленіи 30 ноября. Въ этомъ постановленіи Московская дума говоритъ о гражданскихъ свободахъ, которыя надо провести „въ жизнь на обезпечивающихъ ихъ неизмѣнность незыблемыхъ основахъ, выработанныхъ при участіи свободно выбранныхъ представителей населенія и о необходимости „установить правильное взаимодѣйстіе правительственной дѣятельности съ постояннымъ, на законѣ основанномъ контролемъ общественныхъ силъ надъ законностью дѣйствій администраціи“.

Теперь, зная, что произошло въ Московской думѣ потомъ, т. е. черезъ годъ, при томъ же составѣ гласныхъ, можно бы и не говорить о „радикальной“ резолюціи 30 ноября, но представитель Московской думы явился иниціаторомъ устройства съѣздовъ городскихъ головъ, думы другихъ городовъ находились подъ впечатлѣніемъ московской резолюціи, и эту резолюцію можно во всякомъ случаѣ считать самымъ яркимъ выраженіемъ политическихъ требованій городскихъ думъ. И въ этомъ самомъ яркомъ выраженіи думскихъ политическихъ требованій ничего не говорится о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Такимъ образомъ, можно утверждать, что въ первомъ выступленіи представителей мѣстнаго самоуправленія съ политическими требованіями не проводилось ясно и опредѣленно содержанія понятія „народнаго представительства“.

Судьбѣ угодно было, чтобы раньше, чѣмъ буржуазія получитъ то, чего она домогается, она должна была пройти

довольно длинный искусъ демократизма, радикализма и еще многихъ непріятныхъ вещей. Правительство своей бездарностью, своими дико-звѣриными привычками сокрушать, уничтожать все встрѣчающееся ему на пути, своимъ рѣдкимъ даже въ исторіи самодержавныхъ правительствъ актомъ предательства 9-го января, само на много осложнило положеніе дѣла и возможность примиренія, соглашенія. Буржуазія всполошилась, она увидѣла, что слова о довѣріи не только не измѣнили прежнихъ пріемовъ правленія, но даже усугубили ихъ, буржуазія боялась ничего не получить, и она стала съ тѣхъ поръ запрашивать. И всѣ дальнѣйшія ея заявленія вплоть до 17 октября носятъ именно такой характеръ. Буржуазія вполнѣ могла запрашивать, потому что 9-ое же января дало новое направленіе русской революціи, у нея было на кого указывать пальцами...

Послѣ 9-го января пролетаріатъ всей Россіи объявилъ себя непримиримымъ врагомъ стараго режима. Свою ненависть къ самодержавію, пролетаріатъ выразилъ весьма чувствительной и для буржуазіи формой—забастовками. Положеніе съ каждымъ днемъ осложнялось. Начались аграрныя волненія, точно пожаромъ, перекинувшимся изъ одной губерніи въ другую, охватившимъ весь центръ Россіи и перешедшимъ на окраины. Измученное, изголодавшееся крестьянство выражало свой протестъ противъ своего политическаго и экономическаго рабства „разборкой“ помѣщичьихъ экономій, захватомъ хлѣба. Дѣло не обходилось въ отдѣльныхъ случаяхъ безъ насилій надъ личностью владѣльцевъ и поджоговъ усадебъ. Движеніе это началось въ февралѣ и съ тѣхъ поръ, то затихая, то возгораясь съ новой силой, не прекращалось вплоть до января текущаго года. Подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ массовыхъ движеній, обнаружившихъ всю силу народнаго недовольства, движеній, угрожавшихъ буржуазіи соціальными потрясеніями, даже сахарозаводчики, наступая на самодержавіе, вынуждая его дѣлать уступки, неожиданно указывали на закономѣрность аграрныхъ волненій. Собравшійся въ апрѣлѣ въ насыщенной революціонными парами обстановкѣ, земскій съѣздъ выставилъ требованіе всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Либералы заговорили также о крестьянскомъ малоземельи. Постановленіе земскаго съѣзда не толь-

ко не встрѣчаетъ сильнаго протеста на мѣстахъ, наоборотъ, рядъ думъ и чрезвычайныхъ земскихъ собраній требовали немедленнаго созыва народныхъ представителей. Время не настало еще для лозунговъ; довольно! или даже: отбой! Состоявшійся въ Москвѣ въ мартѣ Пироговскій съѣздъ говорилъ о необходимости итти рука объ руку съ трудящимися массами, а одновременно происходившій съѣздъ агрономовъ и статистиковъ заявилъ, что „только революціонное народное движеніе выведетъ родину на путь преобразованій". Образовавшіеся съ необычайной быстротой профессіонально-политическіе союзы принимали радикальныя требованія, аграрное движеніе росло, революція, словомъ, разросталась, необходимо было принудить правительство скорѣе дѣлать уступки и помѣстная буржуазія опять проводитъ на мѣстахъ резолюціи съѣзда. Ветлужское уѣздное собраніе требуетъ соціальныхъ реформъ. Новоторжская—созыва Учредительнаго Собранія. Минская, Владикавказская, Верхнеднѣпровская, Маріупольская городскія думы, Костромское экстренное губернское собраніе—немедленнаго созыва народныхъ представителей. И т. д. и т. д. И тутъ мы видимъ единогласіе между земскимъ съѣздомъ и мѣстнымъ самоуправленіемъ.

Въ маѣ былъ опять созванъ земскій съѣздъ, на этотъ съѣздъ были приглашены представители городовъ. Съѣздъ этотъ пришелъ къ заключенію о необходимости еще разъ сдѣлать попытку столковаться съ самодержавіемъ. Цусимская катастрофа, долженствовавшая по мнѣнію буржуазіи окончательно обезкуражить правительство, усилившійся гнѣвъ народа толкалъ мѣстныхъ дѣятелей на поступки, и они сдѣлали, что могли! Они направили въ Петербургъ депутацію, чтобы путемъ соглашенія исторгнуть отъ самодержавія уступки для вящщаго укрѣпленія идеи монархизма, вопреки желаніямъ крамолы, которая „не страшна". Попытка эта окончилась, какъ извѣстно, не въ пользу либерализма, и городскіе помѣстные, либералы опять стали будировать. Въ іюнѣ былъ созванъ съѣздъ представителей отъ губернскихъ городовъ, и 117 представителей признали, „что представляется настоятельно неотложнымъ введеніе въ Россіи народнаго

представительства на конституціонныхъ началахъ, т.-е. предоставленія народному представительству рѣшающаго голоса въ вопросахъ законодательства, государственнаго бюджета, объ отвѣтственности министровъ и контроля надъ дѣйствіями администраціи, а равно право законодательнаго почина" и что... 5, не ожидая осуществленія упомянутыхъ реформъ должны быть введены немедленно: неприкосновенность личности и жилищъ, свобода слова и печати, право собраній и союзовъ возстановленіе въ правахъ всѣхъ лицъ, пострадавшихъ за свои политическія и религіозныя убѣжденія". *)

И снова мы наблюдаемъ, какъ цѣлый рядъ городскихъ думъ, экстренныхъ уѣздныхъ и губернскихъ собраній поддерживали своими постановленіями резолюцію съѣзда. Мало этого. Въ думахъ Петербурга, Могилева, харькова, Саратова, Казани, Владикавказа, Царицына, Чернигова, Москвы и др. городовъ обсуждается вопросъ о передачѣ полиціи въ вѣдѣніе городовъ. Симферопольская дума постановила учредить милицію, Московская, Рязанская, Брянская и др. думы отвергли предложеніе администраціи отводить помѣщеніе для казаковъ. Черносотенное избіеніе въ Нижнемъ-Новгородѣ вызываетъ горячій протестъ думы, Саратовская дума посылаетъ по телеграфу нижегородской свою „глубокую скорбь и полное сочувствіе по поводу прискорбныхъ событій. Органы мѣстнаго самоуправленія не боялись входить въ конфликты съ всесильной администраціей. Были, конечно, отдѣльныя заявленія, вродѣ заявленія Буйскаго уѣзднаго собранія, которое въ всеподданнѣйшемъ адресѣ выразило готовность „отдать себя на борьбу съ внутренними врагами, посѣявшими смуту въ народныхъ массахъ и доведшихъ нашу дорогую родину до позора на поляхъ Манджуріи". Но всѣ такія заявленія совершенно терялись въ массѣ заявленій противоположнаго характера.

Все возрастающая сила пролетаріата, безчисленное множество террористическихъ актовъ, напоръ на „священную собственность" со стороны крестьянъ, повергли буржуазію

*) Справедливость требуетъ отмѣтить, что въ редакціонномъ бюро принималъ участіе и Н. А. Гучковъ, Моск.город. голова и извѣстный ораторъ на Дубасовскомъ новогоднемъ обѣдѣ.

въ ужасъ предъ тупостью бюрократіи, неспособной оцѣнить значеніе момента. Буржуазія металась изъ стороны въ сторону—изъ радикальныхъ заявленій къ униженнымъ просьбамъ, и, наконецъ, не видя нигдѣ выхода, въ своемъ мятеніи, іюльскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей даже рѣшилъ обратиться съ воззваніемъ къ народу. Смѣшнѣе этого, конечно, трудно было что-нибудь придумать. Одержимая всюду и всегда неизлѣчимой народобоязнью, умолявшая, благодаря этой народобоязни, бравыхъ генераловъ и придворныхъ лакеевъ о пріемѣ своей депутаціи въ іюнѣ, буржуазія теперь взывала, аппелировала къ народу! Само собой разумѣется, что это постановленіе такъ и осталось на бумагѣ, народъ его не видалъ, но самъ этотъ фактъ весьма характеренъ для тогдашняго настроенія земскихъ и городскихъ либераловъ.

До какой степени аграрное движеніе толкало буржуазію на радикальныя требованія видно изъ того, что Саратовское губернское земское собраніе 17 іюня „признало желательнымъ организацію крестьянскихъ союзовъ на подобіе тѣхъ, какіе организуются въ Московской, Курской губ. и Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губ. То же Саратовское собраніе „высказало свое глубокое убѣжденіе въ необходимости созыва авторитетнаго народнаго представительства для начертанія основныхъ законовъ имперіи. Для введенія аграрнаго движенія въ „правомѣрное русло“ саратовскіе помѣщики аппеллировали къ своему злѣйшему врагу, крестьянскому союзу. О присылкѣ казаковъ съ пулеметами они ходатайствовали ужъ потомъ, когда ихъ истинныя политическія вожделѣнія были удовлетворены и когда бюрократія, развязавшаяся съ войной, была, по ихъ мнѣнію, въ силахъ приступить къ развязкѣ съ революціей...

III.

6-го августа былъ пробнымъ камнемъ для земскаго либерализма. Совѣщательная дума Булыгина была палкой, брошенной въ колесо политическаго „демократизма“ владѣльческой буржуазіи. Колесо хотя и осилило палку, но съ большимъ трудомъ. Достигши своего кульминаціоннаго пункта, своего зенита въ іюлѣ, земскій либерализмъ началъ кло-

ниться къ закату. Въ противовѣсъ первымъ съѣздамъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, вызывавшихъ неизмѣнную поддержку на мѣстахъ, сентябрьскій съѣздъ, созванный для установленія земской тактики по отношенію къ созданному 6-го августа положенію вещей, прошелъ далеко не съ такимъ единодушіемъ и пользовался далеко не такой симпатіей на мѣстахъ, какъ первые земскіе съѣзды. Стали заявлять о себѣ тѣ земскіе элементы, которыхъ даже и положеніе 6-го августа удовлетворило и началось прикрытіе отступленія. Для быстраго и рѣшительнаго отступленія недоставало еще хотя бы формальнаго провозглашенія свободъ и законодательныхъ функцій думы. Отступленіе уже обозначилось на сентябрьскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Тамъ уже обозначилась партія 6-го августа, будущая партія 17-го октября, а еще позже, союзники партіи торговопромышленной и правового порядка. Прикрытіемъ отступленія послужило на первыхъ порахъ желаніе сохранить, цѣлость и нераздѣльность Имперіи! Резолюція съѣзда о предоставленіи правильно организованному народному представительству, учредительныхъ функцій, вызвала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настоящую бурю:

— „Да кто ихъ (земцевъ) выбиралъ, кто ихъ уполномочивалъ, отъ чьего лица они говорятъ и рѣшаютъ?—

„Мѣстами цѣлыя земства категорически протестовали противъ постановленій съѣзда, напр., калужское губернское земство, почти единогласно подписавшее протестъ... Нѣкоторыя земства благодарственными адресами показали ясно несолидарность съ московскимъ съѣздомъ. Новгородская дума прямо вопила, что „необходимо пользоваться моментомъ, когда правительство призываетъ, чтобы спасти конституцію“, *) которая гибнетъ отъ требовательности радикальныхъ элементовъ общества, требовательности, вызывающей контръ-революціонные акты со стороны темной массы.

Во всякомъ случаѣ, сентябрьскій съѣздъ, не отражая настроенія всѣхъ представленныхъ имъ земствъ и городовъ, все-же выражалъ требованія большинства ихъ, за исключеніемъ, конечно, той части требованій, которая касалась учредительныхъ функцій Думы. Ноябрьскій съѣздъ, со-

---

* Н. Строевъ. Историческій моментъ, I. стр. 50.

бравшійся послѣ манифеста 17 октября, удовлетворившаго подавляющее большинство, представленныхъ въ земствахъ и городахъ соціальныхъ группъ, уже совершенно не выражалъ „мѣстныхъ“ требованій. Сентябрьскій съѣздъ состоялъ большею частью изъ представителей будущей конституціонно-демократической партіи, а ноябрьскій—прямо прошелъ какъ съѣздъ конституціонно-демократической партіи. Правые элементы пошли туда съ завѣдомой цѣлью ослабить освобожденскій радикализмъ, если удастся сорвать польскую автономію.—„Что намъ дѣлать—восклицалъ докладчикъ съѣзда г. Милюковъ что къ намъ лѣзутъ представители правыхъ“ партій!“ Онъ не могъ бы этого сказать, еслибы съѣзъ былъ земскимъ, а не партійнымъ.

Мы не будемъ говорить о той позиціи, которую занялъ этотъ послѣдній съѣздъ—онъ еще у всѣхъ у насъ въ памяти. Съѣзъ тянулся безконечно долго въ поискахъ за какой-нибудь точкой опоры. Господа земцы безпрерывно застращивали революцію реакціей, а реакцію революціей, они раскланивались на обѣ стороны, они угрожали, они умоляли, они улыбались, и кончился онъ, конечно... посылкой депутаціи къ сіятельному графу. И этотъ съѣздъ, это послѣднее исканіе опорнаго пункта, съ котораго можно было бы вступить въ соглашеніе съ погромнымъ режимомъ, это всероссійское либеральное торжище прошло подъ знаменемъ партіи конституціонно-демократической и будущей партіи демократическихъ реформъ. Лидеры этихъ партій были лидерами съѣзда. Для земской же Россіи и этого было слишкомъ много. Насколько далека была земская Россія отъ этого съѣзда видно было уже на самомъ съѣздѣ, который получилъ много протестовъ, упрековъ въ самозванствѣ. Казанскій представитель даже привезъ съ собой въ этомъ смыслѣ наказъ. Его роль на съѣздѣ, какъ бы сводилась къ тому, чтобы протестовать противъ незаконности присвоенныхъ съѣздомъ правъ рѣшать вопросы именемъ земствъ и городовъ.

Если 6-го августа былъ первымъ испытаніемъ либерально-буржуазнаго будированія, которое она съ грѣхомъ пополамъ выдержала, то 17 октября было тѣмъ его испытаніемъ, которое воочію опредѣлило отношеніе буржуазно-владѣльческаго либерализма къ народной демократіи. Если правда, что 17 октября былъ провоцированъ, то разсчетъ былъ вполнѣ пра-

вильный. Буржуазія сбросила съ себя демократическую маску, она сразу заговорила тономъ ей приличествующимъ. Совершенно ошибочно мнѣніе, будто буржуазія бросилась въ реакцію, благодаря декабрьскому возстанію, грядущей опасности пролетарской диктатуры, которой насъ москвичей не прельстишь" *). Ея поведеніе, наоборотъ, было строго выдержанное, посвоему послѣдовательное, продиктованное ей ея соціальной природой. Это положеніе настолько ясно, что не нуждается въ доказательствахъ. Помѣстная и городская буржуазія противъ свободы для народа. Политическая свобода нужна ей и только ей. Политическая свобода это значитъ однопалатная система представительства замѣна постоянной арміи народной милиціей, свобода слова и собраній, союзовъ и стачекъ. Эти свободы означаютъ непрерывный ростъ самосознанія пролетаріата, какъ класса, съ его особыми соціальными задачами, ничего общаго не имѣющими съ благополучіемъ буржуазнаго порядка. Ростъ самосознанія пролетаріата, какъ класса, означаетъ непрерывныя съ его стороны требованія уступокъ, реформъ, требованія дѣйствительной соціальной справедливости. О, буржуазія прекрасно знаетъ эти азбучныя истины! Поэтому она пользуется первымъ удобнымъ для нея случаемъ, чтобы унизить, поработить пролетаріатъ—эту единственную враждебную силу буржуазнаго порядка. И въ дубасовскіе дни она прежде всего взялась за удлиненіе рабочаго дня, отбирать то, что завоевано было пролетаріатомъ раньше, а гг. помѣщики, конечно, земскіе гласные, чуть-ли не наперерывъ стали зазывать къ себѣ казаковъ для водворенія у себя „порядка".

Что дѣлали въ октябрьскіе дни городскіе думы и земства—эти „представительныя" учрежденія, которыя, не смотря на всѣ суженія сферы ихъ компетенціи, обладаютъ все же огромными матеріальными рессурсами? Конечно, вооруженная револьверами милиція плохая защита противъ правительственной артиллеріи, но милицію требовалось тогда устроить не для сраженій съ регулярными войсками всѣхъ трехъ родовъ оружія, а съ позорно трусливыми, при всякомъ, сколько-нибудь дѣйствительномъ отпорѣ, черносотенными бандами, правительственнымъ авангардомъ, безпрепятственно убивав-

*) Изъ рѣчи г. Кизеветтера.

шимъ мирныхъ жителей. Въ Москвѣ по иниціативѣ думы было созвано совѣщаніе изъ представителей организацій и партій. Предполагалось устроить комитетъ общественной безопасности. Уже шла рѣчь о распредѣленіи мѣстъ между участвующими въ совѣщаніи делегатами организацій, учрежденій, союзовъ и т. д. Но какъ только гг. думцы узнали, что городскіе рабочіе рѣшили пустить воду, они провалили весь проектъ. И въ Москвѣ людей избивали, рубили шашками у входа въ думскій залъ на глазахъ у стоявшаго тутъ же товарища городского головы. Въ Полтавѣ думскіе гласные рѣшили было удовлетворить требованія рабочихъ, сводящіяся къ „принятію мѣръ успокоенія населенія и къ устраненію воинскихъ патрулей и казачьихъ командъ, но вслѣдствіе внезапнаго ухода изъ засѣданія городского головы, постановленіе не могло состояться". Одесская дума рѣшила образовать при городскимъ головѣ совѣщательный комитетъ изъ гласныхъ городской думы, представителей союзныхъ организацій и организацій рабочихъ", но рѣшеніе это, какъ и рѣшеніе устроить милицію, не было приведено въ исполненіе. Въ Брянскѣ былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ городской милиціи, но и тутъ этотъ вопросъ остался висѣть въ воздухѣ. Были, конечно, и такія думы, которыя такъ или иначе относились благожелательно къ народу. Казанская дума, напр., устроила милицію. Минская дума послѣ знаменитой побѣды Курлова надъ безоружнымъ населеніемъ выкинула надъ городскимъ зданіемъ траурный флагъ, Саратовская дума постановила прекратить квартирное довольствіе казаковъ отъ города, а Ѳеодоссійская дума поступила по примѣру саратовской. Но были за то и такія думы, которыя ничѣмъ не отличились отъ тверской, вознаградившей казаковъ за ихъ „энергичное" охраненіе порядка. Огромное же большинство мѣстныхъ городскихъ самоуправленій оказались безстрастными свидѣтелями дикихъ вакханалій правительства 17 октября. Таково было поведеніе думъ въ октябрьскіе дни...

IV.

Перейдемъ однако, къ земской сессіи осени 1905 и начала 1906 г. Въ нѣсколькихъ словахъ политическое значеніе этой сессіи выражается полнымъ погромомъ, повсемѣстнымъ от-

ступленіемъ земскаго либерализма. Г. Василій Голубевъ, обозрѣвая сессіи 1094—1905 г. удовлетворенно восклицалъ: „Ни въ 70-е годы прошлаго столѣтія, ни въ 80-е оно (земство) не держало столь высоко знамя общественнаго освобожденія... То общественное возбужденіе, которое охватило положительно всѣ слои населенія, несомнѣнно было начато земствомъ, въ лицѣ многихъ земскихъ дѣятелей собравшихся, при довольно исключительныхъ условіяхъ, въ Петербургѣ... Въ декабрѣ земскія собранія продолжаютъ итти впереди общественнаго движенія“ *). Теперь тотъ же г. В. Голубевъ, котораго, очевидно, нельзя упрекнуть въ чрезмѣрной требовательности, начиная обзоръ послѣдней сессіи, говоритъ, что „она напоминала самыя мрачныя времена въ исторіи земства, когда подъ вліяніемъ общей реакціи, послѣ сильныхъ общественныхъ потрясеній, высоко поднимало голову старое крѣпостничество, когда въ земскихъ собраніяхъ громко раздавались голоса противъ „крамолы“, противъ врачей и учителей, противъ статистики народнаго образованія и пр. **). Дѣло, конечно, не въ „раздававшихся голосахъ“—это были голоса большинства гласныхъ Полтавскаго, Бессарабскаго, Калужскаго, Саратовскаго, Воронежскаго, Симбирскаго и др. губернскихъ собраній. Реакціонное теченіе на земскихъ собраніяхъ, помимо скандально-охранительной хроники, проявилось въ сокращеніи смѣтъ за плохимъ поступленіемъ земскихъ сборовъ, эти „сокращенія“ были таковы, что вызывали закрытіе цѣлыхъ отдѣловъ земскаго хозяйства. По отдѣльнымъ мѣстностямъ, въ особенности тамъ, гдѣ населеніе больше всего пострадало отъ неурожая, голода, карательныхъ экспедицій, безконечныхъ мобилизацій, отвлекавшихъ рабочіе силы деревни, дѣйствительно, былъ довольно чувствительный недоборъ земскихъ суммъ. Въ нѣкоторыхъ земствахъ, какъ напр. въ Аткарскомъ, этотъ недоборъ достигъ внушительной цифры въ отношеніи къ общей смѣтѣ. Но какъ уже указывалось въ періодической печати, недоборъ для всѣхъ земствъ былъ вовсе не такъ великъ, чтобы хоть сколько-нибудь оправдать сдѣланныя „сокращенія“. Помимо того, что земскіе сборы поступаютъ полностью пер-

*) Нар. хоз. янв. февр. 1905 г. стр. 101 и сл.
**) Б. З. № 4 стр. 135.

выми изъ общей суммы сборовъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель, у насъ вѣдь практикуются особыя мѣры взысканія. Эти особыя мѣры въ началѣ этого года приняли характеръ военныхъ набѣговъ на селенія, не платящія сборовъ. И, наконецъ, почему же сокращенія коснулись прежде всего культурныхъ отраслей земскаго хозяйства? „Крупныя сокращенія смѣты коснулись, главнымъ образомъ, новыхъ отраслей земскаго хозяйства—санитаріи, статистики въ разныхъ ея видахъ, наконецъ, идетъ пріостановка земскихъ періодическихъ изданій *). Разгадка скоро объяснится, если вспомнимъ, что вышеприведенныя отрасли хозяйства находятся отчасти въ рукахъ земскаго „третьяго“ элемента, до извѣстной степени независимыхъ отъ управъ экономическихъ и санитарныхъ совѣтовъ и т. д. Желаніе нанести ударъ третьему элементу „забастовщикамъ и крамольникамъ“, чисто животная ненависть къ революціонерамъ, страхъ революціи, аграрныхъ безпорядковъ были господствующимъ настроеніемъ большинства земскихъ собраній. Медицинскій персоналъ московскаго уѣзда долженъ былъ поголовно оставить земство въ концѣ концовъ за то, что управа была противъ принадлежности медицинскаго персонала къ медицинскому союзу. Симбирское собраніе выразило недовѣріе представителю управы за то, что тотъ содержалъ на службѣ соціалиста-революціонера. Страхъ революціи выразился въ опредѣленнной, чуждой всякихъ сентиментовъ формѣ въ стародубскомъ уѣздномъ собраніи, постановившемъ требовать военнаго суда надъ всѣми лицами причастными къ аграрнымъ безпорядкамъ, продлить на неопредѣленное время арестъ уже сидящихъ въ тюрьмѣ за эту причастность, увеличенія войска въ уѣздѣ и въ заключеніе—карательной (они выразились—устрашительной) экспедиціи, и даже указали подъ чьимъ начальствомъ должна пройтись по уѣзду означенная экспедиція—именно, ген. Рудакова, нач. губернск. жандармск. управленія **).

Гдѣ же была либеральная оппозиція? Земскій либерализмъ отцвѣлъ, запасъ его хорошихъ словъ давно уже вывѣтрился. То, что отъ него уцѣлѣло, пріютилось въ нѣд-

*) Н. Ж. № 363.

**) См. назв. статью г. В. Голубева въ Б. Заг. № 4.

рахъ конституціонно - демократической партіи, составляя тамъ правое крыло. Въ мѣстномъ самоуправленіи онъ потерялъ всякое обаяніе. Будучи вынужденнымъ, подъ вліяніемъ усложненія требованій революціоннаго народа, признать принципъ всеобщаго избирательнаго права для мѣстнаго самоуправленія, земскія радикалы тѣмъ самымъ отрицали самихъ себя, они тѣмъ самымъ доказывали, что они безъ всякаго моральнаго оправданія распоряжаются чужими деньгами и хозяйничаютъ тогда, когда истинный хозяинъ ихъ знать не хочетъ. Выросшіе на нивѣ земскаго либерализма организаціи 3-ьяго элемента, особенно въ лицѣ экономическихъ совѣтовъ, сближавшихся въ годъ революціи съ крестьянствомъ, явились опять таки полнымъ отрицаніемъ земскаго либерализма. Земцы долгіе годы говорили о необходимости поднять „самодѣятельность“ населенія, о произволѣ администраціи, о травосѣяніи, объ овражкахъ и пескахъ. Объ этомъ они говорили еще очень недавно въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ. Они забыли тамъ говорить о кабальной арендѣ, о малоземельи и безземельѣ *), а говорили о необходимости реформированія крестьянскаго банка въ смыслѣ расширенія операцій послѣдняго, сдѣлать кредитъ болѣе доступнымъ населенію, т.-е. о томъ, что повышало продажную стоимость земли. Г.г. земцамъ не повезло и съ статистикой. Созданная имъ земская статистика цифрами въ рукахъ доказывала, что въ то время, когда надѣльная, крестьянская земля платила съ десятины земскихъ сборовъ $14^1/_5$ к., частновладѣльческая земля платила $6^3/_5$ к.**). Овражки, песочки, крестьянскій банкъ, есть, конечно, на подобіе шараповскихъ плужковъ, земская маниловщина, а крестьянамъ маниловщина не нужна, имъ нужна земля. И вотъ, когда наиболѣе умные земцы увидѣли, что земельный конфликтъ неминуемъ, что владѣльческое упорство ничего хорошаго не обѣщаетъ они выдвинули свою аграрную программу. Какова бы ни была эта программа съ точки зрѣнія нищаго, голоднаго крестьянина и съ точки зрѣнія интересовъ великой революціи, но разъ эта программа признаетъ принудительное отчужденіе хотя бы части помѣщичьихъ земель

*) См. Святловскаго. Образованіе, март. 1905 г.

**) Н. И. Іорданскій. Земскій либерализмъ, стр. 32.

и регулированіе арендныхъ цѣнъ г.г. земскіе радикалы этимъ самымъ оторвались отъ земства, отъ земской глыбы и стали конституціонными-демократами. Земцы же, въ главной своей массѣ, остались тѣмъ же, чѣмъ они было и раньше, т.-е. крупными и средними земельными собственниками, живущими продовольственной арендой, крестьянской кабалой, казенными подачками и страстно раскаивающимися теперь за свои недавнія увлеченія. Исторія союза 17 октября въ лицѣ его лидеровъ—г.г. Гучковыхъ, Петрова-Соловово и др. является вмѣстѣ съ тѣмъ исторіей выдыханія владѣльческаго—помѣстнаго и городского—либерализма.

Но почему же, спрашивается, земство производитъ впечатлѣніе умирающаго организма, почему послѣдняя сессія, тамъ гдѣ не было полицейскаго свойства скандаловъ, прошла такъ безжизненно вяло, напоминая собой тоскливые разговоры безнадежно раззорившихся когда то гремѣвшихъ дѣльцовъ? Потому, что мѣстное самоуправленіе, въ его нынѣшней организаціи, основанной на представительствѣ лишь имущихъ классовъ обречено на гибель, одновременно съ самодержавнымъ режимомъ. Самодержавный режимъ внутренне разлагается, разлагается все то, что съ нимъ связано и въ томъ числѣ наши ненавидимыя народомъ уродливыя нормы представительства въ мѣстномъ самоуправленіи. То, что есть жизненнаго въ мѣстномъ самоуправленіи, принадлежитъ третьему элементу. Весьма характеренъ тотъ фактъ, что Московскіе Гучковы, разгромивъ на земскомъ собраніи Московскую Губернскую Управу за то, что послѣдняя не приняла репресивныхъ мѣръ противъ бастовавшихъ служащихъ, вынудивъ Управу подать въ отставку, должны были, тѣмъ не менѣе, отказаться отъ представившейся имъ возможности взять въ свои руки земское хозяйство. Охранители изъ союза 17 октября, не могутъ взять въ свои руки земство, потому что они не могутъ продолжать земское хозяйство съ самостоятельными экономическими, санитарными совѣтами, съ корпораціями служащихъ, со всѣмъ штабомъ третьяго элемента, такъ прочно тамъ утвердившагося, потому что взять земство въ свои руки—это значитъ все передѣлать на полицейскій ладъ,—для этого нужно другое время, не время революціонныхъ бурь и потрясеній. Да и ничего не выйдетъ изъ такихъ передѣлокъ, потому что для того, чтобы сохранить хотя

бы иллюзію самоуправленія, недостаточно одной поддержки администраціи. Для того, чтобы все передѣлать на свой покрой, нужно много времени, а предпринять работу на долгій срокъ мало-мальски разсудительный человѣкъ, по пынѣшнимъ временамъ, не станетъ. Но и либералы изъ конституціонно-демократической партіи не могутъ придать земству облика нормально фукціонирующаго органа управленія, потому что ихъ „подавляющее меньшинство“, большинство земскихъ гласныхъ противъ нихъ. Интересная картина! Гласные не довѣряютъ своимъ исполнительнымъ органамъ—управамъ, народъ не довѣряетъ ни тѣмъ ни другимъ. Это сознаніе своего безсилія, отсутствіе подъ ногами почвы въ довѣріи народныхъ массъ, не желающихъ дольше терпѣть владѣльческія привиллегіи, не признающихъ чужаго хозяйничанья и создало то общее настроеніе подавленности, безсодержательности теперешняго земства.

Этотъ безвыходный кругъ, въ который попало наше цензовое самоуправленіе и вдохновило стараго лидера земскаго либерализма И. И. Петрункевича сказать по истинѣ вѣрно опредѣляющія положеніе слѣдующія слова: „Земство переживаетъ почти смертельный кризисъ, оно пришло въ тупикъ и не подъ вліяніемъ давленія извнѣ, а потому, что само населеніе протестуетъ противъ него, и протестуетъ самымъ чувствительнымъ образомъ—прекращеніемъ уплаты земскаго сбора. Ясно, что на прежнихъ условіяхъ земство долѣе существовать не можетъ. При такихъ условіяхъ намъ невозможно продолжать работу, обычнымъ порядкомъ. Теперь передъ земствомъ стоитъ только одинъ вопросъ: какъ передать свое дѣло и свои учрежденія, безусловно важныя для населенія въ цѣлости новому, реформированному земству“... т.-е. истинному хозяину земскихъ учрежденій—народу. Этотъ хозяинъ уже протянулъ руки къ мѣстному самоуправленію и, нѣтъ сомнѣнія, онъ получитъ то, что ему давно принадлежитъ.

V.

Полная реорганизація избирательныхъ нормъ мѣстнаго самоуправленія, какъ и расширеніе предѣловъ его компетенціи составляетъ неотложную задачу демократіи. Мѣстное самоуправленіе, вѣдающее всѣ стороны т. наз. „мѣстной“

жизни и построенное на началахъ демократической 4-хъ степенной избирательной формулы, есть необходимая опора демократическаго строя. Какъ бы ни было организовано центральное управленіе, но строй жизни фактически не будетъ демократическимъ, если мѣстное самоуправленіе не находится въ рукахъ демократіи. Только самодѣятельность массъ, вовлеченныхъ въ всѣ сферы общественно-хозяйственной жизни создастъ базу для дальнѣйшаго наступательнаго движенія демократіи. Сознаніе этой необходимости, къ счастью, уже проникло въ умы широкихъ народныхъ массъ. Но реорганизація мѣстнаго самоуправленія можетъ быть результатомъ только общей реорганизаціи государственнаго строя. Побѣда революціи надъ старымъ режимомъ создастъ соотвѣтствующее результатамъ этой побѣды устройство мѣстной жизни. Отдѣльные сепаратные захваты мѣстнаго самоуправленія революціей никакихъ существенныхъ результатовъ въ смыслѣ измѣненія ихъ формы и содержанія не достигнутъ. Умирающій режимъ, создавшій (соотвѣтственно своей сущности или нѣтъ—это другой вопросъ) извѣстныя нормы мѣстнаго самоуправленія будетъ во имя установленія „порядка“ крѣпко за нихъ цѣпляться до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ жить. Захватъ революціей мѣстнаго самоуправленія въ Прибалтійскомъ краѣ не далъ, поэтому, никакихъ результатовъ въ смыслѣ реорганизаціи его. Временно побѣдившее самодержавіе вернуло мѣстное самоуправленіе въ его старое лоно.

Тѣмъ не менѣе, уже и теперь, въ разгарѣ борьбы съ умирающимъ строемъ важно использовать мѣстное самоуправленіе, какъ одно изъ орудій борьбы, какъ одно изъ средствъ ослабить противника.

Мы уже говорили, что роль мѣстнаго самоуправленія въ октябрскія дни была очень ничтожна. Однако, никого вѣрно не удивитъ то обстоятельство, что на огромной россійской территоріи нашлись думы, составлявшія исключенія изъ общей массы городскихъ думъ, индифферентно относившихся къ окружающимъ событіямъ. Какъ бы ни были малы эти отклоненія въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, ихъ необходимо отмѣтить. Эти отклоненія имѣютъ свое значеніе не столько по тѣмъ абсолютнымъ положительнымъ результатамъ, которые они дали, сколько по

тактическимъ обобщеніямъ, на которыя они наталкиваютъ, указавъ, какъ можно использовать мѣстное самоуправленіе въ интересахъ революціи. Жизнь намѣтила три формы этого использованія. Первая форма—дума какъ таковая, не смѣшиваясь съ резолюціей оказываетъ послѣдней извѣстныя услуги. Такъ харьковская дума ассигновала въ пользу забастовавшихъ почтово-телтграфныхъ служащихъ 10 т. рубл., 3,000 р. ассигновала въ пользу семей забастовавшихъ рабочихъ также московская дума. Этотъ способъ использованія думъ лишенъ, конечно, серьезнаго значенія, такъ какъ врядъ-ли можно его усмотрѣть въ крохотныхъ подачкахъ трудящимся массамъ со стороны владѣльческой буржуазіи, подачекъ дѣлаемыхъ послѣдней изъ денегъ собранныхъ съ этихъ же массъ. Вторая форма использованія думъ—члены думы входятъ составной частью создавшейся революціей организаціи внѣ думы. Въ томъ же Харьковѣ создался комитетъ общественной безопасности. Въ комитетъ входили также думцы. Въ Красноярскѣ думцы входили членами въ комитетъ, составленный изъ представителей всѣхъ организацій. Въ Харьковѣ роль комитета общественной безопасности свелась по газетнымъ свѣдѣніямъ къ тому, что онъ принялъ на себя посредническую роль между администраціей и забаррикадировавшейся въ университетѣ молодежью. Въ Красноярскѣ объединенный комитетъ приступилъ къ организаціи городскихъ выборовъ на основахъ 4-хъ степенной формулы. Третья форма—представители революціонныхъ организацій или временныхъ соединеній входятъ на тѣхъ или другихъ началахъ въ Думу. Дума, уступая ту или другую функцію руководительству революціонныхъ организацій прикрываетъ ихъ своимъ авторитетомъ. Такъ было въ Севастополѣ. 19 октября въ Севастополѣ на бульварѣ собрался народный митингъ. Будучи возмущенъ совершеннымъ наканунѣ разстрѣломъ мирной толпы войсками, народъ рѣшилъ устроить „народную охрану“ города. Были избраны 20 „народныхъ депутатовъ“. Они отправились въ думу, чтобы потребовать немедленнаго удаленія казаковъ, военныхъ патрулей, всей полиціи и освобожденія политическихъ въ томъ числѣ—потемкинцевъ, заключенныхъ въ плавучей тюрьмѣ „Прутъ“. Дума согласилась, соціалдемократическіе члены депутаціи принялись организовывать охрану, а городской

голова вмѣстѣ съ другой частью депутатовъ отправились къ командиру порта. Городской голова заявилъ командиру порта „что дума ввѣрила охрану города народнымъ депутатамъ... По возвращеніи въ думу изъ числа народныхъ депутатовъ было выбрано отвѣтственное лицо по народной охранѣ, соціалдемократка „Наташа“, какъ одинъ изъ вождей организованныхъ рабочихъ и матросовъ, единодушно признанныхъ единственной силой, способной охранять городъ. По мѣрѣ организаціи отрядовъ охраны, сообщалось объ этомъ по телефону администраціи, патрули снимались съ улицы и туда направлялся отрядъ народной охраны. Дума ассигновала на дѣло охраны 2,000 руб. *)

Изъ всѣхъ добровольныхъ или подъ вліяніемъ внѣшнихъ давленій сдѣланныхъ думами попытокъ оказать вліяніе на ходъ событій, попытку Севастопольской думы, слѣдуетъ считать самой удачной, и эту форму использованія городскихъ думъ въ интересахъ революціи слѣдуетъ считать самой желательной. И это положеніе нетрудно доказать соображеніями общаго характера. Демократически настроенныхъ элементовъ въ думахъ сравнительно очень мало. Обособленные, отдѣленные отъ думы они не представляютъ собой замѣтной силы. Дума матеріально сильна, какъ таковая, какъ общественно-хозяйственная организація. Будучи по настоящей ея конструкціи буржуазной, она боится уступить свою власть, свои прерогативы людямъ, улицы“. Дума должна очень неохотно выходить изъ предѣловъ думскихъ залъ для участія въ какой-нибудь организаціи, создавшейся внѣ ея. Но она считаетъ себя гораздо болѣе обезпеченной, когда она принимаетъ какую-нибудь организацію въ свою среду. Принимая организацію въ свою среду, она разсчитываетъ, что будетъ имѣть больше вліянія на работу этой организаціи. Это, конечно, отчасти вѣрно, но если организація, входящая въ думу, достаточно сильна довѣріемъ народныхъ массъ, если за этой организаціей дѣйствительно авторитетъ „народныхъ депутатовъ“, какъ это и было въ Севастополѣ, то ей въ значительной степени нечего бояться, что думцы ей станутъ поперекъ дороги. А если и станутъ, то, конечно, не потому, что данный способъ использованія рессурсовъ мѣстаго само-

*) Борьба № 7.

управленія, недостаточно цѣлесообразенъ съ точки зрѣнія интересовъ революціи въ сравненіи съ другими, имѣющимися въ распоряженіи революціонной демократіи средствами этого использованія, а потому, что послѣдняя недостаточно сильна. Необходимо твердо установить, что рѣчь идетъ не о захватѣ мѣстнаго самоуправленія во время революціи, не о переходѣ этого самоуправленія въ руки демократіи—такой переходъ, какъ мы уже говорили, можетъ быть только результатомъ общей побѣды революціи надъ все еще цѣпляющимся за власть осужденнымъ режимомъ,—а о томъ или другомъ использованіи мѣстнаго самоуправленія въ процессѣ обостренной политической борьбы. Между тѣмъ, въ умахъ многихъ товарищей происходитъ на этотъ счетъ совершенная путаница понятій. Только этой путаницей понятій можно объяснить тотъ фактъ, что когда 15 октября Московская Дума пригласила представителей рабочихъ организаціи, союзовъ, общественныхъ учрежденій и партій, и дебатировала вопросъ объ устройствѣ комитета общественнаго спасенія изъ членовъ думы и приглашенныхъ представителей организацій, соціалъ-демократы „гордо“ отказались вступить въ какое-либо соглашеніе съ владѣльческой думой, и предложили послѣдней сложить свои полномочія. Это предложеніе при тогдашнемъ соотношеніи силъ могло, конечно, вызвать только улыбку. Въ результатѣ, если бы комитетъ былъ бы созданъ, если бы Дума не отступила, онъ бы создался безъ соціалъ-демократіи и отъ этого услуги, которыя онъ могъ бы оказать революціи не стали бы большими. Получилось бы еще одно, самоустраненіе, съ которымъ мы теперь достаточно знакомы на примѣрѣ съ выборами въ Государственную Думу. Такая постановка вопроса мало общаго имѣетъ съ постановской вопроса объ участіи соціалъ-демократіи въ революціонномъ временномъ правительствѣ вообще. Рѣшеніе въ положительномъ смыслѣ вопроса о томъ или другомъ временномъ соглашеніи съ мѣстнымъ сомоуправленіемъ для строго конкретныхъ цѣлей, нисколько не предрѣшаетъ ни въ ту, ни въ другую сторону спорный вопросъ объ участіи во временномъ правительствѣ. Только путемъ соглашенія съ мѣстными самоуправленіями, можно использовать буржуазно-демократическіе элементы городскихъ думъ, тамъ, гдѣ они имѣются. Если представить ихъ самимъ себѣ—они теряются

въ массѣ сугубо-буржуазныхъ элементовъ. Но и эти сугубо-буржуазные элементы, способны подъ вліяніемъ сильнаго внѣшняго давленія, вызваннаго возбужденной революціонной атмосферой, допустить въ свою среду и представителей обычно третируемаго ими народа. Любопытенъ въ этомъ отношеніи фактъ происшедшій въ г. Николаевскѣ Самарской губерніи. Еще 5-го сентября земское собраніе постановило призвать „на помощь Управѣ и населенію по вопросамъ поддержанія рабочаго скота и общественныхъ работъ волостныхъ попечителей“ по 3 отъ каждаго села. Къ январскому собранію пріѣхало около 500 ч. Крестьяне выбрали изъ своей среды 50 ч., которымъ дано было право совѣщательнаго голоса на земскомъ собраніи, и вмѣстѣ со своими выборными представили на обсужденіе собранія въ первую очередь рядъ вопросовъ: о снятіи военнаго положенія, объ институтѣ сельскихъ стражниковъ, о томъ, что „земля какъ даръ Божій, должна принадлежать всему народу“, объ орзанизаціи мелкой земской единицы и т. д. Само собой разумѣется, что земскіе гласные (не всѣ, конечно), узнавъ сущность крестьянскихъ домоганій, поспѣшили къ предводителю дворянства, который, въ свою очередь съ величайшей поспѣшностью закрылъ собраніе, а крестьянъ стали выгонять изъ города (Н. Ж. № 353). Да иначе, конечно, и не могло быть. Революція въ Самарской губ. въ январѣ вовсе не была такъ сильна, чтобы заставить николаевскихъ землевладѣльцевъ иначе относиться къ заявленіямъ крестьянъ, но мы говоримъ о симптоматическомъ значеніи этого факта, указывающемъ на способность въ революціонное время даже современныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія допустить въ свою среду представителей народа. И это необходимо использовать...

Н. Гилинъ.

Критическіе соціалисты и политика блока.

Въ общемъ ураганѣ событій, въ пестрой смѣнѣ общественныхъ явленій, въ процессѣ дифференціаціи политическихъ группъ возникъ литературный кружокъ «Безъ заглавія». Бывшіе члены покойнаго Союза Освобожденія, они одно время составляли лѣвое крыло к.-д. партіи, изъ состава которой вскорѣ вышли, образовавъ собственную литературную группу.

Представляя собою незначительное литературное теченіе, кружокъ могъ бы и не возбудить къ себѣ особаго вниманія, если бы проводимыя имъ идеи не отражали, хотя и въ преломленномъ видѣ, тѣхъ вопросовъ, которые отчасти выдвинуты соціаль-демократіей.

Послѣ естественнаго напряженія, вызваннаго пережитыми событіями, наступилъ нѣкоторый интервалъ. За періодомъ стихійнаго подъема, послѣдовала фаза критической оцѣнки. Обсужденіе нѣкоторыхъ проблемъ, выброшенныхъ на житейскій берегъ бушующимъ моремъ революціи, поставлено на очередь дня передъ лицомъ соціаль-демократіи.

Нечего и говорить, что критикой прежде всего заразилась буржуазія. Еще дымилась кровь павшихъ жертвъ, еще слышны были отзвуки ружейныхъ залповъ, какъ уже раздались «трезвыя» и «умѣренныя» рѣчи буржуазныхъ критиковъ. Естественно, что и литературный кружокъ—«Безъ заглавія», примыкающій «къ тому еще не окристализовавшемуся у насъ теченію, которое на Западѣ связано съ именемъ критическаго соціализма» (Б. З. № 3, стр. 89), долженъ былъ также увлечься общимъ «критическимъ» повѣтріемъ? Находясь въ состояніи перманентной критики, обязываясь быть вѣчной тѣнью, слѣдующей по пятамъ соціализма, представители критическаго соціализма измѣнили бы своему знамени, если бы въ эти дни общаго раздумья, не развили бы максимумъ своей критической энергіи. «Noblesse oblge»

И если критика растворяется въ критикѣ «во что бы то ни стало», если объективная критика переходитъ въ «критическое, слишкомъ критическое», то это уже не вина публицистовъ изъ «Безъ заглавія», а фатальное послѣдствіе «обязывающаго положенія».

Но критическій соціализмъ или ревизіонизмъ не характеризуетъ еще вполнѣ обликъ литературной группы. Передъ нами кружокъ по преимуществу «интеллигентскій», а «критическій соціализмъ» является скорѣе привѣскомъ къ интеллигентской сущности.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ Германіи ревизіонизмъ имѣетъ подъ собою нѣкоторую почву, поскольку онъ опирается на мелкобуржуазные элементы, вростающіе въ соціаль-демократію, то россійскій ревизіонизмъ, не связанный ни съ какими массами, теряетъ всякій raison d'être и превращается въ нѣчто мивическое. Да къ тому еще въ періодъ гражданской войны, когда политическая борьба обострена до крайней степени, когда различные классы мѣрятся своими силами, когда направленіе равнодѣйствующей зависитъ отъ дальнѣйшаго развитія активности въ странѣ—почва менѣе всего благодарна для развитія соціалистическаго оппортунизма.

На фонѣ этой оторванности отъ массъ еще выпуклѣе выступаютъ специфическія черты «интеллигентской» психологіи. «Партія, по русскому пониманію,—пишетъ г-жа Кускова—есть подборъ однотонныхъ личностей. Для людей, ставящихъ индивидуальную свободу и ростъ личности основной задачей человѣческой культуры, часто бываетъ морально недопустимымъ то посягательство на свободу убѣжденій за предѣлами партійнаго минимума, которое практикуется въ политическихъ партіяхъ—кружкахъ политически-неразвитыхъ странъ» (Безъ Заг. № 3, стр. 84).

Когда интеллигентъ не можетъ согласовать свои хаотическія стремленія съ координированными дѣйствіями массъ, тогда велѣнія, диктуемыя неотложными потребностями, должны отступать передъ велѣніями моральнаго закона. Когда индивидуальная свобода оказывается въ противорѣчіи съ крѣпкой организованностью и сплоченной солидарностью «однотонныхъ личностей», тогда свобода убѣжденій впадаетъ въ противорѣчіе съ стремленіемъ къ свободѣ. Всякое расширеніе партійныхъ задачъ разсматривается какъ посягательство на «ростъ личности» за предѣлами партійнаго минимума.

Характерными чертами «интеллигентской» психологіи являются также этотъ страхъ положительнаго дѣла, это подчеркиваніе негативной выжидательной политики, это освобожденіе путемъ самоустраненія отъ великой отвѣтственности, чисто декадентское resignation въ смыслѣ воздержанія отъ вмѣшательства въ грозныя событія. «Мы не призывали—восклицаетъ г-жа Кускова—къ вооруженному возстанію, мы не приглашали пролетаріатъ революціоннымъ путемъ осуществлять 8-часовой рабочій день. Мы не натравливали пролетаріатъ на буржуазную демократію, мы не писали финансоваго манифеста, мы многаго не дѣлали».

Блаженнны кротціи, блаженны воздержные, блаженны не сопротивляющіеся! Больно ошибаться, но еще больнѣе терпѣть объективныя послѣдствія ошибокъ! Но пока еще не изобрѣтена соціальная «таблица умноженія», ошибки неизбѣжны. Въ періодъ же революціи, когда массовыя выступленія по своей страстности и рѣзкости выливаются въ стихійныя формы, когда общественныя противорѣчія достигаютъ наибольшей остроты, когда великое броженіе охватываетъ всѣ классы сверху до низу—предварительный учетъ силъ становится еще болѣе затруднительнымъ. Кто хочетъ избѣгнуть ошибокъ, пусть учится великой доблести —«многаго не дѣлать» и еще болѣе великой доблести «ничего не дѣлать». Патентованное и общепринятое средство, предохраняющее отъ всякихъ ошибокъ!

Апологеты критическаго соціализма недаромъ прошли черезъ горнило союза Освобожденія. Школа г. Струве сказалась. Какъ извѣстно, въ рукахъ г. Струве заключеніе крайнихъ лѣвыхъ и правыхъ въ одну скобку явилось хорошимъ испытаннымъ средствомъ для дискредитированія революціи. Отчасти это льстило самолюбію либеральной буржуазіи, которая могла себя чувствовать настоящей оппозиціей и свой страхъ передъ революціей оправдать страхомъ передъ реакціей.

На языкѣ публицистовъ Полярной Звѣзды это означаетъ «борьбу на два фронта» или «отмежеваніе какъ справа, такъ слѣва». Г-жа Кускова осуждаетъ подобные пріемы борьбы и считаетъ, что «всякій говорившій въ это время о «борьбѣ на два фронта», «объ обузданіи распущенности крайнихъ элементовъ, уже клалъ этимъ самымъ крѣпкій камень на фундаментъ будущей реакціи». Но публицисты «Безъ Заглавія», сами того не замѣчая, слѣдуютъ по той же стезѣ соратниковъ г. Струве, которые достаточно ис-

кусились въ варьированіи до безконечности пикантныхъ сочетаній, изобличающихъ идейное родство диктатуры пролетаріата и военнаго положенія.

Г. Богучарскій провозглашаетъ «полное и безусловное отрицаніе права за кѣмъ бы то ни было, будь то какой угодно «Дворъ» или какой угодно «пролетаріатъ»—на какія бы то ни было «диктатуры» (Б. З. № 12),—сочетаніе «Дворъ» и «пролетаріатъ». Г-жа Кускова предлагаетъ исключить изъ задачъ рабочей партіи «всеподданнѣйшія увѣщеванія, дворцовые и иные заговоры и прочія не народныя формы борьбы» (Б. З. № 11)—сочетаніе дворцовые и «иные» заговоры. Она считала бы также возможнымъ сопоставить публицистовъ «Правды» и Новаго Времени, если бы она секунду была увлечена «жаднымъ стремленіемъ все обличать, все смѣшать съ грязью». «Когда Новое Время встрѣчаетъ лицъ съ нимъ несогласныхъ, оно кричитъ: жиды, финляндцы, ату ихъ, въ кутузку!» Когда «Правда» лишь издали услышитъ «несогласье», «критику», «судъ»—она кричитъ: это буржуазные публицисты, это союзники агентовъ, это клеветническія выходки буржуазныхъ фарисеевъ и книжниковъ»... (Б. З. № 8) —«внѣшнія, дикія сочетанія» публицистовъ «Новаго Времени» и «Правды».

Но уйдемъ и мы, по приглашенію г-жи Кусковой, отъ этихъ «внѣшнихъ, дикихъ сочетаній» и постараемся выяснить политическій обликъ литературной группы.

Оторванность критическихъ соціалистовъ отъ массъ, ихъ внѣпартійное существованіе наложили особый отпечатокъ на ихъ литературную физіономію. Не имѣя никакой почвы въ настоящемъ, не отражая ни одного изъ современныхъ характерныхъ теченій, они должны были искать какую-нибудь точку опоры въ будущемъ. И они нашли ее въ парламентскомъ режимѣ. Парламентаризмъ—вотъ что выведетъ критическихъ соціалистовъ изъ пустыни внѣпартійности.

Но въ чемъ же значеніе парламентскаго режима для пролетаріата, не въ томъ ли, что благодаря представительному строю, онъ сумѣетъ лучше организовать свои силы, скорѣе вырветъ изъ цѣпкихъ рукъ буржуазіи необходимыя завоеванія, яснѣе вскроетъ классовыя противорѣчія? — Нѣтъ! Г-жѣ Кусковой открываются иныя перспективы, а именно: «Урна, избирательный листокъ и парламентская скамья—вотъ ближайшая цѣль существованія всякой политической партіи на Западѣ. Эта основная цѣль

формированія отдѣльныхъ единицъ въ одно цѣлое — партію, не исключаетъ, конечно, побочныхъ цѣлей партійной жизни организаціи массъ внѣ парламента, созданія органовъ культурнаго воздѣйствія на эти массы, наконецъ, воспитанія партійнаго общественнаго мнѣнія, но всѣ эти побочныя цѣли не опредѣляютъ для каждаго отдѣльнаго члена того минимума дѣйствія, который опредѣлялъ бы его специфическую задачу, какъ члена партіи... Вырабатывая въ процессѣ коллективнаго творчества партійную дисциплину, мораль, исповѣданіе, западно-европейскія партіи оставляютъ каждому члену широкую свободу дѣйствій въ предѣлахъ той программы-максимумъ, которая не имѣетъ непосредственнаго практическаго значенія и служитъ лишь орудіемъ пропаганды и разъясненія задачъ программы-минимумъ» (Б. З. № 3).

Краткій смыслъ длинныхъ рѣчей таковъ: западноевропейскія партіи требуютъ минимумъ дѣйствія—подачу голоса. Максимумъ же дѣйствія, заключающійся въ организаціи пролетаріата и внѣ парламента, является лишь побочною цѣлью. «Урна, избирательный листокъ и парламентская скамья»—а затѣмъ... продолжительный отпускъ въ сферу индивидуальной свободы. Такимъ образомъ, широкая свобода дѣйствія въ предѣлахъ программы-максимума обезпечена, свобода убѣжденій за предѣлами партійнаго минимума гарантирована, а ростъ личности въ атмосферѣ необязательнаго партійнаго максимума не препятствуется.

Нужды нѣтъ, что и въ Западной Европѣ подача голоса не является ближайшей задачей политическихъ партій и организація партій вовсе не служитъ лишь побочнымъ цѣлямъ. Парламентская борьба является однимъ изъ способовъ организаціи пролетаріата, развитія его классового сознанія и обогащенія новыми кадрами соціалистическихъ приверженцевъ. Внѣ крѣпкой организаціи, сосредоточивающей свое вниманіе на всѣхъ сторонахъ жизни рабочаго класса, охватывающей всю сумму многообразныхъ его интересовъ, избирательная кампанія лишена была бы своего значенія.

И если это справедливо по отношенію къ Западу, то тѣмъ болѣе это примѣнимо къ современнымъ условіямъ въ Россіи. Только на фонѣ революціонной дѣйствительности, Дума можетъ служить великимъ рупоромъ голоса страны, концентрировать оппозиціонную атмосферу и быть однимъ изъ гангліозныхъ узловъ нервовъ революціонной націи. Каждое событіе, конфликтъ въ Ду-

мѣ горазде больше значенія пріобрѣтетъ за ея стѣнами, чѣмъ внутри ихъ. Въ этомъ смыслѣ Думу возможно будетъ использовать, какъ одинъ изъ многихъ путей организаціи революціонныхъ силъ. Формулы—«революція внѣ Думы» или «Дума внѣ революціи» должны одинаково уступить мѣсто формулѣ—«революція вмѣстѣ съ Думой».

Г-жа же Кускова, перенося всѣ свои чаянія за грань революціи, этимъ самымъ какъ бы становится внѣ революціи. Г-нъ Струве восклицаетъ: «революціоннаго пролетаріата нѣтъ», послѣдняя дата революціи—17 октября, за которымъ уже начинается «безумство революцій». Г-жа Кускова говоритъ—«все движеніе пролетаріата—революціонно» (Б. З. № 11) и на этомъ основаніи отодвигаетъ послѣднюю дату революціи ad Calendas Graecas уничтожаетъ демаркаціонную линію между революціоннымъ и нереволюціоннымъ временемъ и сводитъ почти на нѣтъ различіе въ тактикѣ между этими обоими періодами. Изъ этого, конечно, нельзя заключить, что г-жа Кускова alter ego г. Струве. Напротивъ того, различны ихъ точки зрѣнія, мотивы, классовыя позиціи. Г-нъ Струве воплощаетъ либеральную безпринципность, г-жа Кускова—соціалистическій оппортунизмъ. Одинъ видитъ свои успѣхи въ прошломъ, другая въ будущемъ. Одинъ считаетъ, что буржуазія добилась уже нѣкоторыхъ завоеваній, и потому именемъ своего класса находитъ возможнымъ обманывать пролетаріатъ, другая надѣется, что пролетаріатъ въ исключительно парламентской атмосферѣ добьется частичныхъ уступокъ, и потому обманываетъ себя. Г. Струве говоритъ, что необходимо отмежеваться какъ справа, такъ и слѣва, г-жа Кускова, напротивъ, зоветъ къ объединенію всѣхъ оппозиціонныхъ силъ, но и тотъ и другая проходятъ мимо революціи, игнорируя ея неотложныя задачи. Создается такимъ образомъ идейная близость психологическое родство.

Не отстаютъ публицисты «Безъ Заглавія» отъ соратниковъ г-на Струве и въ своихъ нападкахъ на революціонныя партіи. Но въ концѣ концовъ г-да судьи сами запутываются въ своихъ собственныхъ обвиненіяхъ.

Г. Прокоповичъ находитъ, что партія была изолирована, такъ какъ «организаціонное и политически-активное движеніе рабочихъ прошло мимо соціаль-демократической партіи». Г-жа Кускова напротивъ, находитъ, что сама партія катилась «по волѣ массъ» въ ураганѣ революціи за тѣми вліятельными лозунгами, кото-

рымъ апплодируетъ улица» (Б. З. № 8). Значитъ партія не была изолирована, ибо ея лозунгамъ «апплодировала улица» (надѣемся не улица г. Струве, не улица г. г. критическихъ соціалистовъ; никакая иная улица, какъ пролетарская).

Г-нъ Прокоповичъ видитъ изолированное положеніе партіи въ томъ, что «организаціонное и политическое активное движеніе рабочихъ прошло мимо соціаль-демократической партіи, стояло внѣ ея кадръ», г-жа Кускова объясняетъ изолированное положеніе партіи «неумѣніемъ приспособлять свои лозунги къ степени сопротивленія существующихъ условій» (Б. З. № 3). Значитъ, или партія вмѣстѣ съ рабочими не сумѣла приспособить свои лозунги къ степени сопротивленія существующихъ условій, тогда не можетъ быть рѣчи объ изолированности партіи отъ пролетаріата или же «политически-активное движеніе рабочихъ прошло мимо с.-демократической партіи» и пролетаріатъ слѣдовательно самъ не сумѣлъ приспособить свои лозунги къ степени сопротивленія существующихъ условій; тогда игнорированіе степени сопротивленія нельзя вмѣнять въ вину партіи. Помилосердствуйте, г-да перманентные критики, — нельзя же быть прокурорскимъ именинникомъ и на Антона и на Онуфрія!

Такія филиппики по адресу крайнихъ партій выступаютъ наряду съ довольно снисходительной критикой или даже похвальными аттестаціями по адрессу кадетовъ. «Она одна (к.-д-ая партія)—пишетъ г-жа Кускова—изъ всѣхъ 3-хъ партій поняла свою задачу въ узко-политическомъ смыслѣ слова: существованіе въ парламентѣ. Въ этомъ смыслѣ она сдѣлалась настоящей Западно-Европейской партіей: завела бюро, повѣсила плакаты... устраиваетъ собранія, ведетъ агитацію, и, наконецъ, самое главное — выставляетъ своихъ кандидатовъ... Если будетъ Дума, то кандидаты к.-д. партіи должны будутъ сыграть въ ней безусловную революціонную роль превращенія этой Думы въ органъ истиннаго народнаго представительства». Затѣмъ слѣдуетъ комплиментъ за такую программу, «что къ ней могъ бы свободно присоединиться всякій русскій радикалъ и соціалистъ». А г. Богучарскій, чуждый «доктринерскихъ требованій, отрицающихъ возможность въ Думѣ органической работы», въ своей статьѣ «Побѣда обязываетъ» (Б. З. № 11) призываетъ кадетовъ послѣ первой побѣды одержать вторую,—и «громко и строго поднять голосъ протеста противъ всего чинимаго на Руси». Но это предложеніе еще не было услышано, какъ уже послѣдовало на страницахъ «Рѣчи» великолѣпное «не

будемъ слушаться ни правыхъ, ни лѣвыхъ». Очевидно «побѣда обязываетъ» кадетовъ использовать ее только для себя. Правда редакція «Безъ заглавія» напомнила объ «измѣнѣ тѣмъ обязательствамъ, которыя партія приняла предъ избирателями». Но вѣдь подобное напоминаніе только «мѣдь звенящая» для партіи, которая всю свою программу построила на оппортунистическихъ компромиссахъ. Развѣ всѣ эти «по мѣрѣ возможности», «по степени осуществимости не представляютъ настоящихъ лазеекъ для безчисленныхъ отступленій.

Въ связи съ этими увѣщеваніями по адресу кадетовъ и выступаетъ вопросъ о блокѣ, которому критическіе соціалисты удѣляютъ особенное вниманіе.

«Лѣвыя партіи — патетически восклицаетъ г-жа Кускова — носители старыхъ, но нетлѣнныхъ завѣтовъ русской демократіи, сомкните ряды!» (Б. З. № 12) Къ этимъ носителямъ нетлѣнныхъ завѣтовъ демократіи должны быть причислены и кадеты, которые, «выступая, какъ партія съ декларацією народной свободы могутъ и должны быть союзниками въ тѣхъ общихъ методахъ борьбы, которые объединяютъ сейчасъ всѣ добивающіеся парламентскаго режима партіи». (Б. З. № 3)

О союзѣ или коалиціи съ буржуазіей говоритъ и г. Бланкъ.

«Если россійская соціаль-демократическая партія не можетъ, или не хочетъ, сдѣлать изъ нея, буржуазіи, своего открытаго союзника, то она во всякомъ случаѣ не должна толкать ее въ противоположный лагерь, въ реакцію, въ контръ-революцію. Этого революціонная соціаль-демократія не должна, не въ правѣ дѣлать, обязана избѣгать всѣми средствами, ради дѣла освобожденія и ради самой соціаль-демократіи. И если буржуазная демократія въ настоящій моментъ противъ вооруженнаго возстанія, то о немъ не можетъ и не должно быть рѣчи. Съ этимъ необходимо считаться, даже если бы буржуазія подчинялась при этомъ единственно только свойственной ей дряблости, слабости и трусости, — съ такими фактами также необходимо считаться». —(«Къ злобамъ дня русской соц.-демократіи, «Наша Жизнь» № 401.)

Нѣтъ сомнѣнія, что соціаль-демократія должна считаться съ окружающими условіями, должна избѣгать такихъ положеній, въ которыхъ пролетаріатъ оказался бы изолированнымъ. Но для оппортунистическаго публициста эта необходимость превращается въ необходимость подчиненія соціалъ-демократической тактики «дряблости, слабости и трусости» буржуазіи. Нечего и говорить,

что *такую* буржуазію соціалъ-демократія не можетъ толкать въ лагерь контръ-революціи, ибо туда она сама охотно устремится. И если г. Бланкъ приводитъ въ свидѣтели Маркса, который отмѣчаетъ «самое высокое значеніе во всякой передовой революціи» буржуазной демократіи, то менѣе всего Марксъ подразумѣвалъ ту ея часть, которая легко увлекается контръ-революціонными вожделѣніями и такъ охотно украшаетъ себя такими доблестями, какъ «трусость, вялость и дряблость». Къ образованію лѣваго блока уже въ самой Думѣ призываетъ г. Прокоповичъ. «Эти лѣвые, представляя собою внушительную парламентскую группу въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, могутъ сыграть очень крупную политическую роль, *укрѣпляя позицію лѣваго центра—кадетовъ—въ его борьбѣ съ правыми партіями и способствуя усвоенію всей оппозиціей болѣе рѣшительной тактики.* («Наша Жизнь» № 415)

Г-жа Кускова приглашаетъ замѣнить метафизику революціи ея діалектикой. Но мыслитъ ли она сама и ея товарищи діалектическія событія, разсматриваютъ ли они революцію въ ея процессѣ? Либеральная буржуазія представляется публицистамъ «Безъ Заглавія», въ ея статическомъ состояніи. Поэтому свое толканіе влѣво умѣренной оппозиціи они понимаютъ черезъ-чуръ примитивно и нѣсколько наивно. Г. Богучарскій увѣщеваетъ кадетовъ одерживать новыя побѣды, нисколько не замѣчая, что эти увѣщеванія остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; г. Бланкъ совѣтуетъ не слишкомъ отпугивать буржуазію, не отмѣчая болѣе глубокихъ причинъ буржуазнаго страха и буржуазнаго ренегатства; г. Прокоповичъ непосредственнымъ давленіемъ лѣвой оппозиціи рекомендуетъ укрѣплять позицію кадетовъ, игнорируя то обстоятельство, что подобное укрѣпленіе можетъ лишь задержать ростъ настоящей демократіи.

Между тѣмъ вопросъ о блокѣ можетъ лишь быть выдвинутъ въ связи съ образованіемъ и развитіемъ революціонной демократіи, но для этого нужно было возвыситься надъ уровнемъ даннаго момента и взглянуть на событія въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи.

Кадеты, получившіе «мандатъ отечества», одержали дѣйствительную побѣду надъ своими «правыми» противниками. Но нельзя объяснить побѣду кадетовъ однѣми правительственными репрессіями. Какъ ни старались господа Риманы, Мины, Рененкампфы и прочіе Дубасовы, они, разстрѣлявъ вѣру въ правительство, не убили еще вѣру въ Думу, созванную правительствомъ. Если

пролетаріатъ знаетъ уже, что самодержавная конституція можетъ переплавиться въ демократическую,—не при средней температурѣ умѣренной оппозиціи, а при высокомъ жарѣ революціонной борьбы, то этого еще нельзя сказать о мѣщанской демократіи. Она шла за кадетами не только потому, что кон.-дем. партія была самой оппозиціонной изъ всѣхъ принимавшихъ участіе въ выборахъ, но еще и потому, что изъ рукъ кадетовъ надѣялись получить все, что имъ нужно было. Но въ дальнѣйшемъ процессѣ революціи — эта вѣра въ разрѣшеніе кризиса путемъ соглашенія и сдѣлокъ должна также испариться. Во-первыхъ Думу можно разогнать, чѣмъ, правда, правительство само завершитъ пропаганду революціонныхъ идей, которыя упадутъ на благодарную почву. Но тогда скромные лозунги кадетовъ окажутся ниже оппозиціоннаго настроенія. Во-вторыхъ Дума можетъ стать на почву соглашенія, но тогда она окажется безсильной для разрѣшенія неотложныхъ соціальныхъ задачъ, и иллюзорность политики соглашенія станетъ всѣмъ очевидной. Въ томъ и въ другомъ случаѣ политическое руководство должно выпасть изъ рукъ к.-дем. партіи, и ея распаденіе неизбѣжно. Правая часть кадетовъ, смѣшавшись съ октябристами, будетъ продолжать консолидированіе реакціоннаго блока; въ то же время разложеніе этой партіи вызоветъ освобожденіе революціонной энергіи живыхъ ея силъ, связанныхъ теперь оппортунистической программой и тактикой. Союзы и другія радикальныя группы, втянувши въ себя элементы лѣваго крыла кадетовъ и значительные слои мелкой буржуазіи, должны въ позднѣйшемъ фазисѣ революціи сыграть еще болѣе активную роль.

Каждая правительственная уступка знаменуетъ собой переходъ части умѣренной оппозиціи въ лагерь реакціи. Такое превращеніе произошло уже съ нашими земскимъ и городскимъ самоуправленьемъ, потерявшими на нашихъ глазахъ всякое идейное руководство и вліяніе на текущія событія. Земскіе съѣзды сами собой прекратились, а земское меньшинство, составляющее главное ядро «союза 17 октября», было совершенно подавлено кадетскимъ натискомъ.

Г. Бланкъ, рекомендующій бережное отношеніе къ буржуазнымъ доблестямъ, не замѣчаетъ, что компромиссъ — вотъ тотъ реактивъ, который проявляетъ контръ-революціонную природу той или другой буржуазной фракціи. Если часть буржуазіи спѣшитъ вмѣсто якобинской шапки надѣть на себя филистерскій

колпакъ, то это происходитъ, конечно, не вслѣдствіе козней соціалъ-демократіи, якобы толкающей ее въ лагерь реакціи, а вслѣдствіе естественнаго хода вещей, вслѣдствіе необходимаго перемѣщенія въ штатъ реакціонеровъ тѣхъ элементовъ, которые удовлетворяются уже правительственной подачкой. Напротивъ же, подъ боевымъ огнемъ соціалъ-демократической критики, влѣво перемѣщавшіяся группы усваивали диктуемые пролетаріатомъ болѣе радикальные лозунги, становились въ болѣе рѣшительную оппозицію. То «внѣклассовое» міровоззрѣніе, которое такъ охотно подчеркиваютъ кадеты, именно вытекаетъ изъ того вынужденнаго «ровненія влѣво», безъ котораго они потеряли бы всякое вліяніе на текущія событія, какъ потеряли его уже октябристы. Но это еще не значитъ, что либеральная буржуазія забыла свои классовые интересы. Подчеркивая свое «внѣклассовое» міровоззрѣніе, она тѣмъ настойчивѣе напоминала о паки и паки чувствительномъ для нея «классовомъ самоотреченіи». И въ моментъ, когда придется выбирать между властью или даже призракомъ власти и оппозиціей, классовыя привилегіи окажутся той гирей на политическихъ вѣсахъ, которая перетянетъ либеральную буржуазію въ сторону контръ-революціи. Тогда она и примется за реставрацію своихъ классовыхъ вожделѣній. Но означаетъ ли отпаденіе той части буржуазіи, подчиняющейся «свойственной ей дряблости, слабости и трусости», — разрывъ освободительныхъ силъ? Не разрывъ, а лишь ихъ большую концентрацію.

Развитіе революціи совершается не только путемъ перехода въ лагерь реакціи части умѣренной оппозиціи, но и усиленія оппозиціоннаго настроенія и демократизаціи платформы болѣе лѣвыхъ фракцій. Но процессъ партійнаго распада характеризуется еще и тѣмъ, что группы, отпавшія въ сторону реакціи, становятся партійными инвалидами и политическими «morituri», въ то время какъ освободившаяся отъ балласта болѣе умѣренныхъ элементовъ, оппозиція временно получаетъ большее идейное вліяніе. Слѣдующая революціонная волна, отбросивъ къ стопамъ реакціи дряблые своекорыстные элементы, вынесетъ на своемъ гребнѣ болѣе радикальныя требованія, болѣе демократическія лозунги. Такой ходъ событій замѣчается въ процессѣ всѣхъ революцій. Активное выступленіе пролетаріата, отличающее русскую революцію отъ прочихъ буржуазныхъ революцій, ускорило только этотъ политическій размывъ, способствовало быстрому перемѣщенію политическаго центра тяжести влѣво. И если умѣренныя

требованія и болѣе чѣмъ скромная программа земскаго либерализма далеко оставлены позади исторіи и если «союзъ 17-го октября» сыгралъ столь ничтожную роль въ выборной компаніи, если на очередь дня поставлены глубокія политическія и соціальныя преобразованія, то этому, конечно, въ большой мѣрѣ содѣйствовало насыщеніе атмосферы с.-демократической пропагандой. Въ пользу дальнѣйшаго направленія революціи по тому же руслу говоритъ и то, что тѣ слои, которые на своихъ плечахъ вынесли всю тяжесть освободительной борьбы, не могутъ удовлетвориться жалкими подачками. Революція будетъ питаться дальнѣйшимъ недовольствомъ; частичныя же уступки, удовлетворяя менѣе активно участвовавшіе въ движеніи элементы, обострятъ только чувство раздраженія обойденныхъ слоевъ населенія. Г. Прокоповичъ, предлагая блокъ для укрѣпленія позиціи кадетовъ, игнорируетъ то, что революціонная энергія буржуазныхъ фракцій еще не исчерпана настолько, чтобы нельзя было ожидать дальнѣйшихъ политическихъ отложеній, новыхъ партійныхъ формацій. Извѣстная часть демократической буржуазіи, и прежде всего крестьянство, почти такъ же кровно заинтересованы, какъ и пролетаріатъ въ такихъ крупныхъ демократическихъ завоеваніяхъ, какъ всеобщее избирательное право, осуществленіе свободъ и коренная ломка аграрныхъ отношеній. Разочаровавшись въ маниловскихъ иллюзіяхъ кадетской тактики, они протянутъ свою руку борющемуся пролетаріату. Но условія образованія и укрѣпленія революціонной демократіи зависятъ отъ скорѣйшаго разложенія кон.-дем. партіи. Только перешагнувъ черезъ политическій трупъ послѣдней, она вмѣстѣ съ пролетаріатомъ сумѣетъ стать у кормила революціи. Правда, политическое омертвѣніе имущихъ слоевъ увеличитъ и кадры контръ-революціоннаго блока, но за то тѣмъ сильнѣе поднимется активность оставшихся вѣрными революціонному знамени. Критическіе же соціалисты, предлагающіе готовый блокъ для укрѣпленія позиціи кадетовъ, не въ состояніи разсматривать революцію въ ея процессѣ, не способны учитывать революціонную энергію болѣе лѣвыхъ фракцій демократической буржуазіи. Отказываясь отъ прогноза развитія революціонной демократіи, они естественно подчиняютъ свою болѣе радикальную программу и рѣшительную тактику идеологіи буржуазіи, въ свою очередь «подчиняющейся свойственной ей трусости, слабости и дряблости». Проповѣдь готоваго блока, который можетъ и долженъ ставиться только въ связи съ дальнѣйшими

перспективами освободительнаго движенія, успѣла наложить уже печать плоскаго оппортунизма на демократовъ «Безъ Заглавія» и «Нашей Жизни». «Какъ бы не отпугнуть либеральную буржуазію, какъ бы не толкнуть ее въ лагерь реакціи». Но высказывая подобныя опасенія, они сами дѣлаются пугливыми и безпомощными, заигрывая съ политиками двойственности, становятся половинчатыми и неопредѣленными. Но людей компромисса, колебанія караетъ историческая Немезида, и уже дыханіе политической смерти вѣетъ надъ самыми умѣренными изъ нихъ. Только твердымъ, непреклоннымъ, до конца сознающимъ свои цѣли шлетъ свое благословеніе исторія.

Т. Бѣльскій.

Объединительный съѣздъ Россійской соціалъ-демократіи.

Объединительный съѣздъ р. с. д. р. партіи, начался при хорошихъ предзнаменованіяхъ: многіе делегаты изъ различныхъ мѣстностей сообщали, что ихъ избиратели посылали съ требованіемъ объединиться и, слѣдовательно, подчиниться постановленіямъ съѣзда. Такого рода настроеніе рабочихъ массъ должно было сдерживать наиболѣе непримиримыхъ (если бы таковые и были) представителей фракцій большинства и меньшинства отъ попытокъ къ расколу и побудить къ объединительной работѣ. Поэтому когда, „меньшевики", при обсужденіи порядка дня съѣзда предложили обсуждать въ первую очередь нефракціонный вопросъ, аграрную программу, не могло произойти рѣзкихъ фракціонныхъ столкновеній, то, не смотря на нежеланіе „большевиковъ", съѣздъ принялъ предложенный меньшевиками порядокъ дня и приступилъ къ обсужденію аграрной программы. Было предложено на разсмотрѣніе съѣзда три проекта аграрной программы и цѣлый рядъ поправокъ къ этимъ проектамъ.

Первый проектъ т. Ленина, напечатанный имъ въ брошюрѣ „Аграрная программа" и т. д. сводится къ требованію націонализаціи всѣхъ земель при условій введенія въ странѣ демократической республики, хотя въ программѣ есть такіе пункты, которые предполагаютъ сохраненіе частнаго землевладѣнія (регулированіе аренды судами). Есть въ этой программѣ и требованіе передачи конфискованныхъ земель крестьянскимъ комитетамъ, при чемъ не указано, что рекомендуется дѣлить ли ихъ или оставлять неприкосновенными, дожидаясь учрежденія демократической республики, которая должна и крестьянскія земли націонализировать. Другой

проектъ, опубликованный въ печати Масловымъ, предлагаетъ передачу конфискованныхъ земель, областному демократическому самоуправленію, которое опредѣляетъ и размѣры земельныхъ участковъ, подлежащихъ отчужденію.

Наконецъ третій проектъ, предлагая раздѣлъ между крестьянами земель, находящихся въ ихъ арендномъ пользованіи, остальныя конфискованныя земли, предполагаетъ передать также мѣстному самоуправленію. Послѣдній проектъ, какъ компромиссный и безпринципный почти не подвергался обсужденію и пренія велись главнымъ образомъ по поводу двухъ проектовъ Ленина и Маслова.

Какъ на основной недостатокъ проекта Ленина указывалось на то, что передача $^1/_6$ части поверхности земнаго шара въ распоряженіе буржуазнаго государства грозитъ большой опасностью не только для соціалъ-демократіи, но и для демократіи вообще; что въ ближайшемъ будущемъ нѣтъ гарантій отъ реставраціи, которая, имѣя въ своемъ распоряженіи территорію страны, можетъ раздавить демократію, опираясь на мужика; что у крестьянъ еще живы или могутъ возродиться традиціонные взгляды на землю, какъ на землю „государеву“, когда распоряженіе этой землей сосредоточится въ рукахъ государства; что это фактически и осуществилось бы при реставраціи; что только организованная на мѣстахъ демократія послужитъ прочной основой демократическаго строя и можетъ помѣшать реставраціи стараго порядка; что попытка націонализаціи крестьянскихъ земель во многихъ мѣстахъ, особенно тамъ, гдѣ существуетъ подворное землевладѣніе, вызоветъ контръ революцію и, расколовши демократію, поведетъ къ ея пораженію.

Возраженія противъ проекта Маслова, сводились не столько противъ выставленнаго этимъ проектомъ принципа, сколько противъ нѣкоторыхъ его выраженій. Такъ возражали противъ слова „отчужденныхъ земель“, какъ менѣе опредѣленнаго, чѣмъ требованіе „конфискованныхъ“ земель. Указывалось также и на то, что „муниципализація“ земли является не менѣе утопической мѣрой, чѣмъ и націонализація, хотя всякому ясно, что при передачѣ земли, въ руки представителей мѣстнаго населенія, послѣднее будетъ ближе къ распоряженію ею, чѣмъ при ея націонализаціи.

По предложенію главнымъ образомъ представителей За-

кавказья, гдѣ значительная часть крестьянскихъ земель захвачена помѣщиками и является спорной, къ проекту программы Маслова, прибавлена тактическая резолюція, въ которой сказано, что с. д. р. п., стремясь къ передачѣ конфискованныхъ земель во владѣніе крупныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ условія будутъ неблагопріятны для этого, выскажется за раздѣлъ между крестьянами тѣхъ земель, которыя служатъ орудіемъ ихъ закабаленія или которыя необходимы для окруженія земельныхъ участковъ крестьянъ. Въ виду того, чтобы была прибавлена эта тактическая резолюція, въ самой программѣ слова „передача во владѣніе мѣстнаго демократическ. самоуправленія“ замѣнены словами „въ распоряженіе“, а слова „во владѣніе“ вставлены въ резолюцію. *)

Передъ голосованіемъ, въ виду того, что сторонниковъ проекта программы Ленина оказалось слишкомъ мало онъ снялъ свой проектъ и рекомендовалъ своимъ сторонникамъ голосовать за раздѣлъ. Такимъ образомъ голосовался 1) проектъ раздѣла, 2) измѣненный проектъ Ленина, предложенный другимъ делегатамъ и 3) проектъ Маслова съ указанными измѣненіями, предложенный группой делегатовъ. Большинствомъ 62 противъ 42 при 6 воздержавшихся проектъ Маслова былъ принятъ.

При обсужденіи по отдѣльнымъ параграфамъ слово „экспропріація“ помѣщичьихъ земель замѣнено словомъ „конфискація“. Далѣе пунктъ программы, касающійся конфискаціи и передачи кабинетскихъ, удѣльныхъ и монастырскихъ земель въ руки государства, измѣненъ такимъ образомъ: конфискація этихъ земель и передача ихъ демократическому мѣстному самоуправленію, кромѣ тѣхъ земель, которыя могутъ служить переселенческимъ фондомъ, остающимся въ рукахъ государства.

Въ такомъ видѣ программа была принята и съѣздъ приступилъ къ обсужденію другихъ вопросовъ.

Посвятивши два засѣданія обсужденію и оцѣнкѣ современнаго момента въ Россіи съѣздъ перешелъ къ обсужденію вопроса о государственной думѣ.

*) Общее введеніе въ программу: „для уничтоженія пережитниковъ“ и т. д. взято изъ старой программы.

Но при оцѣнкѣ текущаго момента и даже при обсужденіи аграрнаго вопроса выяснилось, что въ партіи существуетъ два взгляда на развитіе революціи и на роль въ ней соціалдемократіи.

По преобладавшему на съѣздѣ взгляду меньшевиковъ главной задачей соціалдемократіи является и въ настоящій моментъ организація пролетарскихъ массъ.

Посколько въ этихъ цѣляхъ возможно использовать процессъ выборовъ въ думу и процессъ борьбы въ самой думѣ за созывъ учредительнаго собранія, постолько необходимо использовать выборы въ самую думу. Именно для того, чтобы масса населенія увидѣла неспособность думы ни современнаго правительства рѣшать кардинальные вопросы русской жизни и возложила свои надежды на учредительное собраніе, нужны конфликты, какъ думы съ правительствомъ, такъ и конфликты внутри думы между либеральными и революціонными ея элементами. Такимъ образомъ пренія свелись къ вопросу о томъ, нужно ли соц. дем. партіи уклоняться отъ этихъ конфликтовъ въ думѣ и совершенно ее игнорировать, или обострять ея конфликты съ правительствомъ и конфликты въ ней, опираясь на массу пролетаріата. „Большевики“ ставили вопросъ „или—или“ (или бороться въ думѣ или внѣ ея), „меньшевики“ говорили „и—и“ (и въ думѣ и внѣ ея).

Такъ какъ выборы въ государственную думу еще не вездѣ закончились, то представители Закавказья поставили передъ съѣздомъ вопросъ, принимать ли соц.-демократамъ участіе въ выборахъ въ госуд. думу на Кавказѣ и въ Сибири или бойкотировать выборы. Кавказцы при этомъ указали на то, что соц.-демократическіе кандидаты, выставляются противъ кандидатовъ, выставленныхъ конст.-демократами. Вмѣстѣ съ вопросомъ о выборахъ выдвинулся и вопросъ объ образованіи соціалдемократической рабочей группы въ государственной думѣ.

Такъ какъ нѣкоторые депутаты въ думу избраны какъ кандидаты, выставленные мѣстными организаціями с.-д. р. п., то образованіе группы соціалдемократическихъ депутатовъ въ думѣ является неизбѣжнымъ. Нѣкоторые делегаты съѣзда высказывались противъ образованія въ госуд. думѣ соціалдемократической группы потому, что въ большей части Россіи выборы въ думу бойкотировались и партія будетъ плохо

представлена: составъ соціалдемократическихъ депутатовъ въ думѣ окажется болѣе или менѣе случайнымъ, наиболѣе видные дѣятели партіи будутъ внѣ думы, между тѣмъ какъ другія партіи выдвинули въ думу свои лучшія силы не только потому, что самыя условія выборовъ были для нихъ наиболѣе благопріятны, но и потому что другія партіи принимали горячее участіе въ выборной агитаціи и въ выборахъ. Тѣмъ не менѣе съѣздъ призналъ желательнымъ образованіе соціалдемократической группы въ думѣ, такъ какъ участіе партіи въ политической жизни страны будетъ полнѣе, если ея требованія будутъ раздаваться и въ стѣнахъ государственной думы. Въ виду того, что тамъ будутъ соціалдемократы, съѣздъ призналъ желательнымъ, чтобы они выступали лишь подъ контролемъ и руководствомъ партіи, и для этого были бы тѣсно связаны съ нею.

Безъ такой связи партіи пришлось бы поддерживать требованія крайней лѣвой не имѣя въ думѣ оффиціальныхъ представителей, т.-е. идти подъ руководствомъ трудовой или крестьянской группы. Съѣздъ предвидѣлъ неизбѣжность конфликтовъ не только думы съ правительствомъ но и внутри думы на почвѣ радикальныхъ требованій крайней лѣвой въ думѣ, которыя сведутся въ концѣ концовъ къ требованію учредительнаго собранія.

Чтобы дѣятельность соц. демократической группы въ думѣ была планомѣрной и тѣсно связанной съ дѣятельностью партіи, съѣздъ призналъ необходимымъ установить не только органическую связь центра партіи съ группой въ думѣ, но и поставить условія, которыми опредѣляется принадлежность къ соціалдемократической группѣ того или другого депутата думы.

Покончивши съ вопросомъ о думѣ съѣздъ перешелъ къ опредѣленію направленія дѣятельности партіи въ настоящее время. И во взглядахъ на этотъ вопросъ обнаружилось два теченія. Одно теченіе выдвигало на первое мѣсто организацію пролетарскихъ массъ, не игнорируя и технически боевыхъ задачъ, между тѣмъ какъ другое теченіе выдвигало послѣднія на первое мѣсто, придавая имъ несоразмѣрно большое значеніе.

Въ рѣшеніи вопроса о задачахъ с. д. р. п. въ Россіи въ настоящій моментъ принялъ участіе (заочно) и Каутскій,

прислaвшій съѣзду письмо. Въ этомъ письмѣ Каутскій напоминаетъ, что по его мнѣнію въ такой моментъ, который переживаетъ Россія, соціалдемократіи особенно важно не забывать своей главной задачи—организаціи пролетаріата. Это напоминаніе было очень кстати, такъ какъ замѣчалось у нѣкоторой части съѣзда стремленіе выдвинуть такія стороны дѣятельности партіи, которыя грозили оторвать организованную часть пролетаріата отъ его неорганизованной части.

Отвести надлежащее мѣсто этой сторонѣ технической революціи и составляло задачу съѣзда. Съѣздъ, принявши резолюцію меньшевиковъ, выдвинулъ на первое мѣсто организацію массъ. Рѣшенія съѣзда по перечисленнымъ вопросамъ, въ сущности опредѣлили направленіе всѣхъ его дальнѣйшихъ работъ. Остальные вопросы, рѣшенные съѣздомъ, не имѣли ни такого принципіальнаго значенія и ихъ рѣшеніе находится въ тѣсной зависимости отъ изложенныхъ, принятыхъ съѣздомъ рѣшеній. Объединивши партію съѣздъ опредѣлилъ направленіе дѣятельности партіи въ ближайшее время и облегчилъ ей возможность развернуть въ политической борьбѣ всѣ силы, которыя въ ней находятся.

Д—онъ.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛЬ...ТИЧЕСКОЙ
АК... НІИ.